

САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ГОСУ-
ДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

А.Н. Галямичев

**ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ МИРА:
ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ**

**Учебно-методическое пособие
по дисциплине «История отдельных регионов мира»
для студентов 3 курса очной формы обучения
направления подготовки 46.03.01 – «История» (бакалавриат)**

Саратов — 2017

Галямичев А.Н.

ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ МИРА: ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ.

Учеб.-метод. пособие по дисциплине «История отдельных регионов мира» для студентов 3 курса очной формы обучения направления подготовки 46.03.01 – История (бакалавриат). Саратов, 2017. – 181 с.

Учебно-методическое пособие предназначено для студентов 3 курса очной формы обучения направления подготовки 46.03.01 – История (бакалавриат). В пособии представлены программа курса, тематика практических занятий с их примерными планами, методическими рекомендациями, списками рекомендуемых для изучения источников и литературы.

Пособие призвано помочь студентам, обучающимся по направлению «История» (бакалавриат), в осмыслении ключевых проблем развития Византийской империи, в овладении необходимыми навыками самостоятельной работы, а также может быть востребовано преподавателями и студентами высших учебных заведений гуманитарного профиля.

Рекомендуют к опубликованию:

кафедра всеобщей истории,
научно-методическая комиссия Института истории
и международных отношений

Саратовского национального исследовательского государственного
университета имени Н.Г. Чернышевского

Оглавление

Вводные замечания	4
Программа курса	5
Рабочий план практических занятий	7
Методические материалы к циклу практических занятий.....	8
Тематика рефератов (примерная)	174
Список рекомендуемых для изучения источников и литературы ...	175

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

История Византии преподаётся в Институте истории и международных отношений Саратовского университета как часть дисциплины по выбору вуза «История отдельных регионов мира». Принимая решение о выделении византийской истории в качестве особой составной части курса, изучение которой завершается промежуточной аттестацией в форме зачёта, Учёный Совет института руководствовался той огромной значимостью, которую имеет изучение истории Византийской империи для формирования мировоззрения вступающего в жизнь поколения россиян.

История Византии и Руси-России связана многообразными отношениями. Из Византии на Русь пришло христианство, а вместе с ним — письменность и книжная культура, изобразительное искусство и каменное зодчество.

В учебно-методическом пособии предлагается развёрнутая программа курса, а также рабочие планы практических занятий. По каждой из предлагаемых тем предлагаются ключевые вопросы, выстроенные в соответствии с логикой осмысления проблем, списки источников и литературы, тексты (или фрагменты) важнейших памятников истории Византии, анализ которых должен стать основой работы подготовки студентов к практическим занятиям, а также соответствующие тематике практических занятий разделы исследований и учебных пособий, принадлежащих перу выдающихся отечественных и зарубежных византинистов. Общая трудоемкость дисциплины согласно учебному плану составляет 1 зачетную единицу (36 часов, в том числе 18 часов практических занятий и 18 часов самостоятельной работы студентов).

Что касается форм организации самостоятельной работы студентов, то они видятся самыми разнообразными. Их выбор определяется интересами студентов. Наиболее распространённой формой организации самостоятельной работы представляется подготовка студентами рефератов по тем темам, которые не вошли в круг вопросов, рассматриваемых на аудиторных занятиях. Наряду с ней уместной видится подготовка мультимедийных презентаций, особенно по темам, связанным с изучением культуры. В том случае, если студенты проявляют интерес к иным формам освоения учебного материала (включая подготовку викторин, «круглых столов», интеллектуальных игр и т.п.), преподаватель оказывает необходимую при их организации помощь.

ПРОГРАММА ДИСЦИПЛИНЫ

Введение: Место Византии во всемирно-историческом процессе

Особенности исторической судьбы Византийской империи. Её культурно-историческая роль в эпоху Средневековья. Сложность научного изучения истории Византии. Византиноведение как комплексная научная дисциплина.

Споры об исторической роли Византийской империи в исторической литературе прошлого и настоящего. Роль русской науки в изучении истории Византии. Труды В.Г. Васильевского, Ф.И. Успенского, Н.П. Кондакова. Византиноведение в XX — начале XXI в.

Часть 1. Восточная Римская империя на позднеантичной стадии развития

1.1. Возникновение Восточной Римской империи и её развитие в V — начале VI в.

Основание Константинополя и становление Византийской империи. Особенности социально-экономического и государственного строя ранней Византии. Византия в эпоху Великого переселения народов. Окончательное разделение Римской империи на Западную и Восточную. Неоднозначность судеб Западной и Восточной Римских империй в V в. и её причины. Религиозные споры в Византии в V в. и их исторические последствия. Церковь и императорская власть. Правление Анастасия I.

1.2. Византийская империя в годы правления Юстиниана I.

Начало царствования Юстиниана I. Восстание «Ника» в Константинополе. Основные черты внутренней политики Юстиниана I. «Свод гражданского права». Внешняя политика Юстиниана I. Попытка восстановления Римской империи. Войны на Востоке. Последствия внешней политики Юстиниана I.

Часть 2. Центральный период истории Византии

2.1. Кризис второй половины VI — VII вв. и начало складывания средневекового византийского общества и государства

Состояние византийского общества и государства в последние годы правления Юстиниана I. Вторжения славян на Балканский полуостров. Мятеж 602 г. и правление императора Фоки. Император Ираклий и его войны с Ираном.

Византия в эпоху арабских завоеваний. Территориальные потери империи и изменения в этническом составе населения и социально-

экономическом строе. Военно-административные реформы. Фемный строй. Иконоборчество и его социально-политическое содержание.

2.2. Расцвет Византийской империи в годы правления императоров Македонской династии

Приход к власти Македонской династии. Оформление государственного строя средневековой Византии. Внешняя политика. Социально-экономическое развитие и аграрное законодательство императоров Македонской династии. Византийский город. Культура Византии. «Македонское Возрождение». Русско-византийские культурные связи.

2.3. Комниновская Византия

Смена правящей династии в Византийской империи во второй половине XI в., её предпосылки и исторические последствия. Социально-экономическое развитие и внутренняя политика Комнинов. Рост крупного землевладения. Развитие городов. Международное положение Византии. Византия и начало крестовых походов. Культура Византии в эпоху Комнинов. Обострение социально-политических противоречий в империи во второй половине XII в.

2.4. Четвёртый крестовый поход, Латинская империя и восстановление Византии

Социально-экономическое состояние и политическая ситуация в Византии накануне Четвёртого крестового похода. Взятие крестоносцами Константинополя и его последствия. Образование Латинской империи и особенности её общественного и государственного строя. Венецианская Романия. Генуэзская Романия. Греческие государства в первой половине XIII в. и их борьба за восстановление Византийской империи.

Часть 3. Поздняя Византия

3.1. Византия во второй половине XIII — XIV вв.

Социально-экономическое развитие поздней Византии. Кризис византийского государства. Гражданская война и восстание зилотов (1341 — 1355). Идеино-богословская борьба в империи. Начало турецких завоеваний на Балканах.

3.2. Падение Византийской империи и его исторические последствия

Турецкие завоевания на Балканах во второй половине XIV — первые десятилетия XV вв. Попытки заключения унии между западной и восточной церквами и крестовые походы западноевропейских рыцарей против турок. Падение Константинополя. Исторические последствия гибели Византийской империи.

РАБОЧИЙ ПЛАН ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

1. Основные этапы изучения истории Византии от эпохи Возрождения до наших дней — 2 часа.
2. Становление Византийской империи и её социально-экономическое и политическое развитие в V — начале VI в. — 2 часа.
3. Основные направления внутренней и внешней политики Юстиниана I — 2 часа.
4. Внешняя и внутренняя политика императоров Исаврийской династии и её последствия — 2 часа.
5. Византия в годы правления императоров Македонской династии — 2 часа.
6. Тема 6. Византийская империя в XI—XII вв.— 2 часа.
7. Четвёртый крестовый поход и его исторические последствия — 2 часа.
8. Византийское общество и государство в XIII — XIV вв. — 2 часа.
9. Падение Константинополя и его исторические последствия — 2 часа.

Итого: 18 часов.

МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ К ЦИКЛУ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

Тема 1. Основные этапы изучения истории Византии от эпохи Возрождения до наших дней — 2 часа.

1. Место Византии во всемирной истории.
2. Византия в трудах итальянских гуманистов эпохи Возрождения.
3. Византия в западноевропейской историографии XVII—XVIII вв.
4. Русское византиноведение XIX — начала XX вв.
5. Развитие отечественного и зарубежного византиноведения в середине XX — начале XXI в.

Литература¹:

- Аверинцев С.С.* Византийский культурный тип и православная духовность // *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. СПб., 2004. С. 426—444.
- Гийю А.* Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005.
- Курбатов Г.Л.* История Византии (историография). Л., 1975.
- Сюзюмов М.Я.* Историческая роль Византии и её место во всемирной истории (В порядке дискуссии) // Византийский временник. М., 1968. Вып. 29. С. 32-44.
- Райс Д.Т.* Византийцы. Наследники Рима. М., 2003.
- Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.
- Удальцова З.В.* Советское византиноведение за пятьдесят лет. М., 1969.
- Экономцев И.* Византинизм, славяне и Россия // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 55-75.

Историческая роль Византии²

Долгое время ученые в своих концепциях истории Византии представляли ее как совершенно чуждое Западу общество, как особый мир застоя, перманентных дворцовых смут и деспотизма. Историю Византии изучали сквозь призму взглядов Монтескье и Вольтера, От Гиббона вплоть до середины XIX столетия (до Чаадаева, Герцена и молодого Маркса) о Византии говорили, как о примере «худшего государства», как об оплоте реакции и застоя. Славянофилы в России фактически утверждали подобные взгляды на Византию, восторгаясь ролью империи как преградой на пути новых идей.

В то время как с легкой руки Монтескье Византию объявили отсталым государством по сравнению со средневековыми странами Западной Европы,

¹ При подготовке к занятиям студентам следует учесть то обстоятельство, что богатейший материал по всем периодам истории Византии содержат многочисленные общие работы исследователей прошлого и настоящего. В прилагаемые к планам практических занятий списки литературы включены преимущественно монографии и статьи, посвященные отдельным аспектам византийской истории.

² *Сюзюмов М.Я.* Историческая роль Византии и её место во всемирной истории (В порядке дискуссии) // Византийский временник. М., 1968. Вып. 29. С. 32-34.

сами современники империи — представители западноевропейского общества, как правило, отнюдь не склонны были оценивать уровень развития Византии ниже, чем степень развития стран Запада. Напротив, было широко распространено мнение о «мудрости» и образованности греков. О богатствах империи ходили легенды. Впоследствии, когда Византия была разорена итальянцами и турками, образованные круги Западной Европы стали проявлять пристальное внимание к наследию византийской культуры.

Тем более настоятелен ответ на вопрос, почему у прогрессивных деятелей науки и культуры XVIII—XIX вв. сложилось столь невыгодное для Византии представление о ее истории. Этому, на наш взгляд, способствовали два обстоятельства. Во-первых, передовые мыслители того времени были настроены резко враждебно против абсолютизма, а Византия считалась образцом абсолютистского государства. Во-вторых, тогда как по внутренней истории стран Западной Европы уже в XVIII в. имелись солидные труды, созданию которых способствовал спор между германистами и романистами, внутреннее историческое развитие Византийской империи практически не изучалось до середины XIX в.

Византийское общество, как и общество западноевропейских стран, жило полнокровной жизнью. Общественный строй империи также проходил разные стадии закономерного развития. Разумеется, за тысячелетнее существование Византии ее историческая роль и ее место среди других государств не оставались неизменными. Но нельзя представить себе всемирную историю без того вклада, который был внесен Византией, оставившей заметный след в прогрессивной истории человечества.

Наиболее важную историческую роль Византия сыграла, по нашему мнению, на раннем этапе своей истории. Период с IV до середины VII в. представлял собой эпоху революционного краха рабовладельческого строя, гибель которого совершилась по-разному на западе и востоке Римской империи. Всякий общественный строй после ухода с исторической сцены оставляет после себя как пережитки старого уклада, которые надолго задерживают поступательный, закономерный ход развития общественного бытия, так и элементы нового, которые являются плодом длительной эволюции и способствуют дальнейшему прогрессу человечества.

На западе империи крах рабовладельческого общества сопровождался внедрением и преобладанием на длительный срок пережитков последнего этапа родоплеменного строя, которые, с одной стороны, ускорили падение отжившей общественной системы, а с другой — способствовали уничтожению большей части важнейших достижений античного мира и тем самым привели Западную Европу на пороге средневековья к общественной деградации и культурному регрессу.

На востоке империи (в Византии), напротив, крах рабовладельческого строя, хотя и совершался в условиях сохранения пережитков рабовладения, не сопровождался уничтожением большей части ценнейших достижений античного общества.

Отмеченное различие определяет двойственную роль Византии.

Пережитки старого в ее общественном организме препятствовали прогрессу, а сохранение и распространение элементов античной цивилизации — способствовали ему. Последнее обстоятельство имело кардинальное значение для исторических судеб Европы при общей культурной деградации на Западе в раннее средневековье.

Германские и славянские племена, усваивая некоторые достижения сельского хозяйства и военного дела позднеантичного мира, уже не переоценивали реальные силы империи, но еще долго признавали ее политическое и культурное превосходство. Формирующаяся знать варварских государств, упрочивая свое господство, усматривала в этом деле в Византии образец, достойный для подражания. Мало того, вплоть до создания империи Карла Великого политические деятели германских стран Запада не отвергали своей причастности к «всемирной» империи (Византии), пытаясь иногда прикрыть свое господство над романизированным населением ее авторитетом, имитируя ее монеты, ведя счет лет в хрониках по правлениям византийских императоров, вводя при дворе высшие почетные титулы империи³.

Образец прочного и сильного государства усматривала в Византии и правящая знать славянских стран, которая, хотя и не поступалась своим суверенитетом, переняла немало элементов византийского государственного аппарата и ее общественных институтов.

Таким образом, объективно Византия выступила в ранний период своей истории как государство — образец классового господства, что было особенно важно в условиях, когда господствующий класс варварских государств находился на стадии формирования. Лишь ко времени торжества на Западе классической феодальной раздробленности и установления новых форм классового господства, византийская автократия утратила свое обаяние. Впрочем, ее престиж снова возрос, когда страны Европы вступили в стадию перехода от феодальной раздробленности к национальному централизованному государству. Идея «вечного» Рима, автократия Юстиниана I вновь привлекла внимание западноевропейских политиков. Потребности эксплуататоров в идейном санкционировании сильной государственной власти в условиях перехода к феодальному строю обусловили не только торжество христианства — они привели также к созданию особой идеологической доктрины — фикции существования «всемирной» Римской империи.

Место Византии во всемирной истории⁴

³ Престиж власти византийского императора ощущался да Западе даже после создания там своей империи. Василевсу Византии подражали государи всех стран Европы. Так, Карл Лысый вызывал неудовольствие подданных пристрастием к византийскому этикету: после своей коронации он выступал в одеянии и с инсигниями византийского императора (*Ebersolt J. Orient et Occident; recherches sur les byzantines et orientales en France avant les Croisades. Paris, 1928. P. 60; Dölge F. Byzanz und Abendland vor den Kreuzzügen // Paraspora.Ettal, 1961. 80f.*).

⁴ Курбатов Г.Л. История Византии (От античности к феодализму). М., 1984.

История Византии, одной из «мировых» держав средневековья, общества своеобразного развития и высокой культуры, общества на стыке Запада и Востока, занимает особое место в истории средних веков. Её тысячелетняя история была насыщена бурными внутренними событиями, бесконечными, если не сказать «перманентными», войнами с соседями, интенсивными политическими, экономическими, культурными отношениями со многими странами Европы и Ближнего Востока.

Представления о византийском средневековом обществе как феодальном сложились сравнительно недавно, многие десятилетия спустя после того, как сформировались устойчивые концепции западного и восточного феодализма. Крупнейший вклад в разработку этих проблем был внесён преимущественно советской историографией на протяжении последних четырёх десятков лет⁵. Однако взгляды на Византию как на обломок Римской империи, благодаря стечению обстоятельств просуществовавшую до середины XV столетия, не изжиты до сего дня. Суждения о Византии как о «древнем, античном», неизменном в своих основах обществе, не знавшем ни «рождения», ни «дряхлости», фактически — развития⁶ можно также найти у многих зарубежных историков.

Специфику исторического развития Византии нередко видят в её «ориентализации». Отсюда не только традиция вполне оправданного сопоставления его с развитием ряда стран Ближнего Востока, но и поиски черт прямой общности, прямого подобия в аграрном строе, развитии городов, государственных формах и институтах. Некоторым исследователям Византия представляется одним из вариантов ориентальной, восточной деспотии⁷. Другим — своего рода гибридным, смешанным обществом, в котором причудливо переплетались линии восточного и западного развития. В сочетании их несовместимых черт и тенденций видит, например, А. Дюсселье залог исходной «мёртворождённости» Византии и неспособности её к развитию, в конечном счёте предопределивших её гибель⁸.

Не все западные историки разделяют эту точку зрения. Новейшие исследования во многом подорвали основу для чрезмерного сближения, уподобления форм византийской государственности восточным. В то же

⁵ См.: История Византии / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1969. Т. I — III; Удальцова З.В. К вопросу о генезисе феодализма в Византии: постановка проблемы // Византийские очерки. М., 1971; Удальцова З.В., Осипова К.А. Отличительные черты феодальных отношений в Византии // Византийский временник. М., 1974. Т. 36; Удальцова З.В. Византия и Западная Европа: типологические наблюдения // Византийские очерки. М., 1977. С. 3-65; она же. Проблемы типологии феодализма в Византии // Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М., 1975; статьи М.Я. Сюзюмова в сборнике «Античная древность и средние века» (Свердловск); Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X — XI вв. М., 1977.

⁶ См., например: Lemerle P. La notion de decadence à propos de l'Empire Byzantin // Classicisme et déclin culturel dans l'Islam. Paris, 1957. P. 268-270.

⁷ См., например: Wittfogel K.A. Oriental Despotism. A narrative study of total Power. Yale University Press, 1961.

⁸ Ducellier A. Le drame de Byzance. Ideal et echec d'une société chrétienne. Paris, 1976.

время в западной историографии широкое распространение получила концепция «этатизма», скорее — этатистские принципы подхода к её истории, исходящие из того факта, что в Византии в течение большей части её истории сохранялась сильная централизованная государственность. Оцениваемое преимущественно через призму государственного законодательного, официального правового материала развитие Византии невольно во многом предстаёт как прямой результат деятельности государства, его политики. Отсюда весьма распространённые представления о том, что оно во многом определялось и направлялось государством, роль которого и обеспечила соответствующую регулировку развития социальных отношений, т.е. эволюционный путь развития Византии, в конечном счёте не приведший к сложению в ней «настоящего» феодального общества.

Различных точек зрения придерживаются историки и при рассмотрении отдельных периодов развития Византии.

Русское славяноведение⁹

Падение крепостного права и буржуазные реформы 60—70-х годов открыли путь развитию капитализма в России. Для помещичье-буржуазного либерализма, превратившегося в буржуазно-помещичий, стало характерным усиление внимания к вопросам экономической и социальной истории, распространение влияния позитивизма, заметного уже с 50-х годов.

На 70-е годы приходится превращение византиноведения в самостоятельную область русской исторической науки, становление русской школы научного византиноведения с характерными для неё особенностями.

Буржуазно-дворянское по своему классовому характеру и позитивистское по методологии русское славяноведение формировалось под влиянием актуальных проблем пореформенного развития России. Глубокий интерес к проблемам аграрного развития, положению крестьянства, роли и судьбам общины обусловили повышенное внимание к сюжетам внутренней аграрной истории Византии, ставшее характерным для русской школы буржуазного византиноведения и выдвинувшее его, как и западную русскую медиевистику, на одно из первых мест в мировой науке того времени в разработке кардинальных проблем внутренней истории Византии¹⁰. В то же время нельзя не считаться с тем влиянием, которое оказывала на изучение истории Византии дворянская, клерикальная историография, те тенденции и традиции, которые «шли от реакционного охранительного направления, государственной школы с их откровенной идеализацией государственной власти, монархии как двигателя исторического развития, проповедью теории официальной народности»¹¹. К этому следует добавить и влияние славянофильства, переросшего во второй половине XIX в. во многих

⁹ Курботов Г.Л. История Византии (историография). Л., 1975. С. 106-122.

¹⁰ Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики. Томск, 1969.

¹¹ Шапиро А.Л. Русская историография в период империализма. Л., 1962.

аспектах в реакционный «панславизм». Отсюда, с одной стороны, прогрессивные достижения русского византиноведения, ставшие подлинным вкладом в развитие мировой науки, с другой — реакционные тенденции, мешавшие его развитию в целом ряде областей. Иногда они причудливо сочетались в творчестве одного и того же исследователя.

Подлинное начало научного византиноведения и создание русской византиноведческой школы связано с именем *Василия Григорьевича Васильевского (1838—1899)*¹². Выходец из разночинной интеллигенции, окончивший Петербургский университет, ученик М.С. Куторги, М.М. Стасюлевича, И.И. Срезневского и Н.А. Благовещенского, получивший великолепную подготовку по греко-римской и всеобщей истории, В.Г. Васильевский был первым русским исследователем, главной областью научных занятий которого стала история Византии. Представитель плеяды русских позитивистов-медиевистов, исторической школы Петербургского университета, Васильевский «более глубоко, чем многие его коллеги, интересовался социально-экономической историей. Процесс генезиса феодализма в Западной Европе он рассматривал с учётом социально-экономических предпосылок как в Римской империи, так и у варваров, стоял в этом вопросе на позициях теории синтеза, выступая против крайностей германистической и романистической теории»¹³.

Васильевским было опубликовано и исследовано большое число источников, в частности, «Стратегикон» Кекавмена, изданный им по единственной рукописи Синодальной библиотеки¹⁴, памятник чрезвычайно важный для изучения внутренней жизни и феодальных отношений в обществе XI в., сборник документов Иоанна Апокавка и т.д.

Работы Васильевского, появившиеся в 1877—1880 гг., имели целью изучение судеб византийского крестьянства, к которому он привлёк «Земледельческий закон» и «Эклогу» («Законодательство иконоборцев». СПб., 1877). Затем последовал ряд статей по законодательству императоров Македонской династии, «Пире», грамотам и юридическим актам, касавшимся вопросов землевладения, которые вошли в изданные в 1879 г. «Материалы для внутренней истории византийского государства» (Труды. Л., 1930. Т. IV). Соединив обширный материал, которым до него никто не пользовался для этой цели, он смог глубоко разобраться в основных вопросах истории византийского крестьянства VIII—XI вв.

Васильевский проделал огромную работу по изучению византийской податной и аграрно-правовой терминологии, что привело его к

¹² Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. II. С. 515, 521-522; *Ostrogorsky G.* В.Г. Васильевский как // *Annales de l'Institut Kondakov.* 1940. XI. P. 227-235; основные работы В.Г. Васильевского: *Васильевский В.Г.* Труды. СПб.; Л., 1908 — 1930. Т. I — IV. Библиография: *Византийский временник.* 1899. Т. 6. С. 652-658.

¹³ *Гутнова Е.В.* Историография истории средних веков. М., 1974. С. 266.

¹⁴ *Cesaumeni Strategicon et incerti scriptoris. De officiis regis libellus* / ed. V. Wassiliewsky, Y. Ernsted // Записки истор.-филолог. факультета имп. СПб. ун-та. 1896. Вып. 38. Рус пер.: *Васильевский В.Г.* Советы и рассказы византийского боярина XI в. // Журнал министерства народного просвещения. 1881, июнь; 1884, июнь — август.

ознакомлению с важнейшими институтами и формами аграрно-правовых отношений, такими, как прония, харистикий, морта. Васильевский собрал первые данные о харистикарной системе, о повинностях париков XI—XII вв. «Теперь появилась возможность не рассуждать вообще о налоговом гнёте, но представить себе конкретно формы византийского обложения, ... пути роста монастырского землевладения»¹⁵. В результате Васильевский смог проследить эволюцию форм аграрных отношений в Византии. По его мнению, Византия, унаследовавшая от Римской империи колонат и крупное землевладение, в VII—VIII вв. пережила глубокий этнический и социальный переворот, вызванный вселением славян. Он не принял точку зрения Цахарнэ о том, что иконоборческие императоры отменили «крепостное право» и пришёл к выводу о стихийном характере этого переворота в результате славянской колонизации, которая и привела к преобладанию свободного крестьянства в VII—VIII вв., в чём он видел прилив «новых сил» и «улучшение экономических основ». «Земледельческий закон» лишь закрепил те отношения, которые уже сложились в действительности. Васильевский считал, что судьбы византийского государства были неразрывно связаны с судьбами свободного крестьянства, свободной крестьянской общины, в которой он видел основу его благополучия. Он проследил как процесс поглощения мелкой земельной собственности крупной, так и попытки государства сдержать его.

Основное содержание истории Византии, в отличие от многих современных ему историков, Васильевский видел не в борьбе различных группировок господствующего класса, а прежде всего в борьбе за землю между динатами и крестьянами, динатами и общиной в XI в. Он считал XI в. решающим как век победы динатов и утраты своей земли большей частью свободного крестьянства.

Васильевский идеализировал общину, характер византийской государственности и отношения между государственной властью и крестьянством, в том числе и политику императоров Македонской династии. Основным злом он считал устремления динатов к расширению крупного землевладения. Главную действующую роль он отводил государству, классовый характер которого он недооценивал, реформам императоров «сверху» и в связи с этим недооценивал реальное значение крестьянских движений, социальной и классовой борьбы в империи.

Васильевский утвердил представления о существовании в Византии периода господства свободной сельской общины, проследил процесс и формы ослабления свободного землевладения крестьян. Он не только заложил основы периодизации аграрной истории Византии, но и первый неразрывно связал развитие общественных и политических отношений с эволюцией положения крестьянства. С развитием аграрных отношений он связал и политику императорской власти, важнейшие общественные движения и реформы. Поэтому и иконоборчество рассматривалось им не как

¹⁵ *Каждан А.П.* Загадка Комнинов // Византийский временник. 1964. Т. 25. С. 70.

отвлечённое религиозное или религиозно-политическое движение, а как комплекс реформ, направленных на реорганизацию византийского общества.

Исключительно важными были и выводы Васильевского в отношении XI в. К его времени в историографии уже начало распространяться представление о том, что элементы феодализма (в буржуазном понимании — политическая раздробленность, децентрализация и т.д.) проникают в Византию под влиянием западных порядков и отношений. «Современные историки, — писал В.Г. Васильевский, — очень охотно говорят о феодализме в Византийском государстве в век Комнинов и Ангелов и большей частью ограничиваются несущественными, а часто и ложными признаками подобия в учреждениях и явлениях, но от них ускользает именно наиболее напоминающая первоначальные феодальные учреждения система проний». Тем самым Васильевский в сущности показал собственные истоки и формы византийского феодализма, зарождавшиеся и складывающиеся до крестовых походов. «Васильевский по существу доказал феодальный характер аграрного строя Византии»¹⁶. И хотя он, естественно, не рассматривал феодализм как систему производственных отношений, видя в нём прежде всего политическую систему, «объективно его заслуги в постановке проблемы феодализации Византии совершенно бесспорны»¹⁷.

Исследования Васильевского выдвинули русское византиноведение на одно из первых мест в мировой науке в области изучения кардинальных проблем внутренней, аграрной истории Византии, социально-экономических отношений.

Васильевский теснейшим образом связывал историю Византии с историей Западной Европы и Ближнего Востока. Благодаря этому в «Византии и печенегах» он смог по-новому осветить всю систему международных отношений, предшествовавших первому крестовому походу, показать новые поводы для него, в частности, роль печенежской угрозы, а в статье «Из истории Византии XII в.» аналогичным же образом по-новому раскрыть картину политических отношений в Европе и международное положение Руси. Эти работы нанесли серьёзный удар по ставшему традиционным в западноевропейской историографии европоцентристскому подходу к крестовым походам. После них стало невозможно искать причины крестовых походов «только во внутреннем состоянии Западной Европы»¹⁸.

Огромный вклад был внесён Васильевским в изучение византийско-русских отношений¹⁹. По существу им были заново рассмотрены все важнейшие их периоды. Его «Русско-византийские исследования» и другие работы во многом раскрыли реальное международное положение Руси и характер её отношений с Византией.

¹⁶ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. С. 513.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Заборов М.А. Крестовые походы в русской буржуазной историографии // Византийский временник. М., 1951. Т. 4. С. 174-176.

¹⁹ Левченко М.В. Проблема русско-византийских отношений в русской дореволюционной, зарубежной и советской историографии // Византийский временник. М., 1957. Т. 8. С. 7-25.

Васильевский не только заложил основы университетской византистики, первым стал читать специальные курсы по истории Византии и вести занятия в Петербургском университете²⁰, но и создал «школу византистов» (В.Э. Регель, П.В. Безобразов, Х.М. Лопарев, Д.Ф. Беляев, А.А. Васильев, Б.А. Панченко и др.). Васильевский упрочил научные связи и сотрудничество византиноведения с востоковедением, ориенталистикой, ставшие традиционной чертой и сильной научной стороной русской византистики. Им была проведена огромная организаторская работа по консолидации научных сил русского византиноведения. Исследования по Византии стали систематически печататься в журнале Министерства народного просвещения (ЖМНП)²¹, редактором которого он был в 1890—1899 гг., в «Записках историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета» и ряде других²². В 1894 г. им был основан специальный орган русского византиноведения — журнал «Византийский временник» (до 1917 г. вышло 22 тома)²³.

Другой крупнейшей фигурой русского византиноведения был младший современник Васильевского *Фёдор Иванович Успенский (1845—1928)*²⁴. В 1872 г. появился его труд «Первые славянские монархии на Северо-Западе», а в 1879 г. вышла в свет докторская диссертация «Образование Второго Болгарского царства» (Одесса), в которой он привлёк новый материал, характеризовавший организацию византийского господства на Балканах и процесс возникновения Второго Болгарского царства.

Успенский рассматривал Византию как развивающееся общество, достигшее вершины своего подъёма в X в. Он продолжил работу Васильевского по изучению крестьянского землевладения, его эволюции на материале монастырских уставов и грамот, постановлений поместных соборов XI—XIV вв. В 1883 г. в январском и февральском номерах «Журнала министерства народного просвещения» была напечатана его работа «К истории крестьянского землевладения в Византии», а в «Сборнике статей по славяноведению» статья «Значение византийской и южнославянской прони», в которых он пришёл к выводам, несколько

²⁰ Курбатов Г.Л. В.Г. Васильевский и начало византиноведения в Петербургском университете // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1969. Вып. 1.

²¹ Титова З.Д. Указатель статей по византиноведению, опубликованных в ЖМНП // Византийский временник. М., 1963. Т. 23. С. 307-318.

²² Преимущественно источники и исследования печатались в «Палестинском сборнике» (ППС) — официальном органе созданного в 1882 г. «Православного палестинского общества». О последнем см.: Тихвинский С.Л. 90-летие Российского Палестинского общества // Палестинский сборник. Л., 1974. Вып. 25 (88). С. 3-9.

²³ Успенский Ф.И. Академик Василий Григорьевич Васильевский // ЖМНП. 1899. Ч. 220. С. 291.

²⁴ Краткую биографию и библиографию трудов см. в кн.: Памяти академика Фёдора Ивановича Успенского. Л., 1929. Дополнительная библиография: Византийский временник. М., 1947. Т. 1 (26). Оценку его трудов см.: Удальцова З.В. К вопросу об оценке трудов академика Ф.И. Успенского // Вопросы истории. 1949. № 6; она же. Византиноведение в СССР после Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1934 гг.) // Византийский временник. М., 1964. Вып. 25. С. 3-16.

отличным от выводов Васильевского. По мнению Успенского, свободная община сохраняла большое значение до самого падения Византии. Византийское государство и в XIV в. пыталось её поддержать. Главную опасность для общины Успенский видел в распространении пронии, под которой он подразумевал «пожалование служилым людям населённых земель и других приносящих доход угодий в награду за оказанные услуги и под условием исполнения определённой службы». Пронию он сближал с бенефицием, но считал, что только влияние Запада поддерживало её распространение, что и послужило причиной ослабления и гибели Византии. Сохранение и поддержка свободного крестьянства правительством явилась важнейшей причиной того, что византийская прония не превратилась полностью в феодальную. По мнению Успенского, феодальный строй распространяется в Византии в эпоху Комнинов, но не утверждается полностью, и в ней идёт борьба «западных» и «национальных» элементов, которая продолжается до самого её падения²⁵. Он проследил постепенное развитие форм византийской пронии и других аграрно-правовых институтов в Византии²⁶. Большое внимание им было уделено выяснению форм зависимости париков и организации византийского землевладения²⁷, в том числе и монастырского²⁸. Успенский уточнил многие термины, означавшие разные категории зависимого населения, формы зависимости и землевладения, углубив тем самым представления о византийских феодальных институтах.

В отличие от Васильевского, он уделил большое внимание социальной организации Византии. Его работа «Военное устройство Византийской империи» (Известия Русского археологического института в Константинополе. 1900. Т. 6. Вып. 1) была важна тем, что связывала установление фемного строя и сам фемный строй Византии с развитием крестьянского землевладения, системы военно-податных, стратиотских участков.

Успенский интересовался и вопросами византийского города. Ему принадлежит такое важное в русской историографии исследование, как «Партии цирка и димы в Константинополе» (Византийский временник. 1894. Т. 1), в котором он, вслед за Рамбо, признаёт определённое политическое значение византийских партий цирка. Другая его работа «Константинопольский эпарх» (Известия Русского археологического института в Константинополе. 1899. Т. 4. Вып. 2) была посвящена

²⁵ Успенский Ф.И. Уклон консервативной Византии в сторону западных влияний // Византийский временник. Пг., 1916. Т. 22. С. 22-39.

²⁶ Успенский Ф.И. Следы писцовых книг в Византии // Журнал Министерства народного просвещения. 1884, январь — февраль; 1885, июль; он же. Мнения и постановления Константинопольских поместных соборов XI—XII вв. о раздаче церковных имуществ (Харистикарии) // Известия Русского археологического института в Константинополе. 1900. Т. 5.

²⁷ Успенский Ф.И. Наблюдения по сельскохозяйственной истории Византии // Журнал Министерства народного просвещения. 1888, октябрь.

²⁸ Успенский Ф.И. Акт отвода земли монастырю богородицы Милостивой // Известия Русского археологического института в Константинополе. 1896. Т. 1.

рассмотрению функций константинопольского «главы города». Это были первые значительные работы, касавшиеся города, но они были посвящены не столько его экономике, социальным отношениям, сколько сюжетам политической, административной организации городской жизни в Византии. В этих работах с наибольшей полнотой проявился монархизм Успенского, прославлявшего консервативные формы конституционной монархии, режим регламентации корпораций и т.д.

Успенскому принадлежит и цикл работ по истории культуры и образованности, общественно-политической и религиозно-философской мысли Византии (Византийский писатель Никита Акоминат из Хон. СПб., 1874; Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1891 и др.). Эти работы сыграли в своё время значительную роль, потому что их автор показал развитие византийской культуры и философской мысли. За столкновениями богословских концепций он выявил борьбу философских систем и в какой-то мере различных общественных групп и интересов. Он сопоставил движение философской мысли в Византии с её эволюцией на Западе и обнаружил аналогичные по своей сущности процессы — борьбу «номиналистов» и «реалистов».

Изучив философию Пселла и Иоанна Итала, он пришёл к выводу, что византийская культура и философская мысль в Византии не пребывали в состоянии застоя и вплоть до XII в. находились на недостижимой для Запада высоте. Он, рассмотрев религиозно-философские конфликты XIV в., также увидел за борьбой паламитов и варлаамитов столкновение двух философских направлений. Он решительно связал религиозную борьбу с развитием общественной мысли, общественными и политическими противоречиями. На фоне преобладавших в данной области традиций клерикальной историографии это был шаг вперёд в изучении эволюции общественной мысли в Византии. Успенский «первый в мировой литературе попытался дать целостную концепцию развития византийской философской мысли»²⁹.

Успенскому принадлежит и первый в России крупный обобщающий труд по истории Византии. В 1913 г. вышел первый том его «Истории Византийской империи», в котором более всего проявились его консервативные взгляды — сочетание славянофильских идей, реакционного панславизма и русского монархического консерватизма, идеализация мелкой крестьянской собственности, апология монархии, прославление «реформ» сверху, апология православной церкви и презрительное отношение к народным массам, народным движениям.

В 1874—1894 гг. Успенский занимал кафедру в Одесском (Новороссийском) университете, сыграв там немалую роль в развитии византиноведческих исследований и византийской археологии³⁰. Особенно широко его организационная деятельность развёртывается с созданием в

²⁹ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 2. С. 519.

³⁰ С 1869 г. начинают периодически проводиться археологические съезды, на которых рассматривались и византийские материалы, работали секции Византии — «Христианского Востока».

1895 г. Русского археологического института в Константинополе³¹. Институт, в котором прошли школу многие представители «второго» поколения русских византистов, развернул большую работу по сбору и изучению византийских рукописей и памятников, археологические изыскания и раскопки. Из константинопольских памятников была детально изучена мечеть Кахриэ-Джами, базилика Студийского монастыря, рукописи Серальской библиотеки, монастырей Афона, Греции. Было проведено обследование мозаик Солуни, археологических памятников Сирии, Палестины, Болгарии, Сербии, раскопаны остатки дворца в Абобе-Плиске. Особое место в работе института занимало изучение памятников Малой Азии и Трапезунда. Институт, существовавший с 1895 по 1914 г., стал крупным научным центром, выпускавшим свой регулярный печатный орган «Известия Русского археологического института в Константинополе»³².

Третьим выдающимся исследователем был *Никодим Павлович Кондаков (1844—1925)*³³. «Среди русских историков искусства Кондаков занимает одно из наиболее почётных мест. Кондакову посчастливилось обогатить систему гуманитарных наук совершенно новым разделом — историей византийского искусства. При этом Кондаков не опирался ни на какую традицию. Кондаков не только воссоздал историю византийского искусства путём привлечения совершенно нового материала, но сделал нечто большее: он выработал также вполне оригинальный метод для данной научной дисциплины, создав тем самым свою собственную школу. В этом непреходящее значение Кондакова для науки»³⁴. Кондаков может также считаться одним из основоположников отечественной византийской археологии. Им были изучены важнейшие византийские памятники юга России, Сирии, Палестины, Греции, Константинополя, музеев Европы. В 1876 г. вышла в свет его произведшая переворот в науке «История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей», к которым Кондаков впервые применил свой метод иконографического анализа, позволивший ему проследить основные черты эволюции византийского искусства. В результате его поездок на Восток появились в 1881 г. «Мозаики мечети Кахриэ-Джами в Константинополе» и в 1887 г. «Византийские церкви и памятники Константинополя». С 1888 г. Кондаков начал преподавание в Петербургском университете, создав там школу византийского искусствознания. В 1892 г. выходит один из наиболее фундаментальных его трудов «Византийские эмали... История и памятники византийской эмали». В последующие годы появляются «Связи греческой и русской иконописи с итальянской живописью раннего Возрождения» (СПб.,

³¹ Жебелев С.А. Ф.И. Успенский и Русский археологический институт в Константинополе // Памяти академика Ф.И. Успенского. С. 53-66.

³² Т. 1 — 16 (1895 — 1914). Перечень публикаций см.: Титова З.В. Указатель к статьям по византиноведению, опубликованным в ИРАИК // Византийский временник. 1967. Т. 27. С. 355-360.

³³ О нём и библиографию его работ см.: Лазарев В.Н. Никодим Павлович Кондаков // Византийская живопись. М., 1971. С. 7-19.

³⁴ Лазарев В.Н. Никодим Павлович Кондаков. С. 7.

1911) и «Иконография Богоматери» (2 т. СПб., 1914 — 1915). Кондаков не только выявил формальные черты эволюции византийского искусства, но и стремился рассмотреть в связи с ним и развитие русского и европейского.

Для творчества Кондакова был характерен прагматический уклон, культ исторических фактов, интуитивно-эмпирически складывавшихся у него в систему. В центре его внимания было исследование формы и её исторического движения с выделением характерных черт «памятников» эпохи, технические, иконографические и культурно-бытовые, а не эстетические признаки. Метод иконографического типа позволил Кондакову по изменениям традиционных иконографических мотивов установить основные формальные этапы эволюции византийского искусства, дать и более надёжные основания для датировки многих памятников. Кондаков утвердил представление о том, что византийское искусство не было абсолютно традиционным и неподвижным, а эволюционировало, находилось в движении. Основной порок метода Кондакова заключается в том, что он не считался с теорией искусств, а абсолютизировал формальный иконографический тип. Поэтому многие его исходные исторические критерии были предельно наивными. В качестве основного отправного критерия он брал идеальные античные нормы, а к развитию византийского искусства подходил с позиций категорий «подъёма и упадка». Поскольку, с точки зрения формального совершенства иконографических типов, с позиций православного взгляда на искусство, всякая «варваризация», усиление светского влияния были злом, Кондаков видел в них проявления «упадка». Отсюда и его отрицательное отношение к иконоборчеству и прославление в духе официальной доктрины «самодержавие, православие, народность» императоров, поддерживавших все каноны православного искусства.

На сочетании представлений об эволюции византийской иконографии и архитектуры и сложилась общая концепция развития византийского искусства Н.П. Кондакова. Чуждый увлечений «ориентальной» спецификой И. Стржиговского, он основное значение придавал эллинистическим, греко-восточным основам византийского искусства и в развитии последнего — Константинополю. Слияние греческого «ренессанса» IV—V вв. с восточными традициями приводит в VI в. к первому расцвету искусства Византии, продолжавшемуся до VII в., когда оно приходит в упадок. С конца IX в. начинается фаза вторичного расцвета, которая продолжается до середины — конца XII в. В XIII—XIV вв. упадок достигает своего логического завершения в разложении художественных форм, техники и т.д. Эта формальная схема (за исключением эпохи развития византийского искусства XIII — середины XIV вв.) была воспринята наукой.

Таким образом, Н.П. Кондаков заложил основы периодизации византийского искусства. Он основал русскую школу византийского искусствознания, традиции которой были продолжены и развиты его учеником Д.В. Айналовым, разработавшим метод стилового, стилистического анализа памятников византийского искусства (Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1902).

В 90-е годы широко развернулась научная деятельность многих учеников Васильевского и Успенского, славистов, филологов и искусствоведов в области изучения византийско-русских культурных и идейных связей, среднегреческого языка и литературы.

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Тема 2. Становление Византийской империи и её социально-экономическое и политическое развитие в V — начале VI в.

1. Основание Константинополя и образование Византийской империи.
2. Варварские вторжения конца IV—V в.
3. Религиозные споры и их влияние на политическую жизнь.
4. Политическая борьба в Византии в V в.
5. Византия и судьба Западной империи.
6. Правление императора Анастасия и его итоги.

Литература:

Бейкер Дж. Константин Великий. Первый христианский император. М., 2004.

Буданова В., Горский А., Ермолова И. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. СПб., 2011.

Карташёв А.В. Вселенские Соборы. М., 1994.

Прибыловский В.В. К вопросу о налоговой реформе императора Анастасия I // Византийский временник. 1986. Т. 46. С. 189-198.

Сиротенко В. Т. История международных отношений в Европе во второй половине IV — начале VI в. Пермь, 1975.

Харрис Дж. Византия. История исчезнувшей империи. М., 2017.

Константинополь и империя³⁵

Полусерьёзно историки называют Византию едва ли не единственным государством в истории, точная дата рождения и конца которого известны. Византия прекратила своё существование 29 мая 1453 г. с завоеванием Константинополя турками. Дату её рождения относят к его основанию — 8 ноября 324 г. состоялась закладка новой столицы на месте древнего мегарского городка Византия на берегу Босфора. 11 мая 330 г. — день официального её «открытия», провозглашения, главный государственный праздник в Византии. Империя «родилась» с Константинополем и «умерла» с ним — весьма распространённая формула. Действительно, для средневековья не столь уж многочисленны государства, которые рождались вместе со своей столицей и не меняли её на всём протяжении своего существования.

Будущая столица Византии была чрезвычайно удачно расположена на стыке европейских и азиатских владений Римской империи, на пересечении важнейших торговых и стратегических путей, сухопутных и морских, соединявших её восточные провинции, а также международных — «золотой мост между Востоком и Западом»³⁶.

В отличие от многих других средневековых государств, столица Византии играла особую роль в истории страны. Она была теснейшим образом связана с проблемой рождения самого византийского общества и государства. В работах сравнительно недавнего времени можно прочитать, что Константи-

³⁵ *Курбатов Г.Л.* История Византии (От античности к феодализму). М., 1984. С. 7-11.

³⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 240.

нополь был создан его основателем, с одной стороны, как новая столица империи, как «второй Рим» — по его образу и подобию, знак и символ преемства; с другой — как конкурент и соперник, столица христианская, в противовес языческому Риму. Таким образом, это одновременно не только проблема рождения Византии, но и проблема «новой» христианской империи Константина, которую иногда достаточно прямо связывают с рождением европейского средневековья.

Константинополь многим исследователям казался огромным «супергородом», вознесшимся по воле его всемогущего основателя на берегах Босфора «разом», своего рода готовой, «подаренной» Константином будущей Византии гигантской столицей, которая самим фактом своего существования сыграла огромную роль в становлении её, но в то же время во многом деформировала всё её последующее развитие своим существованием, своей «заданностью» на масштабы всей Римской империи.

Новейшие исследования ранней истории Константинополя внесли коррективы в идеальную историю «одноактного» сотворения «второго Рима» и христианской столицы, а заодно и рождения самой Византийской империи. Константинополь создавался как императорская столица — комбинация дворца-дома, центра административного управления и главной военной ставки. Таким он мыслился Константину, который более всего был озабочен упрочением единства империи и Рим по-прежнему рассматривал как единственную и единую столицу государства. Таким Константинополь и был сначала в действительности. Число его жителей не превышало 30 — 50 тыс. человек и было несравнимо с населением Рима (от 400 до 800 тыс. жителей), Александрии, Антиохии и некоторых городов-«стотысячников». Будущее Константинополя после смерти Константина было весьма неопределённым. Новый император мог перенести «свою» столицу в другое место. Однако удобное положение Константинополя, а также тот факт, что преемство власти упрочилось в династии Константина, сыграли свою роль и в упрочении положения Константинополя как императорской столицы.

По утверждению Фемистия, в первой половине IV в. город рос очень медленно и в него приходилось буквально «заманивать» население различными льготами и подачками. Это свидетельствует о том, что в первые десятилетия своего существования Константинополь отнюдь не формировался интенсивно; лишь со второй половины IV в. его население стало довольно быстро расти, в какой-то мере объективно отражая усиление консолидационных процессов в восточных провинциях.

Не мыслили себе Константин Константинополь и как новую «христианскую столицу» империи в противовес языческому Риму. Он был действительно первым христианским императором, в полной мере осознавшим роль и значение христианства, церкви, сделавшим христианство равноправным с другими культурами, правителем, помогавшим его распространению и оформлению христианской церкви, утвердившим её имущественные права и привилегии. Но он отнюдь не был одержим идеей господства христианства, каким его представила последующая христианская историография. Трезвый

прагматик, принявший христианство на смертном одре, он мыслил римскими государственными категориями; и христианство, и церковь были для него одним из средств упрочения империи. Христианство, ещё далеко не доминировавшее, было одним из верований, которые должны были цементировать это единство. Оформитель режима домината опирался на синкретическую систему культов во главе с культом Солнца, к которым он стремился подключить и христианский. Статуи языческих божеств, которые были свезены в Константинополь, символизировали отнюдь не победу христианства, его торжество над поверженным язычеством, как это пытались представить позднейшие апологеты христианства, а единство наиболее авторитетных культов, символизировавшее общеимперское. До недавнего времени продолжались дискуссии о том, в каком качестве Константин участвовал в знаменитом Никейском соборе (325), утвердившем основные догматы ортодоксального христианства, оформившем организационную структуру — иерархию христианской церкви. В официальной формуле он фигурирует как «епископ внешних», что традиционно истолковывалось как признание его епископом «внешних дел» церкви, т.е. в какой-то мере его мирской власти по её поручению. По новому и более убедительному толкованию, Константин как понтифекс максимус — официальный глава и верховный жрец государственных языческих культов — принимал участие в соборе как глава и представитель всех «внешних», как тогда называли нехристиан, т.е. языческих культов, что очень увязывается со смыслом его религиозной политики.

Во всяком случае, нет никаких доказательств стремления Константина, как, впрочем, и его ближайших преемников, превратить Константинополь в «христианскую столицу». Церковное строительство в императорской столице было достаточно скромным, и на протяжении большей части IV в. правители империи не предпринимали сколько-нибудь решительных мер для того, чтобы упрочить положение константинопольской церкви и её главы. До второго (Константинопольского) собора (381) епископ города был отнюдь не могущественным и влиятельным представителем столичной церкви, а весьма ординарным епископом, находившимся в церковном подчинении архиепископа гераклеяского (Малая Азия). Таким образом, становление Константинополя и как «христианской столицы» Востока тоже было весьма сложным и длительным процессом, растянувшимся почти на столетие.

Разумеется, это не означает, что очень многое в истории византийской столицы, организации власти, империи не восходит к «константиновым началам». Константинополь действительно сформировался как новый тип постоянного столичного центра — центра бюрократического управления, как в какой-то мере «личная» столица императоров, порывавшая со многими традициями Рима.

Рождение Византии представляло собой сложный и длительный процесс, растянувшийся по крайней мере на столетие. Начало его уходит в кризис III в. подорвавший основы античного общества. Однако Византия не родилась непосредственно из этого кризиса. Возникновение Византии было итогом развития античного общества в течение IV столетия. На протяжении

большой его части ещё преобладали тенденции к сохранению единства Римской империи. Размежевание шло медленно и подспудно, прежде всего в сфере административного управления, приняв более отчётливые формы лишь во второй половине столетия. Внешне это реализовывалось в утверждении и упрочении института соправительства, осуществившемся с 364 г., в более жёстком разделе административного управления, финансов, армии, в какой-то мере самостоятельности внешней политики. Процесс завершился в 395 г. формальным образованием двух государств во главе со своими императорами. В основе его лежал, таким образом, не сам кризис III в., а эволюция империи в IV в., всё более обнаружившаяся разность переживания позднеантичной эпохи обеими половинами вышедшей из кризиса ещё единой Римской империи, разность встававших перед ними конкретных внутренних и внешних проблем, путей их решения, что во многом предопределило основы их территориального размежевания. Эта разность нашла своё отражение и в духовной жизни, идеологии. Утверждение в IV в. на длительный период господства в обеих половинах империи разных направлений христианства (на Западе ортодоксального-никейского, на Востоке — арианства) лишь один из показателей; кстати сказать, период, во многом оформивший и начало церковного размежевания, становления византийской церкви с её определёнными особенностями.

Можно ли говорить о становлении «византийского» общества как общества своеобразного развития? По-видимому, да. Очевидно, с V в. есть основания говорить о западно-римском и восточно-римском, византийском обществах, несмотря на ещё сильные остаточные элементы прежнего единства. Завершение формирования византийского общества с характерными для него социально-политическими институтами, по-видимому, произошло в середине V в.

ГЛАВА I³⁷

Перенесение столицы империи в Константинополь и Возникновение Восточно-Римской империи (330—518)

I. Перенесение столицы империи в Константинополь и характер новой империи. — II. Нашествие варваров. — III. Религиозный кризис. — IV. Восточно-Римская империя в конце V и начале VI века.

I

Перенесение столицы империи в Константинополь и характер новой империи

11 мая 330 года на берегах Босфора Константин торжественно объявил своей столицей Константинополь.

³⁷ Диль Ш. История Византийской империи. М., 1948. С. 19-28.

Почему, покидая древний Рим, император переносил резиденцию монархии на Восток? Помимо того, что он лично питал мало склонности к языческому и мятежному городу цезарей, Константин не без основания считал Рим плохо расположенным для того, чтобы удовлетворять новым нуждам империи. Опасность нашествия готов и персов грозила на Дунае и в Азии; сильное в военном отношении население Иллирии могло быть прекрасно использовано для защиты, но Рим был слишком далёк, чтобы организовать эту защиту. Это понял уже Диоклетиан, который также почувствовал притягательную силу Востока. Во всяком случае, в тот день, когда Константин основал «новый Рим», начала своё существование Византийская империя.

Вследствие своего географического положения на стыке Европы и Азии, создававшего значительные преимущества военного и экономического характера, Константинополь становился естественным центром, вокруг которого мог группироваться восточный мир. Благодаря отпечатку эллинской культуры, отличавшему её с момента рождения, а особенно в силу специфического характера, приданного ей христианством, юная столица глубоко отличалась от древней и достаточно ясно символизировала новые стремления и чаяния восточного мира. С другой стороны, в Римской империи уже давно складывалась новая концепция монархии. В начале IV века под влиянием Ближнего Востока превращение было закончено. Из императорской власти Константин постарался создать абсолютную власть по божественному праву. Он окружил эту власть всем великолепием облачения — диадемой и пурпуром, всей помпой этикета, всей пышностью двора и дворца. Считая себя представителем бога на земле, а свой разум — воплощением высшего разума, он стремился во всём подчеркнуть священный характер государя, отделить его от остального человечества, окружив торжественным церемониалом, — словом, сделать царство земное как бы подобием царства небесного.

Равным образом для увеличения престижа и силы империи он хотел, чтобы монархия была монархией административной, строго иерархической, точно контролируемой, где весь авторитет был бы сосредоточен в руках императора. Наконец, делая христианство государственной религией, умножая иммунитеты и привилегии церкви, защищая христианство против ереси, во всех случаях оказывая ему своё покровительство, Константин придал авторитету императора особый характер. Заседая среди епископов, «как если бы он был одним из них», выставляя себя признанным стражем догмы и дисциплины, вмешиваясь во все дела церкви, проводя в ней законы и творя суд, организуя её и управляя ею, созывая соборы и председательствуя на них, диктуя символы веры, Константин, а за ним все его преемники, были ли они православными или арианами, устанавливали взаимоотношения церкви и государства, неизменно руководствуясь одним и тем же принципом. Это было то, что впоследствии называли цезарепапизмом, — деспотическая власть императора над церковью; и восточное духовенство, духовенство придворное, тщеславное и суетное, послушное и гибкое, без протеста принимало эту тиранию.

Всё это глубоко укореняло концепцию власти, характерную для восточных монархий, и потому, хотя Римская империя продолжала существовать ещё в течение целого столетия — до 476 г., — хотя вплоть до конца VI в. римские традиции оставались жизненными и действенными даже на Востоке, всё же восточная часть монархии объединилась вокруг Константина и в некотором роде осознала себя. Начиная с IV века, несмотря на внешнее и формальное сохранение единства Римской империи, две её половины нередко разделялись под властью различных императоров; и когда в 395 г. умер Феодосий Великий, оставив двум своим сыновьям, Аркадию и Гонорию, наследство, разделённое на две империи, это разделение, подготовлявшееся уже давно, определилось и стало окончательным. Отныне начала своё существование Восточная Римская империя.

II

Нашествие варваров

В течение длительного периода, с 330 по 518 г., два тяжёлых испытания, потрясшие эту империю, придали ей её индивидуальный облик. Первым испытанием было нашествие варваров.

Начиная с III столетия через все границы на Дунае и Рейне из Германии на римскую территорию медленно просачивались варвары. Одни являлись туда небольшими группами в качестве солдат или земледельцев; другие, привлечённые безопасностью и процветанием империи, целыми племенами добивались уступки земель, которые им охотно жаловало имперское правительство. Великое переселение народов. Беспрерывно проходившее в неустойчивом германском мире, ускорило этот напор варваров и сделало его наконец устрашающим. Под натиском варваров погибла Западная империя, и вначале можно было предположить, что Византия пострадает от этого ужасающего натиска не меньше, чем Рим.

В 376 г. вестготы, спасаясь от гуннов, явились просить у империи убежища и земли. Две тысячи их расселились на юге Дуная, в Мизии. Они не замедлили взбунтоваться; император Валент, пытавшийся их усмирить, был убит на равнине близ Адрианополя (378); чтобы обуздать их, понадобилась вся энергия и ловкость Феодосия. Но после его смерти (395) опасность возобновилась. Король вестготов Аларих устремился в Македонию; он опустошил Фессалию, Центральную грецию, проник в Пелопоннес, и слабый Аркадий (395 — 408) вследствие того, что всё византийское войско находилось на Западе, не смог его остановить; когда Стилихон, призванный с Запада на помощь империи, окружил готов в Фолое в Аркадии (396), император предпочёл дать им ускользнуть сговорившись с их военачальником. Отныне на протяжении нескольких лет вестготы были в Восточной империи всемогущими. Они низлагали министров Аркадия, предписывали свою волю государю и хозяйничали в столице, возмущая государство своими мятежами. Но честолюбие Алариха влекло его всё дальше на запад; в 402 г. он вторгся в Италию и снова явился туда в 410 г., захватив Рим; лишь тогда, когда вестготы оконча-

тельно разместились в Галлии и Испании, опасность, грозившая Восточной империи, была предотвращена.

Тридцать лет спустя на сцену выступили гунны. Атила, основатель обширной империи, простиравшейся от Дона до Паннонии, перешёл в 441 г. Дунай, захватил Виминаций, Сингидун, Сирмий, Ниш и стал грозить Константинополю. Ослабленная империя вынуждена была согласиться платить ему дань. Несмотря на это, в 447 г. гунны опять появились на юге Дуная; снова начались переговоры. Однако опасность была по-прежнему грозной, и можно было ожидать близкой катастрофы, когда в 450 г. император Маркиан (450 — 457) бесстрашно отказался от уплаты дани. И на сей раз судьба улыбнулась Восточной империи. Атила обратил своё оружие на Запад; он вернулся оттуда побеждённым и ослабленным. Вскоре после этого поражения он умер. И основанная им империя окончательно распалась (453).

Во второй половине V века остготы в свою очередь вступили в борьбу с империей, которая оказалась вынужденной принимать их к себе на службу, жаловать им земли (462) и осыпать их военачальников почестями и деньгами. Вот почему можно наблюдать, что к 474 г. остготы вмешиваются во все дела империи: именно Теодорих по смерти императора Льва (457 — 474) обеспечил Зинону триумф над его соперником, оспаривавшим у него трон. Отныне варвары стали более требовательными, чем когда-либо. Попытки сеять рознь между их вождями (479) ни к чему не привели. Теодорих разорил Македонию, стал грозить Фессалонике, требуя всё большего, добившись в 484 г. титула консула, угрожая в 487 г. Константинополю. Но и он также дал увлечь себя в Италию, где в 476 г. пала Западная империя, которую догадливый Зинон предложил ему вновь завоевать. Ещё один раз опасность была устранена.

Таким образом, варварское вторжение скользнуло вдоль границ Восточной империи, затронув её лишь мимоходом; новый Рим устоял и, как бы возвеличенный падением древнего Рима, ещё более приблизился к Востоку.

III

Религиозный кризис

Другим испытанием был религиозный кризис.

Ныне довольно трудно понять то значение, которое в IV и V веках имели великие ереси ариан, несториан, монофизитов, так глубоко волновавшие восточную церковь и государство. В них часто усматривают простые споры богословов, с ожесточением пускавшихся в сложные дискуссии по поводу тонких и бессодержательных формул. Но их действительный смысл и значение были иными. Эти споры неоднократно вскрывали политические интересы и столкновения, которым предстояло оставить глубокий след в истории Византийской империи. Они были чрезвычайно важны, кроме того, для выяснения взаимоотношений государства и церкви на Востоке и для определения связи между Византией и Западом; вследствие всего этого они заслуживают внимательного изучения.

Никейский собор (325) осудил арианство и провозгласил, что Христос единосущен богу-отцу. Но сторонники Ария отнюдь не смирились перед анафемой, и IV век наполнен страстной борьбой между противниками и сторонниками православия — борьбой, в которой участвовали даже императоры. Арианство, вместе с Констанцием победившее на соборе в Римини (359), было сокрушено Феодосием на Константинопольском соборе (381), и с этого момента обозначился контраст между греческим духом, влюблённым в тонкую метафизику, и ясным строем мысли латинского Запада, а также выявилась противоположность между восточным епископатом, послушным воле государя, и твёрдой, высокомерной непреклонностью римских первосвященников. Завязавшийся с V века спор о единстве во Христе двух природ — человеческой и божественной — ещё более подчеркнул эти различия и тем более серьёзно взволновал империю, что к религиозной ссоре примешалась политика.

Действительно, в то самое время, когда папы, начиная с Льва Великого (440—462), основывали на Западе папскую монархию, на Востоке патриархи Александрии, в особенности Кирилл (422—444) и Диоскор (444—451), пытались установить папский престол в Александрии. Кроме того, в результате этих смут в борьбе против православия всплывали на поверхность старые национальные распри и всё ещё живучие сепаратистские тенденции; таким образом с религиозным конфликтом тесно сплетались политические интересы и цели.

До 428 г. Феодосий II (408—450) правил в Византии под опекой своей сестры Пульхерии. Подобно малому ребёнку, он проводил своё время в рисовании, в раскрашивании или переписывании рукописей, за что получил прозвище «Каллиграф». Если, однако, память о нём сохранилась в истории, то лишь потому, что он приказал выстроить мощный пояс укреплений, который в течение стольких веков защищал Константинополь, и потому, что по его распоряжению имперские законы, обнародованные со времён Константина, были собраны и объединены в «Кодекс Феодосия». Но перед лицом церковных споров он оказался совершенно слабым и беспомощным.

Несторий, патриарх константинопольский, проповедовал, что в Христе следует разделять человеческую и божественную природу, что Иисус был лишь человеком, ставшим богом; вследствие этого Несторий отказывал деве Марии в наименовании Theotokos (богородица). Кирилл Александрийский поспешил воспользоваться этим поводом, чтобы ослабить епископа столицы; при поддержке папы он повелел торжественно осудить несторианство на Эфесском соборе (431); после этого он безраздельно стал господствовать над восточной церковью, предписывая императору свою волю. Когда же, несколько лет спустя, у Евтихия, доведшего до крайних выводов учение Кирилла, человеческая природа Христа почти совершенно исчезла в божественной (это было монофизитство), — он снова нашёл поддержку у патриарха Александрийского Диоскора и собор, известный под названием «Эфесский разбой», обеспечил, казалось, триумф Александрийской церкви.

Против этих честолюбивых устремлений объединились равным образом обеспокоенные империя и папство. Халкидонский собор (451) в соответствии с формулой Льва Великого установил православное учение о единстве двух природ в личности Христа и одновременно отметил крушение александрийских мечтаний и триумф государства, полновластно руководившего собором и прочнее, чем когда-либо установившего отныне своё господство над восточной церковью.

Однако осуждённые монофизиты отнюдь не примирились с приговором; в течение долгого времени они продолжали основывать в Египте и Сирии церкви с сепаратистскими тенденциями, что создавало серьёзную опасность для сплочения и единства монархии. Сверх того, Рим, несмотря на свою победу на почве догмы, должен был примириться с усилением власти константинопольского патриарха, который под защитой императора стал подлинным папой Востока. Это послужило источником серьёзных конфликтов. Перед лицом папства, всемогущего на Западе, стремившегося освободиться от императорской власти, церковь Востока становилась государственной церковью, подчинённой воле государя; благодаря принятому в ней греческому языку, её мистическому направлению (враждебному римскому богословию), наконец, в силу её старинной вражды с Римом, — она всё более и более стремилась стать независимой. В результате всего этого Восточная Римская империя приобретала свою собственную физиономию. Именно на Востоке собирались великие соборы, именно на Востоке рождались великие ереси; наконец, восточная церковь, гордая славой своих великих богословов — Василия Великого, Григория Нисского, Григория Назианзина, Иоанна Златоуста, — убеждённая в своём интеллектуальном превосходстве над Западом, всё более и более склонялась к отделению от Рима.

IV

Восточно-Римская империя в конце V и начале VI века

Таким образом, ко времени императоров Зинона (471—491) и Анастасия (491—518) появляется представление о чисто восточной империи.

После падения Западной Римской империи в 476 г. империя Востока остаётся единственной Римской империей. И хотя этот титул сохранял за ней значительный престиж в глазах варварских государей, которые накроили себе королевства в Галлии, Испании, Африке, Италии, хотя она всегда провозглашала свои обширные права на верховную власть по отношению к этим племенам, — в действительности по территориям, которыми она обладала, эта империя всё же была восточной.

Она охватывала весь Балканский полуостров, за исключением его северо-западной части, Малую Азию вплоть до гор Армении, Сирию до левого берега Евфрата, Египет и Киренаику. Эти страны образовывали 64 провинции или епархии, входившие в состав двух префектур претории: Восточной (диоцезы Фракии, Азии, Понта, Востока, Египта) и Иллирийской (Македонская диоцеза). Хотя управление империей по-прежнему было организовано

по римскому образцу и основано на разделении гражданских и военных функций, императорская власть становилась здесь всё более абсолютной, наподобие монархий Востока; а с 450 г. обряд коронации придавал ей сверх того обаяние святого миропомазания и божественного соизволения.

Император Анастасий обеспечил этой империи солидно защищённые границы, хорошее состояние финансов, более упорядоченную администрацию. И политическое чутьё государей толкало их к созданию морального единства империи, к попытке вернуть отпавших монофизитов, хотя бы ценою разрыва с Римом. Это было предметом эдикта объединения (Энотикон), обнародованного Зиномом в 482 г. Первым результатом этого эдикта оказался раскол между Византией и Римом; свыше тридцати лет (484—518) папы и императоры, особенно Анастасий, убеждённый и страстный монофизит, вели упорную борьбу, и за время этих смут Восточная империя окончательно превратилась в самостоятельный организм.

Наконец, культура империи всё более и более принимала восточную окраску. Даже при господстве Рима эллинизм оставался живучим и сильным на всём греческом Востоке. Даже при господстве Рима эллинизм оставался живучим и сильным на всём греческом Востоке. Большие и цветущие города — Александрия, Антиохия, Эфес — были центрами замечательной умственной и художественной культуры. Под их влиянием в Египте, Сирии, Малой Азии зародилась цивилизация, всецело проникнутая традициями классической Греции. Константинополь, обогащённый по воле своего основателя шедеврами греческого мира, ставший благодаря этому самым замечательным музеем, прочно хранил воспоминания об эллинской древности. С другой стороны, восточный мир, соприкасаясь с Персией, пробудился и осознал свои старинные традиции; в Египте, Сирии, Месопотамии, Малой Азии, Армении вновь обнаружили старые традиционные основы, и снова восточный дух оказывал влияние на некогда эллинизированные страны. Из ненависти к языческой Греции христианство поддерживало эти национальные тенденции. И из смешения соперничавших традиций во всём восточном мире рождалась мощная плодотворная деятельность. В IV и V вв. Сирия, Египет, Анатолия имели особенно важное значение в империи с точки зрения экономической, интеллектуальной, художественной: христианское искусство развивалось там медленно. Путём долгого ряда попыток и учёных изысканий, великолепный апогей которых ознаменовали шедевры VI столетия; с этого момента оно проявляется как искусство типично восточное. Но в то время как в провинциях таким образом пробуждались старинные местные традиции и никогда не забывавшиеся сепаратистские настроения, Константинополь также возмещал о своей будущей роли, собирая и сочетая элементы самых различных культур, координируя противоположные тенденции, различные художественные приёмы и методы, из которых должна была родиться самобытная византийская культура.

Так, казалось, заканчивалась эволюция, увлекавшая Византию к Востоку; и можно было ожидать, что в недалёком будущем осуществится идеал чисто восточной империи, деспотически управляемой, обладающей хорошей

администрацией, солидно защищённой, отказавшейся от политических притязаний на Западе, чтобы сосредоточить внимание на собственных нуждах, и не колеблющейся более перед тем, чтобы обрести религиозное единство на Востоке путём разрыва с Римом и основания под опекой государства церкви, почти независимой от папства. К несчастью, империя к концу V и к началу VI в. находилась в состоянии жестокого кризиса, препятствовавшего осуществлению этой мечты.

С 502 г. персы возобновили войну на Востоке; в Европе славяне и авары начали свои набеги к югу от Дуная. Внутренняя смута достигла крайних пределов. Столицу волновали ссоры партий цирка, зелёных и синих; провинции, недовольные, разорённые войной, подавленные налогами, искали любого повода, чтобы предъявлять свои местные требования; правительство было непопулярно; могущественная православная оппозиция боролась за свою политику и предоставляла разным честолюбцам удобный повод для возмущений, наиболее серьёзным из которых было восстание Виталиана (514).

Наконец, прочная память о римской традиции, поддерживавшая мысль о необходимости единства римского мира, «Романии», беспрестанно обращала умы на Запад.

Чтобы выйти из этого состояния неустойчивости, нужна была мощная рука, ясная политика с точными и определёнными планами. Такую политику проводил Юстиниан.

Тема 3. Основные направления внутренней и внешней политики Юстиниана I — 2 часа.

1. Личность Юстиниана и начало его правления.
2. Восстание «Ника».
3. Внутренняя политика Юстиниана I. «Свод гражданского права».
4. Внешняя политика и войны Юстиниана.
5. Итоги и историческое значение правления Юстиниана I.

Литература:

- Геростергиос А.* Юстиниан Великий — император и святой. М., 2010.
- Глушанин Е.П.* Военная знать ранней Византии. Барнаул, 1991.
- Диль Ш.* Юстиниан и Византийская цивилизация в VI веке. СПб., 1908.
- Удальцова З.В.* Италия и Византия в VI веке. М., 1959.
- Удальцова З.В.* Законодательные реформы Юстиниана // Византийский временник. Т. 27. 1967.
- Чекалова А. А.* Константинополь в VI веке. Восстание Ника. СПб, 1997.

Прокопий Кесарийский. «Война с персами» (I, 24-25)³⁸

Около того же времени вспыхнул неожиданно в Византии мятеж в народе, который вопреки ожиданию оказался самым большим и для народа и сената завершился большим несчастьем. Вот как было дело.

В каждом городе димы³⁹ искони разделялись на голубых и зелёных, но немного времени прошло с тех пор, как из-за этих названий и скамей, занимаемых во время зрелищ, люди стали тратить деньги, подвергать себя жесточайшим мучениям и готовы умереть позорнейшей смертью. Они ведут борьбу с противниками, не зная сами, чего ради рискуют, но хорошо зная, что если и одолеют врагов в борьбе, то им не останется ничего другого, как быть немедленно отведённым в тюрьму и затем в страшных мучениях погибнуть. У них вражда к близким рождается без причины и остаётся неизменной на всю жизнь, не уступая ни свойству, ни родству, ни дружбе, раз родные братья или другие какие родственники различались указанными цветами. У них нет заботы ни о божественных, ни о человеческих делах, только бы одолеть в состязаниях, хотя бы при этом кто-нибудь совершил нечестивое дело или хотя бы законы и государство попирались своими или врагами: ведь даже испытывая нужду в необходимом или когда отечество терпит от них ущерб в самых важных отношениях, они ни на что не обращают внимания, если только их партия процветает («партией» они называют своих товарищей по мятежам). Принимают участие в этой мерзости и их женщины, не только следуя мужьям в выборе партии, но и выступая против них, если придётся, хотя ни

³⁸ Хрестоматия по истории средних веков / под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. М., 1949. Т. 1. С. 170- 175.

³⁹ Дим (или дима), собственно, означает всё население города (народ); в узком смысле дим — это городская партия, партия цирка.

на зрелище они не ходят, ни другими поводами не побуждаются к таким выступлениям. И потому я никак иначе не могу назвать всё это, как душевной болезнью. Так обстоит дело в городах и в каждом диме.

А тогда власть, стоявшая во главе народа в Византии, хотела предать смерти некоторых из бунтовщиков. Согласившись и договорившись друг с другом, обе стороны вырывают из рук стражи ведомых на казнь и, немедленно ворвавшись в тюрьму, освобождают всех заключённых за бунт или другое какое бесчинство; служителей, бывших на службе у городских властей, убивали ни за что, а из граждан не причастные к беспорядкам убежали на противоположащий материк, город был подожжён, как будто он оказался во власти врагов. Святилище Софии, баня Зевксинна и часть царского дворца от Пропилеев до так называемого дома Арея погибли в пламени, а за ним погибли и оба больших портика, примыкавших к площади, названной именем Константина, и много домов и большие богатства состоятельных людей. Царь, его супруга и некоторые члены сената заперлись во дворце. Димы же друг другу передавали условный знак «Ника» [побеждай], от которого тогда и всё восстание так начало называться. Эпархом двора⁴⁰ был тогда Иоанн Каппадокиец; Трибониан же, родом памфилиец, был советником императора (римляне называют этот чин квестором). Из них Иоанн был человек, лишённый образования и воспитания, он от учителя грамматики только и научился грамоте, да и то плохо писать плохие буквы; но силою природных дарований он превосходил всех, кого мы знаем: он был в высшей степени способен разбираться в том, что было нужно, и найти решение в затруднительном положении. Но, будучи самым злым из злых людей, он употреблял силу своих дарований во зло; ни мысль о Боге, ни стыд перед людьми не входили в его душу, но забота его была направлена на то, чтобы ради наживы погубить побольше людей и уничтожить целые города. Скопив за короткое время большое богатство, он предался безграничному пьянству, до обеда грабя имущество подвластных ему людей, а остальное время дня посвящая пьянству и гнуснейшим плотским наслаждениям; удержаться в пределах он не мог, но и наедался он до тошноты, и красть деньги всегда был готов, а тем более спускать и тратить их. Таков был Иоанн. Трибониан же обладал высокими природными дарованиями и достиг таких высот образования, как никто в его время, но, преданный до безумия корыстолюбию, он всегда способен был ради выгоды предать справедливость. Из законов одни он чаще всего каждый день отменял, а другие писал, продавал те и другие, кому что нужно было.

Итак, пока народ враждовал друг с другом из-за преобладания цветов партий, не было оснований им провиниться в чём-нибудь перед государством. Когда же, согласившись, как выше было сказано, они включились в мятеж, то по всему городу явно стали поносить Иоанна и Трибониана и искать их, чтобы убить. Поэтому царь, желая примирить с собой народ, немед-

⁴⁰ Другие источники указывают на то, что это был эпарх города Эндомон. Эпарх Константинополя соединял в своих руках prerogatives римского префекта города и префекта претория; его называли «отцом города», он являлся первым после царя органом власти, «некоронованным царём», «царём без порфиры».

ленно отрешил обоих от власти и назначил епархом двора патриция Фоку, человека весьма разумного и способного служить правосудию; Василиду же, известному среди патрициев своей мудростью и в других отношениях почтенному, приказал взять на себя должность квестора.

Однако и при них возмущение продолжалось с неменьшей силой. На пятый день восстания к вечеру Юстиниан велел Ипатию и Помпею, племянникам бывшего императора Анастасия, идти как можно скорее домой, — потому ли что он подозревал их в замыслах против его жизни, или и сама судьба вела их к тому. Они же, боясь, как бы народ не принудил их царствовать (как это и случилось), говорили, что несправедливо поступать, оставив своего царя, когда он подвергается такой опасности. Услышав это, Юстиниан проникся ещё большим недоверием и настойчиво приказал им немедленно удалиться. Оба они отправились домой и, пока была ночь, оставались там.

На следующий день, с восходом солнца, сделалось известным в народе, что они оба устранены от пребывания во дворце. Поэтому весь народ побежал к ним, провозгласил Ипатия царём и повёл его на площадь, чтобы принять ему на себя ведение дел. Мария, жена Ипатия, женщина очень умная и высокочтимая за свою добродетель, цеплялась за мужа, не пускала его, вопила изо всех сил и убеждала всех близких, что народ ведёт его на смерть. Толпа пересилила, и Мария против воли выпустила мужа. Народ призвал на царство Ипатия, вопреки своему желанию пришедшего на площадь Константина, и, возложив ему на голову золотую цепь за неимением диадемы или чего-нибудь другого (что подобает надевать на царя), провозгласил его царём римлян.

Когда собрались члены сената, не оставшиеся в царском дворце при Юстиниане, то много мнений было высказано за то, чтобы напасть на дворец. Ориген же, член сената, выступил и сказал: «Римляне, в настоящее время наши дела не могут быть решены иначе, как войной, а признано, что война и царство — важнейшие из всех дел между людьми. Но великие дела могут совершаться не в короткое время, а по зрелом размышлении и с напряжением всех сил в течение долгого времени. Итак, если пойдём на врага, то дела наши будут поставлены на остриё бритвы, и в короткое время мы поставим всё на риск; и за то, что выйдет в результате, мы или поблагодарим судьбу, или попеняем на неё, ибо самое затруднительное положение находится обычно во власти судьбы. Если же мы не спеша устроим теперешние наши дела, то даже при всём нашем желании нам не удастся захватить Юстиниана во дворце, ибо он предпочтёт как можно скорее убежать, лишь бы ему это позволили. Ведь власть, оставляемая в небрежении, обыкновенно падает, раз сила её с каждым днём сокращается. Есть ведь у нас и другие дворцы, как Плакиллин и Еленин; из них нашему императору можно будет и войну вести, и прочими делами управлять, как ему будет удобнее». Так сказал Ориген. Но прочие, как это свойственно толпе, взялись за дело с большим напором, считая, что полезно действовать без промедления; равным образом и Ипатий [ему уж суждено было кончить плохо] велел двинуться по дороге к ипподро-

му; некоторые же утверждают, что он нарочно двинулся туда из расположения к Юстиниану⁴¹.

Окружающие царя советовались, что будет лучше — оставаться или бежать на кораблях, и много раз говорилось в пользу и того и другого мнения. А царица Феодора сказала следующее: «Настоящий момент, мне кажется, вовсе не позволяет раздумывать и утверждать, что женщине не подобает быть смелой среди мужчин и проявлять мужество среди нерешительных. Правда, людям, оказавшимся в величайшей опасности, представляется самым лучшим всю надежду свою возложить на быстроту ног. Но я и раньше всегда считала и теперь считаю бегство невыгодным, хотя бы оно и принесло спасение. Всякому человеку, явившемуся на свет, невозможно не умереть, но человеку, бывшему царём, невыносимо сделаться беглецом. Не дай мне Бог оказаться лишённой этой багряницы, и пусть я не доживу до того дня, когда встречающиеся перестанут называть меня царицей! Итак, если у тебя, царь, в голове мысль о спасении, то нечего и разговаривать: денег у нас масса, вот море, вот и корабли! Подумай, однако, не будет ли тебе любезнее, спасшись, предпочесть смерть спасению. А мне нравится старинное изречение, что царство — прекрасный саван». Когда царица сказала это, то все исполнились храбрости и мужества и стали обсуждать, где они смогут защищаться, если кто выступит против них.

Между тем все воины, как прочие, так и стоявшие вокруг царского дворца, не высказали расположения к императору и явно выступить не желали, но ожидали, чем всё кончится. Император возлагал всю надежду на Велизария и Мунда; из них первый, недавно вернувшийся с мидийской битвы, держал при себе как сильную и многочисленную дружину, так и множество дорифоров и ипанистов⁴², закалённых в битвах и опасностях войны. Мунд же, назначенный стратигом Иллирии, предводительствовал герулами, будучи призван в Византию по какому-то делу.

Итак, Ипатий, придя на ипподром, всходит тотчас на царское место и садится на царский трон, с которого царь обыкновенно смотрит на конские бега и гимнастические упражнения. Тем временем Мунд вышел из дворца через дверь, которая называется улиткой из-за того, что при входе заворачивается. А Велизарий сначала хотел подняться прямо против самого Ипатия и царского трона и, когда подошёл к ближайшему помещению, где искони находится стража, то стал кричать воинам, приказывая им открыть ему поскорее двери, чтобы он мог пойти на тирана. Но воины решили ни за кого не выступать до тех пор, пока одна из сторон не одержит решительной победы над другой, и потому не исполнили приказания, притворяясь, что ничего не слышат.

⁴¹ «Пасхальная хроника» передаёт, что после резни на ипподроме Ипатий и Помпей, приведённые к Юстиниану, «упали на колени и сказали: «Государь, много труда стоило нам собрать врагов твоей державы на ипподроме».

⁴² Дорифоры (копьеносцы) и ипанисты (щитоносцы) составляли отборную часть в войсках Юстиниана.

Велизарий, вернувшись к Юстиниану, уверял его, что всё погибло, раз взбунтовались против него даже те воины, которым поручена охрана дворца. Царь приказал ему идти к так называемой Халке и к находящимся там Пропилеям. Среди опасностей, с большими усилиями, через развалины, по обгорелым местам, Велизарий доходит до ипподрома. Оказавшись у портика голубых, который находился справа от царского трона, Велизарий задумал сразу же броситься на Ипатия; но так как узкая дверь здесь была заперта и охранялась изнутри воинами Ипатия, то Велизарий побоялся, как бы народ, напав на него, пробирающегося в тесноте, не уничтожил его с отрядом и не пошёл с лёгкостью и удобством против Юстиниана. Итак, решив, что надо напасть на народ, стоявший на ипподроме в бесчисленном количестве и в полном беспорядке, Велизарий, выхватив из ножен меч и приказав прочим сделать то же самое, бегом и с криком бросился на толпу. Народ, стоявший в виде толпы, а не в строю, обратился в бегство, увидев, что покрытые латами воины, прославившиеся храбростью и боевым опытом, беспощадно поражают всех мечами. Когда поднялся громкий крик, то Мунд, стоявший поблизости и стремившийся приступить к делу (это был человек смелый и предприимчивый), но не знавший, где бы он мог выступить, догадался, что Велизарий уже действует, и он тотчас врывается на ипподром через вход, который называется Мёртвым. Тогда бунтовщики Ипатия были истребляемы, подвергаясь сильным ударам с обеих сторон. Победа обнаружилась блестящая, тогда Воранд и Юст, племянники Юстиниана, не встретив ни малейшего сопротивления, стащили Ипатия с трона и привели его вместе с Помпеем к царю. В этот день было убито из народа больше 30 000 человек⁴³.

Царь приказал держать Ипатия и Помпея в строгом заточении. Тут Помпей рыдал и горько жаловался, потому что он ещё совсем не испытал превратностей жизни и таких бедствий. Ипатий же, сильно упрекая его, говорил, что не следует сокрушаться тем, которые погибнут невинно, ибо с самого начала они против воли вынуждены были народом принять власть и пришли на ипподром не с злым умыслом против царя. На следующий день воины убили обоих и сбросили их тела в море. Царь отписал в казну их имущество, а также имущество всех прочих сенаторов, их единомышленников. Впоследствии, однако, всем другим, а также детям Ипатия и Помпея царь возвратил все прежние звания и то имущество, которое ещё не успел раздать своим приближённым. Так закончился бунт в Византии.

Эпоха Юстиниана (527 — 565)⁴⁴

38-летнее правление Юстиниана было внешне и кульминационным и переломным периодом ранневизантийской истории. Многие из типично «византийского» оформилось в годы его правления, многое было сделано из того, что принесло ей известность. В объяснении этого «взлёта» Византии личности самого Юстиниана, «огромному и разнообразному делу его колоссаль-

⁴³ По другим указаниям, 35 000 и даже 40 000.

⁴⁴ Курбатов Г.Л. История Византии (От античности к феодализму). М., 1984. С. 51-66.

ного честолюбия» отводят немалое место. Кроме несомненного ума и способностей он обладал бесспорным организаторским талантом, необычайной работоспособностью («император, который никогда не спит»), чрезвычайным упорством и настойчивостью в достижении своих целей. Исследователи, изучавшие его законодательство, отмечают последовательное и планомерное проведение им своей линии, концепции своих планов, которые он тщательнейшим образом обдумывал и взвешивал. Трудно сказать, что досталось Юстиниану от его крестьянского происхождения — упорство и трудолюбие, простота и строгость в личном быту, хитроватость крестьянина, умевшего под напускной внешней бесстрастностью и спокойствием скрывать смятение и неуверенность, которые также были присущи Юстиниану, или «мания величия» выскочки из низов? Многие в политике и стремлении Юстиниана к жёсткому самодержавию, автократии объясняют его властолюбием и ненавистью выскочки к презиравшей его аристократии. Но таких, как он, в ранневизантийскую эпоху было немало, они были довольно типичным явлением. К тому же нет достаточных оснований подозревать Юстиниана в полярной противоположности и несовместимости с аристократией. Ещё в раннем возрасте, вызванный в Константинополь своим дядей Юстином, Юстиниан получил превосходное аристократическое воспитание при дворе, великолепно изучил юриспруденцию и богословие, прошёл через ряд крупных должностей, долгое время был патроном партии венетов, а, следовательно, активным участником борьбы партий. На престол он вступил в возрасте 45 лет, предельно зрелом для того времени, пройдя почти десятилетнюю школу «сопричастности» к управлению при Юстине, ставшем императором в 518 г.

Исследования последних лет показывают, что многое из того, что было в завершённой форме осуществлено в его правление, делалось уже его предшественниками. Следовательно, Юстиниана следует рассматривать не столько как новатора, сколько как умелого реализатора, в какой-то мере завершителя определённых тенденций предшествующего развития. Именно в этом плане он и представляет наибольший интерес.

Юстиниан скорее всего пришёл к власти в условиях начала социального кризиса. Не уточняя, к какому времени он относит старый, он провозгласил своей задачей дать империи «новый расцвет». Не только собственные честолюбивые замыслы, но и реальное состояние империи требовали комплекса новых социальных мероприятий и реформ. Можно думать, что Юстиниан в какой-то мере к ним готовился, а престарелый Юстин уже в известной степени проводил «его политику». Не случайно и то, что Юстиниан в предшествующие годы не только осваивал науку политики, но и тщательно изучал юриспруденцию и богословие. В этих сферах деятельности он видел основные узлы разрешения противоречий.

Законодательство рисует достаточно объективную основу социальных противоречий, обусловивших усиление автократии при Юстиниане. В первую очередь это недовольство рабов, колонов и мелких свободных земельных собственников усилением их эксплуатации землевладельцами, в первую очередь крупными. Это выразилось в увеличении оброков и повинностей, захва-

те и присвоении имущества и земель мелких свободных собственников. Как писал Юстиниан, «... в провинциях творится нечто ужасное... Простые управляющие магнатов с поразительной дерзостью расхаживают в сопровождении целых отрядов слуг и челяди и без стыда и совести грабят. До нас доходят многочисленные жалобы на захват имущества». Для государства это было чревато не только ростом недовольства, социальной напряжённости, но и сокращением налоговых поступлений. Во-вторых, это произвол и грабительство администрации, закрывавшей глаза на самовластие магнатов и также занимавшейся обогащением. От администрации особенно страдало городское торгово-ремесленное население. И от тех и других в достаточной степени страдали средние городские землевладельцы-куриалы — сословие, находившееся в состоянии упадка. В конце V — начале VI в. возросло и стремление магнатства присвоить церковные имущества или вынудить к сдаче их в аренду на льготных условиях. Политические партии, по характеристике современников, начали «демократствовать» на местах, т.е. оказывать давление на администрацию в интересах своих лидеров и сторонников. Связанный с этим рост недовольства не только стимулировал религиозную борьбу, но и угрожал проявлением тенденций к сепаратизму.

Юстиниан начал свою политику с попыток насильственного утверждения религиозного единства. Однако восстание Ника (532) прервало его весьма умеренную реформаторскую активность. Восстание Ника (Побеждай) — и уникальное, и типичное для ранневизантийской эпохи социальное движение, городское по форме. В нём в какой-то мере сфокусировался весь накал социальных противоречий в стране. По словам самого Юстиниана, «плача и стелания» в Константинополь стекались толпы крестьян, ремесленников, куриалов, клириков, жаловавшихся на притеснения и вымогательства чиновной администрации, насилия магнатов, захват земли. У восставших чётко прослеживались две линии недовольства: государственная администрация и крупные собственники. Восстание началось с конфликта по незначительному поводу, но затем вылилось в требование перемен в администрации. Юстиниан явно недооценил реальную остроту ситуации и тем самым спровоцировал перерастание совместного выступления партий в широкое народное восстание, продолжавшееся около недели, превратившее в руины центральные кварталы столицы и стоившее жизни 30 тыс. человек. «Казалось, что империя находится на краю гибели», — писал современник. Восставшие требовали отречения Юстиниана и выдвинули своего претендента. Возможно, часть сенаторской аристократии хотела воспользоваться массовым недовольством, но с радикализацией восстания традиционно пошла на компромисс. Крупнейшее в истории ранней Византии восстание было жестоко подавлено. Но, судя по всему, Юстиниан извлёк из него серьёзные уроки.

Вероятно, не только с великодержавными амбициями Юстиниана и достаточно благополучным состоянием империи в начале VI в. было связано развернувшееся в последующие годы наступление на Западе. Ослабление варварских королевств, укрепление в них «проримских» — провизантийских партий было безусловно провоцировавшим моментом. Однако кажущаяся

лёгкость их ликвидации, по-видимому, также соединялась с необходимостью упрочения престижа императорской власти, переключения внимания на внешние проблемы, консолидации империи. В результате начавшихся с 533 г. военных действий Вандальское и Остготское королевства были в конечном счёте разгромлены.

С 535 г. Юстиниан осуществляет серию административных реформ, развивает активную законодательную деятельность. Он несколько облегчает освобождение рабов, но только по воле и желанию их господина. Его законодательство в отношении рабов фактически мало меняло их положение, оно скорее упорядочивало и уточняло его. Значительно более серьёзными и существенными были его реформы в отношении колонов, прежде всего адскриптициев: господам запрещалось увеличивать оброки сверх установленных обычаем; администрации предписывалось обеспечивать возвращение взысканного сверх положенного; колонам облегчались судебные тяжбы со своим господином. Таким образом, Юстинианом были приняты меры по ограничению роста эксплуатации адскриптициев землевладельцами, упрочена их личная правоспособность в отношениях с собственником имения. Его законодательство не столько проводит параллель между адскриптициями и рабами, сколько последовательно сближает их с другими категориями колонов, т.е. свободными, рассматривая их как одну группу. При нём и свободные колоны были прикреплены к земле, к своему тяглу.

Законодательство Юстиниана, таким образом, рассматривало приписанных колонов как людей, обязанных своими платежами в первую очередь государству, а личную зависимость от господина — как государством установленную гарантию выполнения их обязанностей перед государством. Тем самым оно фактически выступало против усиления личностной, частноправовой зависимости адскриптициев от господ и соответственно возможности приближения её по форме к феодальной. Неизвестно, в какой мере крупные собственники были склонны допускать эволюцию своих отношений с адскриптициями по пути сближения их с формами феодальной зависимости. Стремление максимально лишить колонов собственности свидетельствует не в пользу этого предположения. Вероятно, если бы отношения развивались в этом направлении, землевладельцы нашли бы большую опору у своих колонов в борьбе против государства. В том и другом случае политика Юстиниана не выглядит как феодализационная. Политикой сдерживания наступления магнатов на права колонов Юстиниан в известной мере затормозил дальнейшую эволюцию социальных отношений, на время «консервировал» их. Укрепление им правоспособности колонов в отношениях с господином фактически более резко отмежовывало их от рабов, усиливало элементы прав свободного в их статусе и было направлено к определённой консолидации свободных в ранневизантийском обществе, консервации лично свободного крестьянства и ограничению втягивания его в зависимость. Это была политика социальная и в принципе консервативная, но в какой-то мере отвечавшая требованиям самого крестьянства.

В борьбе с ростом могущества крупных землевладельцев Юстиниан пытался опереться на недовольных мелких и средних земельных собственников — куриалов, а также на ущемляемую светскими землевладельцами в своих имущественных интересах церковь. На практике это были составные части его социальной программы, обусловленной не столько его какой-либо персональной неприязнью к крупным землевладельцам, аристократии, в которой его упрекали противники, сколько остротой социального конфликта, серьёзно угрожавшего империи. Юстиниан хотел ослабить его, повернуть вспять, укрепив остатки единства и свободы свободных.

Именно этим обусловлено его обращение к римским традициям, прославление себя как продолжателя дела римских императоров. Подчёркивая, что его власть — передоверенная ему «власть народа», Юстиниан противопоставлял основы своей автократии «ограничительным» претензиям аристократии. Всё это носило демагогический характер и имело совершенно определённую социальную направленность консервативного свойства — поддержать «староримский» патриотизм свободных. Завоевания на Западе проводились им под лозунгом «освобождения» и должны были символизировать возвращение к прошлому, укрепление свободы.

Нужно сказать, что и в отношении упрочения положения сословия куриалов принятые Юстинианом меры проводились последовательно.

Юстиниан не только стремился сохранить городские и внегородские функции курий. Он организационно завершил систему приобщения к руководству городскими делами, контролю и ответственности за расходование городских средств, снабжение и строительство «первенствующих» в городе собственников (*nobiles civitatum*), не входивших в курии представителей местной землевладельческой знати, богатых чиновников-горожан в отставке (*honorati*), верхушку городского клира во главе с епископом, расширил административные и судебные права и полномочия избираемых городами дефенсоров. Результатом всех этих мероприятий была определённая самостоятельность городских общин по отношению к государственной администрации на местах в эпоху ирано-арабских вторжений и завоеваний.

Политика по отношению к церкви была значительно сложнее по своему характеру и содержанию. Юстиниан не просто пытался увеличить богатство и могущество церкви как таковой в противовес крупному светскому землевладению. При всей его достаточно глубокой набожности, он рассматривал церковь во многом в духе римских государственных традиций, в неразрывной связи с интересами государства. Опираясь на концепцию государство — церковь — «две руки», две стороны единого целого, Юстиниан в сложившейся ситуации в полной мере использовал свою «обязанность» выступать в качестве защитника интересов церкви. Это позволило ему не только более эффективно оградить её и упрочить права собственности на свои имущества, но и в известной мере контролировать их использование «в интересах всех христиан». Церковь становилась более тесно привязанной к государству, его политике, союзником по целенаправленному смягчению остроты социальных противоречий. Именно с этой целью Юстиниан всячески поощ-

рял создание новых монастырей. Дело заключалось не столько в прокламированном им убеждении, что государство будет более прочным и процветающим в результате умножения числа «святых душ». Создание монастырей частично возрождало обработку заброшенных земель, сокращало число недовольного неимущего населения, не имевшего средств для ведения самостоятельного хозяйства. Юстиниан не случайно особенно поощрял развитие широкой сети благотворительных учреждений: церкви отводилась особая роль в реальном смягчении социального недовольства в городе. Избыточное, в основном неимущее население в 30-е — 40-е годы VI в. «душило» крупные города. Оно сыграло немалую роль в восстании Ника. Юстиниан после восстания ограничивал население столицы, просто выдворяя часть его. Только после чумы 542 г., унесшей сотни тысяч жителей, преимущественно городов, эта проблема перестала существовать.

Административные реформы Юстиниана, в частности запрещение платы за должности, повышение окладов чиновникам свидетельствуют о его стремлении ограничить произвол и коррупцию. Но они одновременно и свидетельствуют не просто о его желании организовать более дисциплинированное и подчинённое, более эффективное и гибкое бюрократическое управление, но и о сознательном стремлении ограничить тенденции дальнейшей бюрократизации империи. Именно с этой целью он пытался оживить курии, поднять значение коллегий крупных городских собственников во главе с епископами в городских делах. Правителям провинций было категорически запрещено вмешиваться во внутренние дела городов, назначать в них своих представителей. Епископам и знатным горожанам были предоставлены значительные права прямого противодействия провинциальной администрации, а епископы практически были облечены правами контроля над её деятельностью на местах.

Весьма существенным для оценки внутренней политики Юстиниана является понимание его политики по отношению к роли церкви в обществе и в управлении. Достаточно широко распространено представление о том, что ранневизантийские епископы, опираясь на возрастающую роль церкви в жизни города, её могущество, по существу становились во главе городского самоуправления (В этом направлении эволюционировали западно-римские епископы). Однако восточно-римская церковь в городе при всей своей реальной экономической мощи была ограничена городской общиной, связана с её судьбами. Новые исследования показали, что восточно-римские епископы не брали в свои руки прямое руководство городскими делами, не шли по пути расширения своей гражданской власти в городе. На протяжении всей ранневизантийской эпохи их функции в городских делах были контрольно-надзорными. Они сводились к защите (*defensio*) интересов городской общины, т.е. к защите остатков полисного самоуправления, а не к замене их. Анализ законодательства Юстиниана подтверждает, что нет оснований считать, будто бы в лице епископов и церкви Юстиниан пытался просто создать «второй эшелон» — дубликат гражданской администрации — и тем самым ещё более усилить централизованно бюрократическое прямое управление импе-

рией, окончательно уничтожив остатки античного самоуправления. В действительности, усилив контрольно-надзорные функции епископов по отношению к бюрократическому аппарату, он тем самым пытался ограничить его возраставшее всевластие и сохранить сочетание элементов самоуправления с прямым административным управлением. Видимо, в этом также была специфика позднеантичной государственности, не стремившейся к полной бюрократизации управления. Автократия, неограниченное единовластие Юстиниана были использованы им для поддержания традиционных форм позднеантичной государственности. С этой точки зрения Юстиниан был последним крупным императором, предпринявшим все усилия для того, чтобы сдерживать процессы разложения позднеантичного общества, его социально-политических форм, а церковь в общегосударственном масштабе была использована им именно с этой целью. Автократия Юстиниана была не просто средством упрочения всевластия императора в ранней Византии, а последним средством сохранения основ старого.

Идейные основы юстиниановской программы отчётливо проявились в его активной строительной деятельности. После падения Западной Римской империи Византия осталась единственным наследником Рима, прямым его воспреемником, причём «более достойным», чем Западная, ибо сумела сохраниться и, следовательно, сохранить славу, достоинство и доблесть Рима. Подлинная преемница Рима должна была иметь достойную его величия столицу — «царственный», «царствующий град», символ единства империи. Столица была отстроена с неслыханной роскошью — дворцы, площади, водопроводы, бани, цистерны. В эпоху Юстиниана Константинополь окончательно превратился в крупнейший город империи, крупнейший центр производства — военного, предметов роскоши, судостроения и торговли. «Око вселенной», он стал теперь тем городом, которым знало его средневековье, — будущим Царьградом. При Юстиниане был перестроен и обновлён Большой дворец, отстроены с необычайной пышностью сгоревшие кварталы, был выстроен последний новый квартал на противоположном берегу Босфора. На площади 24 кв. км жило в VI в. около 350 тыс. жителей.

Были отстроены и церкви столицы, фактически заново с неслыханной роскошью выстроена церковь св. Софии, на века ставшая главной церковью не только столицы, но и всей империи, восточно-христианского мира, чудом церковной архитектуры, закрепившей тот тип купольного храма, который стал типичным для византийской архитектуры. Её внутреннее оформление, как бы парящий на 55-метровой высоте купол (31 м в диаметре) символически подчёркивали не только строгое единство земного порядка, но и его органичное единство и нерушимую связь с небесным, гармонию и незыблемость византийского общества и его идеологии и веры.

Огромное строительство, как гражданское, так и церковное, было развёрнуто и осуществлено в империи, причём с особым богатством и пышностью отстраивались государственные учреждения, дворцы и палаты правителей. Это строительство явно имело одной из своих целей поднять и укрепить авторитет государства. Не стихийной была и поддерживавшаяся Юстиниа-

ном программа церковного строительства. Оно наиболее активно осуществлялось там, где были ещё слабы позиции господствующей церкви. Не случайно многие из церквей в это время посвящались архангелу Михаилу, символизирующему единство государства и церкви.

Юстинианом было проведено и огромное военное строительство по программе, подсказанной опытом и практикой предшествующего столетия. Это — колоссальное строительство целостной системы крепостей и оборонительных сооружений, развалины многих из которых сохранились до наших дней.

Его трудно рассматривать как доказательство устойчивого укрепления военной мощи Византии. Оно было последней судорожной попыткой зацепиться на «старых рубежах» с помощью линии крепостей и укреплений, небольшими гарнизонами обеспечить защиту границ и военное господство в пограничных районах — программа, во многом учитывавшая реальные изменения в жизни империи: упадок массы городов и падение их роли как центров обороны, как и множества прежних укрепленных вилл, распространение деревни и сельских поселений. Правительство Юстиниана возлагало большие надежды как на экономичность, так и на надёжность нового лимеса. Однако эти надежды не оправдались. Для ведения активных военных действий правительство вынуждено было сокращать гарнизоны. А уменьшавшаяся действующая армия не в состоянии была оказать им быструю и действенную помощь.

Именно при Юстиниане Константинополь стал подлинным интеллектуальным центром империи. Осуществление всех намеченных им программ требовало массы специалистов самых разных областей знаний, архитекторов, инженеров, учёных, ремесленников. Все они съезжались или специально выписывались, приглашались в Константинополь и, как правило, оседали там. При Юстиниане завершается становление многого, ставшего типично византийским в архитектуре, живописи, идеологии, эстетике Константинопольской школы в самом широком смысле этого слова.

На всём византийском искусстве, архитектуре, литературе лежит печать позднеантичного видения византийского общества VI в. ещё во многом античное, основанное на рассуждении, понимании, сознательном, бытийно-гражданственном отношении, а не на окончательно доминирующем эмоционально-чувственном восприятии, оно не подчёркивало глубину христианской духовности. Элементы двойственности, разделённости христианской идеологии и светской культуры нашли своё выражение в так называемом юстиниановском классицизме, особенно проявившемся в литературе, поэзии, отчасти живописи. Церковное искусство также отражает известный официозный характер христианства, в какой-то мере «директивный», свойственный монументальной, официозно-холодной, богатой символикой, светской живописи юстиниановской эпохи.

Политика Юстиниана во всех её сферах была последней, судорожной попыткой любой ценой цементировать рушившееся внутреннее единство империи, поддержать её «величие».

Начав завоевания на Западе, Юстиниан неожиданно для себя втянул Византию в длительный период затяжных войн. 32 года из 38-летнего его правления Византия вела военные действия. Первые блестящие успехи в Северной Африке и Италии обернулись многолетним, изматывавшим силы, утверждением своего господства в этих областях. Только к 555 г. была окончательно покорена Италия. В 562 г. византийцы подчинили себе часть Вестготского королевства. Военные действия потребовали огромных расходов, и после включения этих областей в состав Византии она получила под свою власть разорённые области.

Воспользовавшись тем, что Византия «завязла» на Западе и сосредоточила там свои основные силы, против неё неожиданно начал активные военные действия Иран. Оба государства в начале VI в. были достаточно могущественными. К 30-м годам VI в. Иран неожиданно быстро вышел из глубокого внутреннего кризиса. Сходство между обоими государствами заключалось в том, что каждое из них переживало тяжёлую эпоху: Иран — мучительный переход к феодализму, Византия — углублявшийся кризис античного общества. Каждому из них военные успехи были нужны для разрядки внутренней ситуации, смягчения внутренних противоречий. Поэтому традиционный конфликт (борьба за Закавказье и влияние в южноаравийских областях — путях торговых связей с Востоком) приобрёл более глубокий характер. В 531 г. к власти в Иране пришёл молодой и энергичный Хосров I Ануширван, правивший до 578 г. Воспользовавшись мелкими военными действиями Византии против союзных Ирану арабских племён, Хосров начал в 540 г. крупномасштабную войну, ставя своей задачей не только перекрыть на флангах — в Закавказье и Южной Аравии — возможности расширения самостоятельных связей Византии со странами Востока, выйти к Чёрному морю, но и нанести существенный удар по богатым восточным провинциям. Огромная шахская армия вторглась в глубь Сирии и овладела столицей и главным оплотом Византии на Востоке — Антиохией. Третий по величине город империи был разгромлен и разграблен, население перебито или уведено в плен. Фактически война продолжалась до 561 г. и потребовала от Византии чрезвычайного напряжения сил. В результате усилившихся внутренних противоречий Иран в 561 г. пошёл на заключение мира. Он был достигнут на приемлемых для Византии условиях, по существу не изменив положения, но оставив Византии разорёнными и опустошёнными некогда богатейшие восточные провинции. Втянутое в изнурительные войны на Западе и на Востоке византийское правительство, естественно, не могло уделять должное внимание обороне балканской границы, где в VI в. резко усилились вторжения гуннов и славян, которые не казались Византии столь угрожающими и опасными. Здесь оборона опиралась прежде всего на систему пограничных крепостей. Однако в результате непрерывных вторжений балканские провинции Византии были также разорены.

Все надежды Юстиниана на стабилизацию внутреннего положения в империи закончились крахом. Для обеспечения продолжения военных действий пришлось увеличить налоговый гнёт, вводить новые чрезвычайные по-

боры, натуральные повинности, закрывать глаза на возрастающее лихоимство чиновников, лишь бы они обеспечивали поступления в казну. В законах последних лет своего правления Юстиниан постоянно жаловался на «нужду в деньгах» и требовал беспощадного взыскания податей. Результатом было разорение свободного крестьянства и колонов, отдававшее их под власть крупных землевладельцев. Прежние меры по поддержанию ремесла и торговли были оставлены. Невозможность увеличить поборы с мелкого торгово-ремесленного населения заставила Юстиниана усилить обложение средней и крупной торговли, ввести новые таможенные пошлины (10 %), в результате которых внутриимперская торговля стала хиреть. Были введены монополии на торговлю некоторыми важнейшими продуктами, приносящие доход казне, за который приходилось расплачиваться покупателям. Обременённые обязанностями по поддержанию городов и ответственностью за поступление податей и выполнение повинностей, сословие куриалов вступает в процесс уже необратимого упадка.

Юстиниану пришлось свернуть не только строительство, в том числе и военное, но и резко сократить армию.

К концу его правления положение стало катастрофическим. Юстиниановскую внутреннюю и внешнюю политику не спасла плеяда талантливо им подобранных ещё в начале своего правления, исключительно способных государственных и военных деятелей: администраторов, юристов, финансистов, полководцев, дипломатов, составивших славу его правления. Усилилось народное недовольство. Вновь активизировалась крупная землевладельческая знать и сенаторская аристократия, оживилась борьба партий. Юстиниана упрекали в том, что уже после 548 г., когда умерла императрица Феодора, его государственная активность стала ослабевать. Действительно, уверенная, умная, честолюбивая и энергичная Феодора во многом поддерживала его решимость и энергию. Но, вероятно, уже в это время Юстиниан стал утрачивать иллюзии дать «государству новый расцвет». В последующие годы его упрекали в растущей «мании богословствования». Может быть, тяга к богословским проблемам у него с наступлением старости и усиливалась. Но в этом вряд ли стоит видеть только влияние неудач его административных, социальных и политических реформ. В религиозной форме проявлялись многие противоречия, раздиравшие империю. Не имея средств на проведение активной внешней и внутренней политики, надежд на возможность осуществления каких-либо серьёзных реформ, Юстиниан, естественно, сконцентрировал своё внимание на той сфере, где, как ему казалось, ещё что-то возможно сделать без особых материальных затрат, — на попытке сгладить религиозные противоречия. Современники с насмешкой говорят о его долгих беседах с «допотопными старцами», бесконечных устраивавшихся им дискуссиях по догматическим вопросам. Начав своё правление с жестоких преследований язычников и физического истребления многих сектантов, Юстиниан оказался не в состоянии сломить сопротивление монофизитов, укрепивших своё господство во многих восточных провинциях. Чем дальше, тем больше ему при-

ходило лавировать между монофизитами и православными, искать пути примирения в религиозной сфере, сфере догматических проблем.

В последние годы его жизни активизировалась борьба партий, организовывались покушения на его жизнь. В 565 г. 83-летний Юстиниан умер, так и не решившись рекомендовать себе преемника. Как писал в «Церковной истории» его современник Евагрий, Юстиниан умер, «после того как наполнил весь мир ропотом и смутами».

Сошёл с исторической сцены император, пытавшийся приостановить естественный ход византийской истории, пожалуй, один из наиболее ярких выразителей политики позднеантичной эпохи — стремления несколько смягчить негативные стороны рабства, не подрывая его значения, по возможности сохранить и сплотить слой мелких и средних свободных земельных собственников империи, остатки старого античного самоуправления, опираясь на них и церковь, ограничить рост могущества крупной землевладельческой знати, приводившую к негативным последствиям бюрократизацию империи, — император, который видел известный идеал в «непогрешимой древности» — *inculcabilis antiquitas*.

В конечном счёте в итоге своей деятельности он лишь обострил тот социальный кризис, от которого пытался спасти империю. Тем не менее его правление вошло в число наиболее блестящих страниц византийской истории. Его деятельность сыграла немалую роль в консолидации византийского общества как такового. Ко времени его правления относятся первые крупные успехи византийского оружия, вдвое раздвинувшие границы империи до уже никогда не достигавшихся в дальнейшем пределов. Всей его политикой был упрочен авторитет византийского государства. С этого времени слава блестящей столицы — Константинополя и правившего в ней императора стала распространяться среди народов. Хотя и отчасти — административными, государственными мерами — было укреплено «единство», связь государства и церкви. С неслыханной роскошью отстроенный им храм св. Софии в Константинополе стал не только одним из «чудес света», но и своего рода символом могущества византийской церкви в союзе с государством, символом значения Константинополя как центра восточного христианства. Стимулируемая и поддерживаемая государством, шедшая рука об руку с внешней политикой последнего активная миссионерская деятельность стала системой политики византийской церкви. В годы правления Юстиниана сложились в систему принципы и методы византийской дипломатии, создания многоступенчатой системы связанных с ней и находившихся под её влиянием государств и государственных образований.

Предпринятый по его инициативе пересмотр римского законодательства устранил из него многое специфически характерное для классической системы античных отношений, утвердив незыблемость права частной собственности, были устранены и изжившие себя типично римские права *pater familias*, закреплены юридически имущественные права женщины, членов семьи. В таком виде Свод Юстинианова права мог быть использован последующими поколениями. Он не только лёг в основу последующего византий-

ского законодательства, исходившего из его норм, но и сыграл известную роль в том, что Византия осталась «правовым» государством, в котором авторитет и сила «закона» играли огромную роль. Разнообразным было его влияние на законодательство народов средневековой Европы, соседних с Византией стран. «Законы царя Юстиниана» долгое время продолжали сохранять славу и известность имени императора.

Не менее важным было его правление и с точки зрения сложения византийской культуры, особенностей византийского мировоззрения. Здесь, как и во многом, Юстиниановская эпоха скорее подвела итог, синтезировала тенденции предшествующего развития.

В какой-то мере в эпоху Юстиниана были исчерпаны все серьёзные возможности реформ во всех возможных сферах жизни ранневизантийского общества — социальной, политической, идеологической.

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Тема 4. Внешняя и внутренняя политика императоров Исаврийской династии и её последствия.

1. Византия в VII в. Правление Ираклия.
2. Борьба с арабской экспансией и приход к власти императоров Исаврийской династии.
3. Фемный строй.
4. Иконоборчество и его исторические последствия.
5. Итоги правления императоров Исаврийской династии.

Литература:

Афиногенов Д.Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784 – 847). М., 1997.

Глушанин Е.П. Военно-государственное землевладение в ранней Византии (к вопросу о генезисе фемного строя) // Византийский временник. Т. 50. 1989.

Золин П.М. Византийский земледельческий закон // Вопросы истории. 1989. № 2. С. 42-56.

Липшиц Е.Э. Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма // Византийский временник. М., 1947. Т. 1.

Липшиц Е.Э. Очерки истории византийского общества и культуры VIII — первой половины IX в. Л., 1961.

Сюзюмов М.Я. О характере и сущности византийской общины по «Земледельческому закону» // Византийский временник. М., 1956. Т. 10.

Успенский К.Н. Очерки по истории иконоборческого движения в Византийской империи VIII – IX вв. Феофан и его Хронография // Византийский временник. М.; Л., 1950-1951. Т. 3-4.

Осада Константинополя аварами, славянами, персами (Из «Хронографии» Феофана)⁴⁵

Год 617. В этом году царь персов Хосрой набрал новое войско, собрав иноземцев, граждан, рабов и людей всякого рода. Это войско он отдал под командование военачальника Саиса, присоединив к нему ещё пятьдесят тысяч, взятых из войска Сарвара, назвал их «носителями золотых копий» и послал против императора. Сарвара же с оставшимся у него войском он послал на Константинополь, чтобы, договорившись с западными гуннами (их называют также аварами), с аварами, склавинами и гепидами, тот двинулся вместе с ними на город и осадил его. И узнав это, император разделил своё войско на три части: одну он послал защищать город, другую отдал под командование своему брату Феодору, приказав ему идти войной на Саиса, а третью часть взял сам и двинулся в Лазику...

А Сарвар подошёл к Халкидону, и авары из Фракии, приблизившись к городу, хотели захватить его. Придвинув к нему множество машин, оно в несметном множестве, превосходя числом [противника], приплыли с Истра

⁴⁵ Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1961. Т. 1. С. 339-340.

на выдолбленных челнах и заполнили весь залив «Рога». И после десяти дней осады города с суши и с моря они были побеждены благодаря силе и помощи Бога и молитвам непорочной Девы Богородицы. И, потеряв великое множество на суше и на море, они отступили с великим стыдом. А Сарвар, осадивший Халкидон, не отступил, но перезимовал там, производя набеги и опустошая земли и города на другом берегу.

Земледельческий закон⁴⁶

1. Земледельцу, возделывающему свое поле, надлежит быть справедливым и не переступать межи соседа; если же кто-либо переступит и умалит ближайшую к нему долю, то если переступивший границу земледелец сделает это во время пахоты, он лишается своей пашни, если же он совершит такой переход во время сева, то лишается и посева, и своего труда, и урожая.

2. Если какой-либо земледелец, придя без ведома хозяина земли, станет распахивать или засеивать (его землю), да не получит он ни за труд по распашке, ни урожай за посев, ни потраченное зерно.

3. Если договорятся друг с другом два земледельца в присутствии двух или трех свидетелей обменяться землями, причем договорятся окончательно, да останется их обмен законным, прочным и непоколебимым.

4. Если два земледельца договорятся обменяться землями ко времени сева и одна сторона отступится, то если зерно будет засеяно, пусть не расторгают договора, если же не засеяно, пусть расторгнут. Если отступившийся еще не приступил к пахоте, в то время как другой уже вспахал, пусть распашет и отступившийся.

5. Если два земледельца обменяются землями либо на время, либо навсегда и обнаружится, что одна доля меньше другой, то если о том не договаривались, пусть отдаст имеющий большее взамен соответствующее количество земли имеющему меньшее; если же так договорились, пусть взамен ничего не отдадут.

6. Если земледелец, имея тяжбу о поле, придет против воли сеятеля и самовольно пожнет, то если имел право, да не получит ничего из этого; если же он обратился в суд без всякого на то основания, пусть отдаст в двойном количестве сжатый урожай.

7. Если два села спорят о границе и о поле, пусть рассмотрят судьи и признают законное право за державшим большее количество лет; если же есть старая граница, пусть будет старое держание непоколебимо.

8. Если произведённый в подлежащих распределению по жребию местах раздел обидел некоторых, пусть позволено будет им ликвидировать произведённый обмер.

9. Если земледелец-мортиг⁴⁷, сжав без ведома земледателя, свяжет свои

⁴⁶ Текст приводится по изданию: Византийский земледельческий закон / текст, исследование, коммент. *Е.Э. Литвиц, И.П. Медведева, Е.К. Пиотровской*, под ред. *И.П. Медведева*. Л., 1984. С. 96-128.

снопы, как вор будет лишён всего своего приплода.

10. Доля мортита — девять снопов, доля же земледателя — один сноп; тот, кто вознамерится делить иначе, да будет проклят Богом.

11. Бели кто-либо возьмёт землю от земледельца, по бедности не имеющего возможности произвести посев, и, заключив договор, договорится только вспахать и поделить между собой, пусть соблюдают соглашение; если же согласятся и на посев, то пусть действуют по соглашению.

12. Если земледелец, взяв землю с целью засеять исполу, к требуемому времени не распашет, но для виду разбросает зерно, да не получит ничего из приплода, потому что, обманув, насмеялся над хозяином земли.

13. Если земледелец возьмёт у какого-либо обедневшего земледельца виноградник для обработки исполу и не подрежет его, как должно, не окопает и не обнесёт частоколом, пусть ничего не получает из плодов.

14. Если взявший поле исполу у захудавшего земледельца, находящегося в отсутствии, передумав, не возделает поля, пусть отдаст в двойном количестве плоды.

15. Если взявший испольщину до начала работы, передумав, заявит хозяину поля, что не в состоянии (возделывать поле), и хозяин поля не озаботится этим, испольщик да будет безвиновен.

16. Если земледелец, взявший на себя возделывание виноградника или земли, договорившись с их хозяином и получив задаток, приступит к работе, но, отступившись, оставит его, пусть отдаст достойную цену поля, а поле пусть имеет хозяин его.

17. Если земледелец станет производить работы в заросшей кустарником земле другого земледельца, то три года будет пользоваться её плодами и отдаст её снова хозяину её.

18. Если не имеющий средств для обработки своего поля земледелец убежит и уйдёт в чужие края, то пусть ответственные перед казной за подати собирают с него плоды и да не будет позволено возвращающемуся назад земледельцу взыскивать с них что бы то ни было.

19. Если земледелец, убежав со своего поля, станет платить ежегодно казённые экстраординарные налоги, то пусть собирающие плоды и пользующиеся его полем понесут ответственность в двойном размере.

20. Рубящий чужой лес и возделывающий и засевающий землю без ведома хозяина пусть ничего не получает из приплода.

21. Если земледелец построит дом или насадит виноградник на чужой пустоши и со временем вернутся её хозяева, то они не имеют права ни дом разрушить, ни виноградник вырыть, но должны получить взамен соответствующий участок, где захотят; если же откажется построивший или насадивший на чужом дать взамен соответствующий участок, то имеет право хозяин участка и виноградник вырыть, и дом разрушить

22. Если земледелец украдёт во время вскапывания лопату или мотыгу

⁴⁷ Морта — арендная плата, равная 1/10 урожая; мортит — арендатор.

и со временем будет опознан, то пусть отдаст за это в сутки по 12 фоллов⁴⁸; подобным же образом должен поступить и укравший в горячую пору садовый нож, или в пору жатвы серп, или в пору рубки леса топор.

23. Если пастух воловьего стада на заре возьмёт вола у земледельца и пустит его в стадо и случится, что вола растерзает волк, пусть покажет Труп хозяину его, а сам да будет неповинен.

24. Если пастух, приняв вола, погубит его и в тот же самый день, когда вол погиб, не известит хозяина вола, что мол вола до такого-то и такого-то места видел, а что случилось — не знаю, пусть будет невиновен.

25. Если пастух на заре примет у земледельца вола и вол, отбившись от воловьего стада, уйдёт и войдёт на возделанные земли или виноградники и сделает потраву, пусть пастух не лишается своего заработка, но пусть возместит весь ущерб.

26. Если пастух примет вола у земледельца и вол потеряется, то пусть поклянётся именем Господа, что не поступил с ним дурно и что не был причастен к гибели вола, и пусть будет неповинен.

27. Если пастух на заре примет у земледельца вола неврежденного и здорового и случится, что вол поранится или ослепнет, пусть поклянётся пастух, что не поступил с ним дурно, и пусть будет неповинен.

28. Если пастух, поклявшись, что неповинен в гибели, ранении или ослеплении вола, будет позднее изобличён двумя или тремя достойными доверия свидетелями, что дал ложную клятву, то пусть лишится языка и возместит ущерб хозяину вола.

29. Если пастух находящейся в его руках палкой убьёт, поранит вола или ослепит его да будет виновен и понесёт наказание; если же (сделает это) камнем, пусть будет невиновен.

30. Если кто-либо обрежет колокольчик у быка или овцы и будет опознан, пусть будет высечен, как вор; если же скотина потеряется, то пусть совершивший кражу колокольчика отдаст её.

31. Если дерево находится на участке возделанной земли и если соседний участок — сад и на сад падает тень от соседнего дерева, то пусть обрубит его ветви хозяин его, если же нет сада, пусть не обрубает.

32. Если дерево будет возвращено кем-либо на неразделённой земле и затем на совершении раздела достанется в долю другому, пусть не имеет права на дерево никто, кроме одного только взрастившего его; если же возопит хозяин участка, что я-де терплю ущерб от дерева, пусть отдаст вместо этого дерева другое взрастившему и получит это.

33. Если сторож сада будет найден крадущим в охраняемом им месте, то пусть будет лишён своего заработка и сильно бит.

34. Если наёмный пастух будет найден доящим скот тайком от хозяина его и продающим молоко, то, наказанный битьём, пусть будет лишен и заработка.

⁴⁸ Фолл (обол) — единица веса (массы) и мелкая медная, серебряная, бронзовая монета в Древней Греции и Византии.

35. Если кто-либо будет найден крадущим чужую солому, в двойном количестве пусть отдаст её.

36. Если кто-либо возьмёт вола, или осла, или какую-либо иную скотину без ведома хозяина её и отправится по хозяйству, пусть отдаст в двойном размере заработок его; если же подохнет скотина по дороге, то отдаст двоих за одну, какая бы она ни оказалась.

37. Если кто-либо возьмёт вола для работы и вол подохнет, пусть обследуют судьи, и если он подох на той работе, для которой его выпрашивал взявший вола, да будет неповинен; если же на другой работе подох, пусть отдаст вполне здорового вола.

38. Если кто-либо найдёт вола в винограднике, в поле или в другом месте, делающего траву, и не передаст его хозяину с намерением потребовать с него все погибшие плоды, но убьёт или ранит вола, то отдаст вола за вола, или осла за осла, или овцу за овцу.

39. Если кто-либо рубящий в дубраве дрова не обратит внимания и дерево упадёт и убьёт вола, или осла, или какую-либо другую скотину, пусть отдаст голову за голову.

40. Если кто-либо рубящий сверху дерево по неведению бросит топор и убьёт чужую скотину, пусть отдаст её.

41. Если кто-либо украдёт вола или осла и будет уличён, пусть будет наказан битьём, заплатит в двойном размере его цену и отдаст всё, что наработал.

42. Если кто-либо, желая украсть одного вола из стада, (станет виновником того, что) угнанное стадо будет съедено зверями, пусть будет ослеплён.

43. Если кто-либо выйдет, чтобы свести своего вола или осла в стадо, и, погоняя, погонит вместе со своим и другого и не присоединит его вместе со своим к стаду, а тот погибнет или будет растерзан вешками, пусть отдаст взамен хозяину его голову за голову вола или осла; если же известит и покажет место, приведя в своё оправдание то, что было невозможно справиться с ним, пусть будет неповинен.

44. Если кто-либо, найдя в чаще вола, заколет его и возьмёт его мясо, пусть будет наказан отсечением руки.

45. Если какой-либо раб заколет вола, или барана, или свинью в чаще, то хозяин его пусть отдаст живое животное.

46. Если какой-либо раб, желая совершить ночью кражу, угонит из загона овец и они погибнут или будут растерзаны зверями, то пусть будет повешен как убийца.

47. Если чей-то раб, часто Крадущий по ночам скот, причинит гибель стаду, пусть понесёт ответственность за погубленных животных хозяин его, как знающий о виновности раба; сам же он пусть будет повешен.

48. Если будет найден вол делающим траву и нашедший не передаст его хозяину, но обрежет ему уши, или ослепит, или обрежет ему хвост, то пусть не принимает его хозяин вола, но возьмёт взамен его Другого,

49. Если кто-либо найдёт свинью, делающую траву, или овцу, или

собаку, то в первый раз пусть передаст её; застав повторно и передав, пусть сделает предупреждение хозяину, в третий же раз пусть обрежет хвост или уши или застрелит из лука и будет неповинен.

50. Если вол, намереваясь войти в виноградник или сад, упадёт в ров виноградника или сада и подохнет, то пусть неответственен будет хозяин сада или виноградника.

51. Если вол или осёл, намереваясь войти в виноградник или сад, напорется на колья изгороди, пусть будет неповинен хозяин виноградника или сада.

52. Если кто-либо поставит западню во время, сбора плодов и если в неё попадёт собака или свинья и подохнет, пусть будет неповинен хозяин западни.

53. Если кто-либо в ходе первой или второй попытка отравы, убив, не передаст животное хозяину его с тем, чтобы подучить за отраву, пусть отдаст то самое, что убил.

54. Если кто-либо запрет свинью или чужую собаку и уморит голодом, пусть в двойном размере заплатит за неё.

55. Если кто-либо, убив сторожевую собаку, не признается и произойдёт нападение диких зверей на загон, затем же будет опознан убийца собаки, пусть он возместит все погибшее стадо вместе со стоимостью собаки.

56. Если кто-либо разведёт огонь в своём лесу или поле и случится, что огонь перекинется и сожжёт дома или плодоносные поля, то не осуждается, если сделано это было не при сильном ветре.

57. Жгущий чужую возвышенность⁴⁹ и рубящий чужие деревья присуждается к возмещению в двойном размере.

58. Жгущий ограду виноградника пусть будет наказан битьём и клеймением руки, но также пусть возместит в двойном размере ущерб.

59. Рубящий или вырывающий чужие плодоносные виноградные лозы пусть будет наказан отсечением руки и ответит за убытки.

60. Входящие во время жатвы на чужую межу и ворующие снопы, колосья или бобовые пусть будут лишены одежд и высечены.

61. Входящие в чужие виноградники и смоковничные рощи ради того, чтобы поесть, пусть будут безнаказанны; если же ради воровства, пусть будут наказаны битьём и лишены одежд.

62. Крадущие плуг, или сошник, или ярмо пусть понесут ответственность за убытки по числу дней начиная от того дня, когда была совершена кража, за каждый день по 12 фоллов.

63. Поджигающие или крадущие чужую телегу пусть заплатят в двойном размере.

64. Поджигающие гумно или стога из вражеской мести пусть будут преданы сожжению.

65. Поджигающие сарай для сена или мякины пусть подвергнутся отсечению руки.

⁴⁹ В вариантах: лес.

66. Разрушающие чужие дома самовольно или делающие непригодной изгородь с тем, чтобы огородить или построить свои (дома), пусть подвергнутся отсечению руки.

67. Если лица, взявшие поля с целью получения процентов (с долга), окажутся пользующимися доходами с них более семи лет, то пусть судья произведёт расчёт начиная от семилетия и выше и пусть половину всего дохода отнесёт на счёт капитала.

68. Захваченный в житнице крадущим зерно пусть будет высечен в первый раз сотней плетей и возместит убытки обкраденному; если во второй раз окажется то же самое делающим, пусть будет наказан битьём и возместит в двойном размере украденное, если же и в третий, пусть будет ослеплён.

69. Крадущий ночью вино из бочки или чана пусть будет подвергнут тому же самому наказанию.

70. Имеющие уменьшенную меру зерна или вина и не следующие унаследованной от отцов старинной мере, но вследствие алчности и вопреки установленным имеющие незаконные меры пусть будут биты, как нечестивцы.

71. Если кто-либо передаст рабу для пастьбы скот без ведома хозяина его, а раб продаст его или как-либо иначе сделает непригодным, пусть будут неповинны и раб и хозяин его.

72. Если раб с ведома хозяина примет каким бы то ни было образом животных и съест или как-либо иначе уничтожит, пусть хозяин раба возместит ущерб хозяину животных.

73. Если кто-либо будет проходить по дороге и найдёт изувеченную или погубленную скотину, и, пожалев, заявит, а хозяин скотины возымеет подозрение, что это заявитель совершил злодейство, то пусть тот поклянётся, что не совершал увечья, в отношении же гибели пусть расследование не производится.

74. Лицо, губящее чужую скотину по какому бы то ни было поводу, будучи уличённым, пусть возместит ущерб хозяину её.

75. Лицо, губящее собаку, стерегущую стадо, посредством зелья, пусть получит сто ударов плетью и отдаст двойную цену собаки её хозяину, если же произойдёт гибель стада, пусть возместит весь ущерб, как ставший виновником гибели сторожевого пса, Пусть будет освидетельствована собака, и если это был охотничий пёс, пусть будет, как мы сказали ранее; если же простой, какие встречаются обычно, то пусть отдаст цену собаки, и только.

76. Если грызутся две собаки и хозяин одной ударит другую мечом, или палкой, или камнем, и если от этого удара собака ослепнет, или подохнет, или что-либо иное, сопряжённое с опасностью претерпит, то пусть убивший возместит ущерб её хозяину.

77. Если кто-либо, имеющий сильного пса, разъярённого против себе подобных, натравит сильного пса на более слабых и случится, что какой-либо пёс будет изувечен или подохнет, пусть возместит ущерб хозяину его и получит 12 ударов плетью.

78. Если кто-либо сжавший свою долю, в то время как доли соседей ещё не сжаты, приведёт свой скот и причинит ущерб соседям, пусть получит 30 плетей и возместит ущерб потерпевшему.

79. Если кто-либо снимет урожай со своего виноградника и, в то время как на многих участках урожай ещё не снят, пригонит свой скот, (причинив траву), пусть получит 30 плетей и возместит ущерб пострадавшему.

80. Если кто-либо самовольно, имея с кем-либо тяжбу, срубит виноградное или какое-либо другое дерево, пусть подвергнется отсечению руки.

81. Если кто-либо живущий в селении определит общее место как пригодное для сооружения мельницы и займёт его и если затем после окончания сооружения селяне станут сообща обвинять хозяина мельницы, что он занял как своё общее место, пусть отдадут общинники весь причитающийся с них взнос на издержки по устройству и станут сотоварищами в ранее сделанном.

82. Если после того как будет разделена земля села, кто-либо найдёт на своём участке место, пригодное для возведения мельницы, и озаботится этим, то не имеют права земледельцы других участков что-либо говорить в отношении такой мельницы.

83. Если вода, текущая к мельнице, опустошает возделанные земли и виноградники, то пусть хозяин мельницы позаботится о предотвращении ущерба, если же это невозможно, то пусть прекратит работу.

84. Если владельцы возделанных земель не желают, чтобы вода проходила через участки, то это их право.

85. Если земледелец найдёт чужого вола, делающего траву в чужом винограднике, и не сообщит хозяину вола, но, желая прогнать, убьёт или колом изувечит, пусть возместит его целым и невредимым.

Из предисловия к «Эклоге»⁵⁰

Тех, которые поставлены исполнять закон, мы убеждаем и заклиняем воздерживаться от всяких человеческих страстей, но от здравого помысла выносить решения, не презирать нищего, не бояться обличить могучего, поступающего несправедливо... Сие да разумеют и сообразно с этим пусть поступают те, кои приставлены нашим благочестием судить тяжбы и которым вручены правильные меры благочестивых наших законов...

С этим мы надеемся восстановить древнее правосудие в государстве...

Так как Господь Иисус Христос сказал: «Не судите на лица, но праведный суд судите», то справедливо воздерживаться от всякого взимания поборов. Всячески стараясь покончить злое стяжание, мы решили давать жалованье из нашей священной казны славнейшему квестору и писцам или

⁵⁰ «Эклога» — кодекс византийского законодательства, изданный императором Львом III Исавром (717 — 741). Текст печатается по изданию: Хрестоматия по истории средних веков / под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. М., 1949. Т. 1. С. 186.

секретарям и всем служащим по делам судебным с тем, чтобы они уже не брали ни с кого, кто судится у них.

Административное деление Византии в VIII в.⁵¹

Старое деление на диоцезы и провинции, сложившееся в результате реформ Диоклетиана и существовавшее в империи Юстиниана, пало вместе с рабовладельческой империей, вместе со старой системой муниципального устройства. Мы видели, как уже в VII в. в Малой Азии были созданы — по образцу экзархатов в Равенне и Карфагене — крупные военно-административные области, возглавляемые стратигами и получившие название фем. В VII в. и в последующих столетиях по всей Малой Азии были расселены значительные массы военных колонистов (славян, армян, мардаитов и пр.), образовавших ядро новой византийской армии: они были распределены по фемам и поставлены под командование стратигов фем. Вместе с тем стратиги сосредоточили в своих руках также и гражданскую власть, что привело к отмиранию старого провинциального управления. В VIII столетии фемы становятся основными административными единицами Византийской империи.

Первыми фемами, сложившимися в Малой Азии, были Армениак, Анатолик, Опсикий и Карависианы (морская фема). Эти фемы охватывали большие территории, и их стратиги обладали огромной властью: в начале VIII в. судьбы константинопольского престола решались в фемах Опсикий и Анатолик, и между их стратигами не раз вспыхивали войны за обладание троном и Константинополем. Императоры VIII в., стремясь к централизации государства, стали дробить эти фемы: сперва Анатолик, затем Опсикий были разделены. В конце концов было образовано большое число новых фем, в том числе и на Балканах. В X в. известно не менее 40 фем — впрочем, некоторые из них являлись эфемерными образованиями, исчезавшими сразу же после своего возникновения. Ряд новых фем, иногда очень незначительных, появился в XI в., тогда как многие старые были совершенно забыты.

Одной из наиболее крупных фем был Армениак, расположенный на востоке империи, к югу от побережья Чёрного моря: эта фема сложилась в VII в., согласно традиции, сохранённой у Константина Багрянородного, ещё при императоре Ираклии. Позднее, видимо, в IX в., — образовались две соседние фемы: Пафлагония, на запад от Армениака, и Харсиан, к югу от него. В X в. Харсиан играл важную роль, являясь опорным пунктом византийцев в их экспансии на восток. Наконец, западнее Пафлагонии лежала фема Вукуляриев, в состав которой входил город Анкира.

Западную часть полуострова Малая Азия занимали три крупнейшие фемы: Анатолик, Опсикий и Фракисийская фема. Анатолик считался важнейшей фемой, и его стратиг занимал первое место среди всех стратигов. Главным центром Анатолика был Аморий. По словам Константина

⁵¹ *Каждан А.П., Литаврин Г.Г.* Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958. С. 59-61.

Багрянородного, эту фему населяло пять народностей: фригийцы, ликаонцы, исавры, памфилы и писидийцы. Опсикий был расположен к северо-западу от Анатолика, его центром являлся город Никея. Именно в феме Опсикий были расселены славянские племена. Фракисийская фема (выделенная из состава Анатолика) простиралась от Анатолика до побережья Эгейского моря, которое (во всяком случае, частично) входило в состав этой фемы. Войска Фракисийской фемы были по преимуществу кавалерийскими.

На месте старой морской фемы Карависианов сложился в VIII — IX вв. ряд фем, из которых наиболее значительная называлась фемой Кивирреотов с центром в Атталии; среди населения фемы Кивирреотов важное место принадлежало мардаитам.

Западные фемы, расположенные на Балканах и в Италии, возникли несколько позднее, по мере наступления византийцев против славян и в борьбе с арабами за Южную Италию. Здесь фемы были более дробными уже с самого момента их основания: на территории собственно Греции, например, возникли фемы Эллада, Никополь и Пелопоннес; к северу от них в начале XI в., помимо Македонии и Фракии, существовало большое число карликовых фем: Стримон, Волерон, Филиппополь, Солунь. Естественно, что стратегии западных фем имели меньший политический вес, нежели стратегии Анатолика или Армениака.

Наконец, в середине IX в. образовалась фема Херсон, иначе именовавшаяся Климаты, которая была расположена на южном побережье Крымского полуострова, где византийцы пытались в это время утвердить свою власть.

Византийские фемы не совпадали с этническими единицами и представляли собой чисто военно-административное учреждение, служившее на первых порах целям обороны империи, а впоследствии — её наступлению на западе и на востоке. Этот административный характер фем определял их непрочность и постоянную изменчивость их границ: фемы непрерывно перекраивались, их то объединяли, то дробили.

Таким образом, Восточная Римская империя не погибла в результате социальных и этнических движений VI — VII вв. — значительно сократившись в размерах, она однако сохранила своё ядро — Малую Азию. И всё же социальные перемены, которые она пережила, превратили её по существу в новое, средневековое государство — в Византию.

Первый период иконоборчества⁵²

Становление византийского фемного строя было не просто перестройкой военной организации империи, хотя в процессе своего формирования он во многом складывался под влиянием военной обстановки, внешних условий. Он был порождением и результатом всех тех сдвигов, которые происходили в византийском обществе, новой формой его организации, социально-политической структуры. Военные поражения VII в.,

⁵² Курбатов Г.Л. История Византии (От античности к феодализму). М., 1984. С. 81-86.

как и острый внутренний кризис и постепенное изменение соотношения социальных сил в стране, дали этому процессу мощный толчок. Процесс сложения «фемного строя» растянулся на два столетия и был в первую очередь связан с эпохой и деятельностью иконоборцев.

К концу VII в. позиции старой гражданской знати в управлении страной оказались чрезвычайно ослабленными, военная обстановка — предельно критической. Арабы ставили целью утверждение своей власти над Малой Азией, готовились к захвату Константинополя. В 717 г. город был осаждён с суши и моря. Критическая ситуация «отдала» власть в руки фемной знати. Императором стал стратиг малоазийской фемы Анатолик Лев III Исавр (717—741), положивший начало правлению Исаврийской династии (717—802). В 718 г. арабы вынуждены были снять осаду и отказаться от попыток овладеть столицей Византии. Это была важная переломная веха в истории страны — начало рождения средневековой Византии.

Иконоборчество зародилось как стихийное движение, однако с 726 г. оно стало официальной государственной политикой правительства. В истории иконоборчества как широкого общественного движения много неясного. Победившие в конечном счёте иконопочитатели постарались уничтожить всё, что осталось от иконоборческой эпохи и исказить смысл и содержание иконоборческой политики.

Иконоборчество возникло формально как движение против почитания икон, получившего известное распространение в VI в. и особенно в VII в. Византийская церковь и в VII в. не определила своего чёткого канонического отношения к иконопочитанию. По-видимому, это было не случайно. Византийская икона как бы продолжала традиции и дух византийского изобразительного искусства VI в. с его остатками античного мировосприятия, классицизма юстиниановской эпохи и характерных для неё «директивности», официозности, отношения к религии как к своего рода дисциплинарному «государственному» культу. Не удивительно, что в VIII в. распространение икон и иконопочитания представлялось сохранением, даже усилением языческих традиций, началом возврата к языческому «идолопоклонству», с которым столь ожесточённо боролась христианская церковь в IV—V вв.

Борьба вокруг икон не была просто предлогом, удобным поводом для размежевания поляризовавшихся социальных сил. В идеологической сфере, идейном её оформлении она была проявлением тех глубинных сдвигов, изменений в сознании, представлениях, которые в связи с перестройкой социальных отношений происходили в эпоху действительно непосредственного перехода общества к средневековью. С течением времени становится всё более несостоятельной позиция тех, кто пытался видеть в иконоборчестве простой результат усиления восточных влияний и соответственно показатель «ориентализации» Византии. Как показано новыми исследованиями, оно родилось на собственной византийской почве, было «самородновизантийским» явлением и, если говорить о «восточных влияниях», то, по существу, это было влияние «своего», византийского

Востока — Малой Азии. В специфических условиях Византии иконоборчество было в своей основе явлением стадильным.

Скорее всего, вероятно, правы те исследователи, которые неразрывно связывают иконоборчество в этом плане с глубочайшим духовным кризисом общества, решительным изживанием христианизированных, но во многом ещё до VIII в. античных основ мировосприятия, процессом формирования уже целостного средневеково-христианского представления, когда, как писал Ф. Энгельс, «средние века присоединили к теологии и превратили в её подразделения все прочие формы идеологии»⁵³. В этом смысле иконоборчество отражало стадию неприятия уже глубоко спиритуализированным и мистическим восприятием византийцев старых изобразительных форм.

Можно лишь догадываться о причинах расцвета иконопочитания в VII в. Вероятно, это и резкое падение культуры, грамотности, когда «зримый образ» божества начинал играть всё большую роль в христианском воспитании, росло представление о прямой и непосредственной его связи с архетипом. Возможно, и расставшимся с язычеством поселенцам — новому населению империи — через него же было легче приобщаться к новой религии. Бедствия VII в. заставляли всё больше надеяться на «божественное спасение» и божественных спасителей — база для развития культа локальных святых. Безусловно, это приносило выгоду церкви и чрезвычайно укрепляло её авторитет. Во многом ещё «антично-городская» церковь VII в., по-видимому, неплохо этим воспользовалась. Она была также в какой-то мере хранителем позднеантичных традиций; относящаяся к этому времени мозаичная икона св. Дмитрия Солунского, патрона и святого защитника Фессалоники, выполнена в традиционной «державно-директивной» юстиниановской «подаче».

Скорее всего более средневековое, глубоко христианское и чувственно-эмоциональное восприятие и нормы не могли оформиться непосредственно в пронизанной мощными традициями античности городской среде. История предшествующей иконоборчеству византийской деревни даёт представление не только о её «освобождении», но и о возросшей духовной свободе. Каноны собора конца VII в. сообщают о возрождении старых языческих праздников, падении дисциплины среди духовенства, появлении в деревне бродячих проповедников.

Иконоборчество в какой-то мере зарождалось и как протест против богатой городской церкви с её пышным официозным культом, бесчисленным паразитическим городским монашеством, античными традициями жизни городского духовенства. Оно было во многом движением тех новых социальных сил, которые преодолевали неизжитое старое и способствовали формированию новой Византии. Императоры-иконоборцы не только опирались на эти силы, но были, по существу, выразителями их интересов.

Иконоборческая политика стала реально возможной в результате

⁵³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 314.

первых побед над арабами, подтвердивших способность государственной власти сохранить Византию. Уже Ираклий осуществил определённый разрыв с римской императорской традицией. Объявление его «царём» — василевсом выдвигало на первый план значение «богоизбранности». Церемония освящения его власти в храме св. Софии стала едва ли не важнейшим актом, что также отражало рост значения и авторитета церкви, которая в VII в., пользуясь своим могуществом и сложностью положения, серьёзно влияла на политическую жизнь страны. Культ икон, культ святых, надежды только на «божественного спасителя» укрепляли авторитет и влияние церкви, но не императоров. С ослаблением государства религия стала важнейшим фактором, цементирующим политическое единство. Победы Льва III позволили существенно сместить политический смысл акцентов: не «божественный стратиг» приносит Византии победы, а «богоизбранный император», исполняющий его волю и имеющий право претендовать на подчинение себе церкви в важнейших для жизни общества вопросах. Иконоборчество осуществлялось государством и как государственная политика. В 726 г. императорской властью было запрещено почитание икон.

Было бы ошибочно рассматривать иконоборческое движение только как верхушечное. Оно получило широкую массовую опору в крестьянстве, что уточняет его социальные характеристики. Оно смыкалось с сформировавшимся с VII в. развивавшимся павликианством. В последнем возрождались идеалы раннего христианства, одобренные более близкими по времени социальными идеями манихейства. Свободная крестьянская община с её уравнительными тенденциями становилась одновременно и общиной верующих. Освободившись от власти города, деревня должна была ослабить и свою зависимость от городской церкви. Павликиане не случайно смогли так легко сложить свою религиозную организацию. Они опирались на традиционное право общины иметь «свою» церковь, строить её на своей земле, влиять на поставление священников, получать от неё доходы. Фактически общинное крестьянство на время «взяло» деревенскую церковь «в свои руки», создало свою религиозную организацию и в какой-то мере противопоставило её официальной церковной. Оформившееся павликианство вообще отвергало существующую церковную организацию, пышный культ богослужения, существование духовенства как особого сословия. Оно не признавало культа икон, мощей, и в отличие от иконоборцев павликиане не признавали и крест, который они рассматривали как символ страданий, распятия Христа. Павликианство, таким образом, противопоставляло богатой городской церкви с её многочисленным духовенством, иерархией, богатыми пригородными монастырями, церкви, являвшейся крупнейшим землевладельцем, давним угнетателем крестьян, ростовщиком, деревенскую в своей основе религиозную организацию — общину равных с её духовными пастырями — бродячими проповедниками.

Павликианское движение и иконоборческое смыкались. Иконоборцы VIII в. не преследовали павликиан.

Отсюда понятно и размежевание сил. Иконопочитатели — это, в

первую очередь, ослабленное, но многочисленное старое городское духовенство, монашество, связанные с ними старые городские собственники — ктиторы, остатки прежней гражданской знати и значительная часть зависимого от них городского торгово-ремесленного населения и бедноты. Уцелевшие старые города были их опорой. Иконоборческий клир и монашество были значительно более слабыми.

У нас нет доказательств того. Что в своей иконоборческой политике Лев III ставил своей важнейшей задачей осуществление широкой секуляризации церковно-монастырских земель. Новейшие исследования всё менее характеризуют иконоборческую политику только как попытку новой светской военно-служилой знати создать мощное светское военное землевладение путём присвоения, передачи в его руки значительной части церковно-монастырских земель. По-видимому, она первоначально сводилась к изъятию части церковно-монастырских сокровищ и к ликвидации некоторых податных льгот церковно-монастырских имуществ. Для закрепления достигнутых военных успехов нужны были прежде всего средства — на выплаты стратиотам, строительство укреплений и флота, производство оружия. Благодаря иконоборческой политике, полученным от неё средствам Лев III смог создать стабильно боеспособную армию, которая могла противостоять арабской коннице. Разгром арабов в битве при Акроине, в самом «сердце» Малой Азии, в 740 г., был итогом, означающим, что арабам не удастся утвердить своё господство над Малой Азией, что она останется византийской, станет «колыбелью» средневековой Византии.

Политика Льва III встретила ожесточённое сопротивление иконопочитателей, поскольку подрывала могущество стоявших за ними сил. Во главе их стало монашество. Не все стратиги были иконоборцами. Преемнику Льва III Константину V (741—775) пришлось принять более решительные меры против перешедшего в контрнаступление противника. Сложность положения иконоборцев заключалась в том, что Константинополь с его обилием старой гражданской, ещё многочисленной и в VII в. знати, клира, подкармливаемой церковью и монастырями бедноты был оплотом иконопочитателей, главным центром их сопротивления. Тем не менее военные успехи, возросший авторитет иконоборцев в стране давал Константину возможность решительных действий. Мятежные монастыри были закрыты, превращены в казармы и мастерские, продолжавшее проявлять непокорность монашество отправлено в ссылку. Конфискованное имущество перешло государству.

Константин оказался талантливым полководцем. На протяжении своего правления он вёл успешные войны с арабами, достигнув пределов Северной Сирии и закрепив Малую Азию за Византией, совершал достаточно результативные походы, подчиняя возникшие на землях империи славянские образования на Балканах, и против Болгарии. Во многом ему помогло то, что халифат в середине VIII в. испытывал внутренние трудности, связанные с утверждением феодальных отношений, — подъём народного недовольства, острую борьбу группировок, в ходе которой ушла в прошлое империя

Омейядов (661—750) и шло становление халифата Аббасидов (750 — 1258), а Болгария была ослаблена обострившимися в ходе формирования господствующего класса противоречиями между болгарской и славянской знатью. Иконоборческий собор 754 г. из 338 епископов осудил иконопочитание и предал анафеме всех «древопоклонников и костепоклонников».

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Тема 5. Византия в годы правления императоров Македонской династии — 2 часа.

1. Приход к власти Македонской династии.
2. Оформление государственного строя средневековой Византии.
3. Внешняя политика Македонской династии.
4. Социально-экономическое развитие и аграрное законодательство
5. Византийский город
6. «Македонское Возрождение».
7. Ослабление Византии в середине XI в. и его причины.

Литература:

Васильев А. А. Эпоха Македонской династии (867—1081) // История Византийской империи. От начала Крестовых походов до падения Константинополя. СПб., 1998. Т. 1.

Каждан А.П. Цехи и государственные мастерские в Константинополе в IX — X вв. // Византийский временник. М., 1953. Т. 6.

Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X — XI вв. Проблемы истории одного столетия: 976-1081. М., 1977.

Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000.

Попов Н.Г. Император Лев VI Мудрый и его царствование в церковно-историческом отношении. М., 1892.

Скабаланович Н.А. Византийское государство и церковь в XI веке: От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина: В 2 кн. / Вступ. ст. Г.Е. Лебедевой. СПб., 2004.

Византийский церемониал.

Извлечение из труда протоспафария Филофея (902 г.)⁵⁴

Многие и в высшей степени видные почётные должности существовали уже во времена предков. Тщательное описание их хлопотно и трудно, так как названия многих почётных должностей с течением времени вышли из употребления. Придуманные же вновь с той поры почётные титулы внесли немалую путаницу в правильное определение значения этих должностей, мы же хотим из часто тёмных предписаний старых порядков и из ныне существующего придворного церемониала собрать важнейшее, насколько это позволяют наши слабые силы. Прежде всего помните, мои друзья, что значение всех искусств и навыков ведёт к полезной цели; точно так же и наука дворецкого не преследует какой-нибудь другой хорошей цели, как только посредством строгого порядка и педантично точного распределения мест точно отделить друг от друга различные степени придворных чинов и высших должностных лиц. Ибо блистательное жизненное положение или блестящее должностное достоинство никогда не предстанут перед глазами зрителей та-

⁵⁴ Хрестоматия по истории средних веков / под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. М., 1949. Т. 1. С. 201-202.

ком характерном виде, как тогда. Когда по вызову герольда обладатели их удостоятся почётного места за высоким столом на обеде высочайших особ, что составляет предмет зависти для многих. Если же при устройстве высочайшего обеда произойдёт по нашей вине ошибка в этикете или замешательство, то это будет причиной досады не только для их превосходительств и высших сановников, но также и мы, как гофмаршал и оберцеремониймейстер, осраим себя и попадём проклятию насмешки. Поэтому, милые друзья, при исполнении этой видной и ответственной должности мы должны приложить всё старание и самую строгую добросовестность для точнейшего изучения порядка чинов, запечатлеть их в нашем уме и установить и разъяснить с педантичной добросовестностью разделения и подразделения по чинам. От старых предписаний мы отбрасываем кое-что, с течением времени совершенно вышедшее из употребления и устаревшее. Наоборот, мы соберём по порядку, как бы на одном письменном столе, всё то, что при наших светлейших правителях, императорах Льве и Александре, ещё действует и находит себе применение... Для того, чтобы не только опытные в придворном этикете легко поняли этот порядок, но и чтобы совершенно несведущие при помощи этого короткого руководства получили лёгкое и понятное поучение о таком важном предмете, как порядок стола... во-первых, следует обратить внимание на точную титулатуру высших должностей; во-вторых, следует заметить тончайшие различия в чинах, более высокие и мелкие, высокие титулы и эпитеты при обращении, как это записано ниже. Ибо почётные титулы, пожалованные за выдающиеся заслуги, я вам привёл все в лестничном порядке; потом я привёл те, которые пожалованы по собственному высочайшему соизволению его императорского величества; наконец, я привёл почётные титулы более низких чинов и т.д.

Из новеллы 934 г. царя Романа I Лакапина⁵⁵

1. ... Если вследствие каких бы то ни было обстоятельств представится необходимость или появится собственное желание у владельца продать всю свою землю или часть её, то пусть покупка будет предложена жителям того же села или соседних полей и селений. Мы постановляем это не из ненависти или зависти к сильным, но из благорасположения к бедным, ради их защиты и ради общего блага. Ибо те, которые получили от Бога власть и возвысились над толпой славой и богатством, те, вместо того чтобы, как это следовало бы, взять на себя попечение о бедных, смотрят на них, как на свою добычу, и досадают, что не могут поскорее схватить её... Итак, пусть никто впредь из высших и низших чинов гражданских, военных и церковных... ни сам, ни через подставных лиц не осмелится вступить во владение селом или полем целиком или частью под видом покупки, дара или наследования или как-нибудь иначе, так как такое приобретение признано недействительным, а всё приобретённое со всеми сделанными улучшениями подлежит безвозмездно-

⁵⁵ Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. М., 1949. Т. I. С. 190-192. Император Роман I Лакапин правил в 919—944 гг.

му возврату прежним владельцам, а за отсутствием их или их родных — жителям тех же сёл и полей... Ведь многие воспользовались тяжёлым положением, постигшим недавно бедных, для собственного обогащения; видя бедных страдающими от голода, вместо проявления человеколюбия, или сострадания, или благодати, одни за серебро или золото, другие за хлеб или за другие подачки купили дёшево владения впавших в несчастье бедных. Они более жестоки, чем сама нужда, и в последующее время для бедных жителей сёл сделались каким-то источником моровой болезни или, ввевшись на манер гангрены в тело селений, подготавливают полную его гибель.

2. Итак, кто из знатных, находящихся под вышеуказанным запрещением, после 1-го индикта⁵⁶, то есть после начала или конца голода, завладели целиком или частью участками в сёлах, получив обратно уплаченную ими цену, должны быть удалены оттуда или первоначальными владельцами, или их наследниками, или родственниками, а за отсутствием их соучастниками в уплате повинностей или целой общиной. За сделанные улучшения вышеуказанные лица вносят подобающую сумму, если имеют для этого средства и желание; при отсутствии же и того и другого, пусть знатные уходят, взяв с собой материал, если только они на свой счёт произвели улучшения, а не из имущества и трудов бедных. Но всё это говорится о кажущемся справедливым приобретении путём покупки; дарения же, или наследования, или другие подобные обходные приобретения или хищения считаем и раньше и теперь недействительными... и подлежащими безвозмездному возвращению прежним владельцам...

3. Тем людям, которых Божье провидение по своей большой милости или по другим непонятным основаниям возвысило из скромной доли на высшую ступень жизни, мы считаем справедливым оставаться при том наследстве и владении, которое им сначала досталось, и, не преступая меры своего благосостояния, не делать несчастными своих соседей, грабя их имущество...

4. Тем, которые до определённого нами срока⁵⁷ владели такими именьями, мы позволяем оставаться в том же положении, в каком они пребывают, причём на них, как и на прочих, лежит запрещение приобретать имение соседа. Если же они показывают себя тягостными и несносными для соседей, причиняющими тяжкий и постоянный вред бедным, то они должны быть удалены и изгнаны, подвергаясь лишению своей собственности в возмездие за свою строптивость и ненасытность...

[Далее указываются условия, при которых может быть возвращена цена, уплаченная динамом за имение, и меры против обхода постановлений новеллы]

⁵⁶ 1-й индикт относится к 928 г.

⁵⁷ Имеется в виду указанный выше 928 г.

Новелла императора Никифора II Фоки. 964 г.⁵⁸

О том, чтобы не строились новые монастыри и богадельни и чтобы богоугодные дома не расширяли своих владений

Искупитель наш, заботясь о нашем спасении и указывая пути к нему, прямо наставляет нас, что многостяжание служит существенным к тому препятствием. Предостерегая нас против излишнего, он запрещает даже пещися о пище завтрашнего дня, не только что о жизни, суме и хитоне. И вот, наблюдая теперь совершающееся в монастырях и других священных домах и замечая явную болезнь (так я называю жадность), которая в них обнаруживается, я не могу придумать, каким врачеванием может быть исправлено зло и каким наказанием я должен преследовать безмерное любостяжание. Кто из святых отцов учил этому и каким внушениям они следуют, дошедши до такого излишества и такого безумия? Каждый день они стараются приобретать тысячи плэфров⁵⁹ земли, строят роскошные здания, разводят превышающее всякое число табуны лошадей, стада волов, верблюдов и другого скота, обращая на это всю заботу своей души, так что монашество уже ничем не отличается от мирской жизни со всеми её суетными заботами. Разве слово божие не гласит нечто совершенно тому противное и не заповедует им полную свободу от таких попечений («Не заботьтесь, — говорит оно, — что вам есть и что пить»)? Разве оно не ставит в пример и посрамление нам беззаботность летающих воробьёв (Мф. 6, 25-26)? Разве апостол не говорит: «Это мои руки послужили мне и моим» (Деян. 20, 34); и в другом месте: «Имея пищу и кров, будем этим довольны» (I Тимоф., 6, 8)? Посмотри, какой образ жизни вели святые отцы, которые некогда просияли в Египте, Палестине, Александрии и в других концах земли; ты узнаешь, что жизнь их была до такой проста, как будто они жили только духом и уже достигли бестелесности ангелов.

Христос сказал (Мф., 11, 12), что царствие Христово восхищается только с большими усилиями и достигается многими скорбями. Но когда я посмотрю на тех, которые дают обет монашеской жизни и переменой одежды как бы знаменуют своё отречение от мира, и вижу, как они обращают в ложь свои обеты и как противоречат поведением своему постригу, то я не знаю, не следует ли скорее назвать всё это пустым театральным представлением, придуманным для осмеяния имени Христова. Не апостольская это заповедь, не отеческое предание — приобретение многоплефровых громадных поместий и множество забот о плодовых деревьях. Это не соответствует строгим требованиям добродетельной жизни, но скорее есть дело телесной нужды, причём более духовное уступает место более мирскому: нужда и потребность с течением времени обратились в неумеренность, как обыкновенно всё дурное, начавшись от малых начал и источников, превращается потом в большое зло.

⁵⁸ Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. М., 1949. Т. I. С. 192-195.

⁵⁹ Плефр — 10 000 кв. футов (1 кв. фут — 0, 092903 кв. м).

Ввиду этого непонятно, почему люди, движимые желанием сделать что-нибудь для угождения богу и прощения своих грехов, презирают столь удобную для исполнения, освобождающую от забот заповедь Христа, повелевающую продать имение и раздать нищим; а вместо того, как бы намеренно желая сделать её трудной и хлопотливой и наложить на себя множество забот, наперерыв стараются устраивать монастыри, странноприимные дома и богадельни. В прежние времена, когда в таких учреждениях был недостаток, утроение их заключало в себе много похвального. Но когда их число превратилось в множество и стало превосходить всякую потребность и меру, а люди продолжают отказываться от добра, совершаемого с великой лёгкостью, и обращаются к устройству монастырей, — то кто не подумает, что это добро уже не без примеси зла, и не скажет, что к пшенице примешались и плевелы! А ещё более, кто не заметит, что богоугодное дело сделалось одним прикрытием тщеславия, дабы всем были явны делающие благое! Они уже не довольствуются тем, что свидетелями их добрых дел были только те, которые при этом присутствуют, но хотят, чтоб и потомки не оставались в неведении об их добродетели. В то время как есть тысячи других монастырей, пострадавших от времени и нуждающихся в помощи, у нас не хватает усердия, чтобы потратиться для поправки и восстановления, вместо того мы всячески стремимся заводить собственные новые монастыри, дабы не только мы сами могли самоуслаждаться суетным титулом [основателей], но дабы наше стояло явно и отдельно...

Вследствие этого, желая с корнем вырвать зло этого славолюбия, мы повелеваем, чтобы желающие быть благочестивыми и совершать дела пользы и человеколюбия следовали заповедям Христа и, продавая имение, раздавали цену его нищим... Если же есть между ними такие, которые из любви к прекрасному и высокому (так мы называем их любочестие) хотят устраивать монастыри, странноприимные и сиротские дома, то никто им в этом не будет препятствовать. Но так как в числе прежде выстроенных монастырей есть много таких, которые, как сказано выше, пришли в упадок и даже близки к полному уничтожению, то пусть такие люди прежде всего позаботятся о них, пусть прострут руку помощи поверженным на земле и на них докажут свою любовь к богу. Если же, пренебрегая прежними монастырями, находящимися в печальном положении, и как бы закрывая на них глаза, ревнители всё-таки будут стремиться к постройке новых таковых зданий, то мы не можем похвалить такого деяния и даже никак не можем допустить его, видя в нём ни что иное, как любовь к суетной славе и явное безумие... Что же касается способов, которыми может быть осуществляема забота об этих нуждающихся в помощи монастырях, то мы не требуем, чтобы им были жертвуемы поля, поместья или здания (ибо таковых есть за ними уже довольно от прежнего времени), но желаем, чтобы лица, имеющие в виду угодить богу, продав поля и поместья, которыми владеют, каким угодно мирским людям, снабжали пренебрежённые и упавшие монастыри, а также их по недостатку обработки втуне лежащие земли надлежащими средствами, то есть, доставляя им рабов, волов, стада овец и другого скота. Ибо если мы будем жертвовать самые поля

и угодья, нам принадлежащие, то при существующем для монастырей законном запрещении продавать их собственность, придём мы к тому же самому положению, как и прежде, и оставим бедствующие и покинутые монастыри без всякой действительной помощи, так как за отсутствием денег и рук они не в состоянии будут предпринять что-либо полезное на своей земле. Итак, отныне да не позволено будет никому завещать поля и поместья монастырям, богадельням и странноприимным домам или же митрополитам и епископам, так как это нисколько не приносит им пользы.

Если же какие из прежних монастырей или богоугодных домов пользовались столь малым о себе попечением и находились в таких дурных руках, что остались совершенно лишёнными угодий, то таким и впредь не будет препятствия приобретать необходимое с ведома и рассмотрения царского. А строить в пустынных местах келии и так называемые лавры, которые не стремятся к приобретению имений и чужих полей, а остаются в пределах только собственной своей ограды, мы не только не воспрещаем, но, напротив, считаем делом похвальным.

Внушая и постановляя всё это, я знаю, что для многих слова мои покажутся тяжкими и несогласными с их образом мыслей. Но я о том не беспокоюсь, так как, по апостолу Павлу, я хочу угождать не людям, а богу (Гал., 1, 10). Кто имеет ум и смысл и привык смотреть не на одну только поверхность, но способен идти далее и проникает в глубь вещей. Для того будет ясно, что мы произнесли решение, полезное для живущих по богу, а также и для всего общества.

Из новеллы императора Василия II Болгаробойцы 996 г. об отмене сорокалетней давности⁶⁰

С тех пор, как мы получили самодержавную власть и принялись разбирать дела между богатыми и бедными, мы увидели, что динаты, страдая страстью приобретения, находят явное поощрение своей страсти в сорокалетней давности и стараются то посредством подарков, то посредством имеющейся у них силы миновать как-нибудь этот срок и затем получить уже полное право собственности над тем, что они вымогательством приобрели от бедных. Желая исправить уже происшедшее зло и поставить в должные границы нынешних динатов и воспрепятствовать будущим следовать по тому же пути, мы издаём настоящий закон, после которого они будут знать, что уже не найдут в этой сорокалетней давности уже никакой помощи, но что чужое будет отбираемо не только у них самих, но и у детей их или у тех, кому они оставят своё имущество...⁶¹ Совершенно ясно, что только в таком случае будут обеспечены интересы бедного, если ему предоставлено будет право, сколько бы ни прошло времени, беспрепятственно отыскивать и получать

⁶⁰ Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. М., 1949. Т. I. С. 195-197.

⁶¹ Далее приводятся примеры несправедливости и угнетения и мотивируется необходимость вступить за бедных.

обратно свою собственность. Если мы этого не сделаем, то мы дадим обидчику повод говорить: «Я теперь благоденствую, и бедный не может со мной тягаться; если же и мой сын будет благоденствовать и в таком нашем благосостоянии пройдёт всё определённое законом время, то приобретённое нами превратится в неотъемлемое наше достояние, и, значит, корыстолюбие мне полезно».

Явный пример тому — род Малеинов и род Фокадов⁶². Ибо патриций Константин Малеин, а потом сын его магистр Евстафий, оба были династами и в продолжение ста или даже 120 лет пользовались благосостоянием. А Фокады ещё большее время, так как их дед, потом отец, а затем сыновья этого последнего сохраняли, можно сказать, непрерывно до нашего времени своё преобладание. Какую же помощь может оказать в таких случаях время?

Далее. Разве можно не считать и сильным, и слабым того, кто хотя сначала и принадлежал к числу убогих, а потом достиг почестей и дошёл до верха славы? Слабым, пока он находится внизу, и тогда мы допускаем, чтобы ему помогла давность; сильным же с тех пор, как он удостоился чести, и тогда мы укажем, что время [давность] нисколько не должно ему помогать. Подобные случаи [превращения] можно видеть происходящими каждый день, да мы и сами это обнаружили. Вот мы нашли некоего Филокала: первоначально он был бедным крестьянином, а потом сделался знатен и богат. Пока он находился внизу, он нёс тягло вместе со своими односельчанами и ни в чём от них не отличался. Когда же бог возвысил его до звания сначала евдомадария, потом китонита и, наконец, протовестиария, то он и захватил всё селение и обратил его в собственное поместье, изменив самое его название. Когда человек так поднялся и когда его дела приняли такой вид, позволительно ли, чтоб ему дано было в помощь ещё и время [давность] и предоставлена была возможность владеть неизменно тем, что он злым образом приобрёл? Никак. Поэтому мы, проходя в той местности и узнав из жалоб со стороны бедных о положении дел, приказали разрушить до основания его великолепные дворцы, бедным возвратили их достояние, а ему оставили только тот надел, который он имел сначала, и опять воротили его в первобытное состояние крестьянина. Династами должны считаться не только такие лица, но и все те, на которых указывает постановление прадеда нашего Романа Старшего, подробно их перечислившее.

Вследствие того настоящим законом определяем: имения, приобретённые династами в сельских общинах до первого законоположения Романа Старшего (то есть ранее 928 года) ... должны оставаться собственностью династов... А с тех пор [с 928 года] и до настоящего времени, то есть до десятого индикта 6504 [996] года и далее впредь, как это было уже возведено в сказанном законоположении Романа Старшего, давность уже не имеет никакого значения, и ни в каком случае действие её не может быть направляемо против бедных, когда они имеют спор с богатыми. Напротив [несмотря ни на ка-

⁶² Владения фамилии Малеинов шли по берегам реки Сангария на 115 км. О владениях Фокадов в Каппадокии подробных сведений нет.

кую давность], бедным возвращаются их имущества, и динаты не могут даже предъявлять какие-либо претензии на возмещение их издержек, на покупку или на улучшение [отбираемых имений], потому что они оказываются нарушителями вышеозначенного законоположения и, следовательно, скорее заслуживают ещё взыскания. Когда наш прадед, царь Роман, написал и сказал: «Отныне я запрещаю динатам делать приобретения в сельских общинах», то это значило, что он воспретил им делать это навек и на неопределённо бесконечное время и не имел в виду какого-либо прикрытия давностью. А мы, как уже сказано, постановляем свой закон не только относительно будущего, но даём ему обратную силу. Если мы не исправим того, что ещё от прошедших времён в движении, то как мы в состоянии будем охранять будущее и держать в страхе последующих нарушителей закона?

И как могут они перестать делать подобное? А хуже всего то, что динаты передают имение, составленное грабежом и обманом, своим детям, думая, что в надежде на сорокалетнюю давность они имеют неотъемлемую собственность над имением.

Из «Книги эпарха⁶³» (конец IX — начало X в.)⁶⁴

ВВЕДЕНИЕ

Бог, создавший распорядок всему сущему на свете и сплотивший все благоустройством, начертанный перстом своим на скрижалях закон, провозгласил совершенно ясно, чтобы род человеческий, им благоустроенный, не пытался обижать безнаказанно друг друга, чтобы более сильный не наносил ущерба более слабому, но чтобы все расценивалось справедливой мерой. Поэтому и Нашему Величеству оказалось угодным составить данные законы так, чтобы род человеческий лучше управлялся и чтобы один не притеснял другого.

Титул I. О ТАБУЛЛЯРИЯХ⁶⁵

§ 1. Кто желает быть принятым в число табулляриев, тот должен быть избран голосованием и подвергнут испытанию со стороны примикерия и подчиненных ему табулляриев, чтобы определить, обладает ли он необходимыми познаниями в законах, владеет ли он искусством письма в большей мере, чем другие, к тому же не болтлив ли он, не заносчив ли, не ведет ли распутную жизнь. Требуется, чтобы он был также благочестивым по нраву, чи-

⁶³ Эпарх — высший чиновник Константинополя, ведавший судом и осуществлявший надзор за городским хозяйством, ремеслом и торговлей.

⁶⁴ <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Byzanz/X/Eparch/text.htm> (дата обращения: 01.08. 2017).

⁶⁵ Табуллярии — византийские нотариусы, оформлявшие документы по купле-продаже, завещания, дарственные, брачные обязательства и т.п. Табуллярии находились в ведении эпарха и были организованы в корпорации. Устав корпорации табулляриев был утверждён императором Львом VI (886—912).

стым в помышлениях, образованным, рассудительным, владел бы правильною речью и умел точно выражать мысли, чтобы, таким образом, он мог бы легко отличить подлоги в документах и двусмысленные выражения, вводимые в текст соглашений с целью обмана. И если кто-либо будет уличен, что при приеме в корпорацию обошел требуемые законом условия и постановления, то несут ответственность также и те, кто за него свидетельствовал.

§ 2. Тот, кто желает быть избранным, должен твердо знать сорок титулов закона Энхиридион и шестьдесят книг Василии, пройти курс энциклопедического образования, чтобы не делать ошибок при составлении документа и чтобы не допускать при произнесении речей не принятых выражений. Он должен быть в достаточно зрелом возрасте, чтобы быть развитым и умственно, и физически. В присутствии общего собрания [табулляриев] должен оформить собственноручно документ [с обязательством] не допускать в своей деятельности ничего противозаконного, в противном случае он будет лишен должности.

§ 3. Надлежит провести избрание его следующим образом. После того как путем свидетельских показаний будет установлено, что он свободен от всего того, что препятствует быть табуллярием, и после экзамена ему надлежит вместе со всем собранием табулляриев и примикерием⁶⁶ отправиться к славнейшему епарху города, причем он должен быть одетым в эфестриду⁶⁷. При этом все члены корпорации должны принести присягу, поклявшись богом и здравием императоров, что они не по лицепритию, или протекции, или родству, или по дружбе с кем-либо выбрали его на эту должность, но исключительно из-за его добродетели, знаний, рассудительности и способностей во всем, что требуется для данной профессии. После скрепления печатью клятвенных поручительств утверждение избранного производится в секрете епарха тем, кто в то время исправляет должность епарха, после чего избранный присоединяется к общему собранию и сопричисляется к табулляриям. Затем [новый табуллярий] приходит в ближайший по месту его жительства храм божий, причем все табуллярии должны быть одетыми в эфестриды.

[Новый табуллярий] снимает свою эфестриду и, одетый в белую фелонь, получает от священника благословение после молебна. Затем все прочие табуллярии, одетые в свои эфестриды, пропускают его вперед, причем сам примикерий держит в руках кадило и возносит к нему благоухание, а избранный несет в руках библию; этим воскурением кадила показывается, что выправляются пути его, подобно фимиаму, перед лицом господина. Таким же торжественным образом он отправляется воссесть на той кафедре, на которую был избран, затем возвращается домой с тою же почетной церемонией, чтобы потом пировать, с присутствующими и веселиться.

§ 4. Если кто из табулляриев не будет присутствовать при царском выходе, или в ипподроме, или на собрании корпорации, или же по приглашению славнейшего епарха, или же на каком-либо ином заседании, то табулля-

⁶⁶ Примикерий — старшина корпорации.

⁶⁷ Эфестрида — плащ, который надевали в торжественных случаях. Члены отдельных корпораций надевали особые костюмы для участия в процессиях и общих собраниях.

рий должен заплатить служащим эпарха по четыре кератия⁶⁸ и столько же в пользу своих товарищей по корпорации. Если же он представит уважительную и очевидную причину своей неявки, то с разрешения примикерия освобождается от пени.

Схолия. На полях Женевской рукописи красными чернилами приписано: «Надлежит знать, что один кератий равняется двенадцати фоллам или половине милиарисия; двенадцать кератиев составляют половину номисмы. Полная номисма имеет двенадцать милиарисиев и двадцать четыре кератия».

§ 5. Если табуллярый, будучи вызван примикерием по неотложному делу, раз или два не явится, то в первый раз должен уплатить пени два кератия, во второй раз — четыре кератия, в третий — шесть кератиев. Если он это делает по своеволию и пренебрежению, то пусть он будет облагорозумлен эпархом путем телесного наказания.

§ 6. Если табуллярый вызывается для изготовления документа и если после этого вызывается и другой табуллярый, пусть работают оба и плата пусть будет разделена поровну. Но если кто вмещается самовольно, тот не только должен быть отстранен, не получив оплаты, но должен быть облагорозумлен путем телесного наказания. Если же при составлении письменных документов один [из табулляриев] захочет по своей воле удалиться, то он ничего не должен получить из оплаты.

§ 7. Если какой-либо табуллярый будет вызван для составления акта и если он по какой-либо благовидной причине пожелает уйти с работы и пригласит другого, то последний получит две трети заработной платы, третью же часть получит первый приглашенный.

§ 8. Если табуллярый будет вызван и составит основной текст документа, а затем будет вызван другой, который тоже составит текст документа и закончит его оформление, и если последний не знал, что документ уже составлен другим прежде него, то он получает полную плату. Если же он явился, зная, что документ уже составлен другим, то он получает одну треть, две трети платы получает первый. Но если же при вызове двух табулляриев последний является более низким по рангу, то оба должны получить поровну.

§ 9. Если табуллярый придет к кафедре другого и тот почтительно не выйдет ему навстречу, или же если какой табуллярый за столом сядет не по рангу, или же кто из табулляриев будет уличен в том, что начнет дерзко оскорблять другого, то такой табуллярый будет наказан штрафом в 6 кератиев. Если же он поднимет на своего коллегу руку, то пусть он будет облагорозумлен эпархом.

§ 10. Если же при составлении какого-либо документа или же в отношении получения платы возникнет спор с другими символогафами⁶⁹, то, ес-

⁶⁸ Кератий — серебряная монета. 1 номисма = 12 милиарисиям = 24 кератиям = 288 фоллам; 1 милиарисий = 2 кератиям = 24 фоллам; 1 кератий = 12 фоллам.

⁶⁹ Это первая статья в Книге Эпарха, где вместо термина «табуллярый» употреблен термин «символограф». По смыслу они синонимы. Согласно предыдущим статьям, табуллярый изготовлял документ и заверял. Если бы должность символогафа была особой, то для его функций не оставалось бы места.

ли этот спор маловажен, его разрешает примикерий, если же спор значителен, то, по представлению примикерия, его разрешает городской эпарх. Если же тот, который будет признан виновным, не подчинится решению примикерия, то должен уплатить штраф в три номисмы.

§ 11. Табуллярий, обиженный другим табуллярием, в первую очередь должен подать жалобу примикерии [и только после этого] на суд эпарха как в высшую инстанцию. Если же он поступит не так, то его жалоба будет отвергнута.

§ 12. Табуллярии в присутствии свидетелей и пригласивших его обязан одновременно составить к документу, согласно закону, комплу и полностью закончить с оформлением акта, чтобы заключенный акт имел законную силу. Если же обнаружится, что кто-либо [из табулляриев] нарушит эти требования, такой табуллярий пусть будет облагорожен эпархом плетьюми и острижением [волос на голове и бороды].

§ 13. Преподаватель законов и учитель, согласно древней привилегии, присвоенной этой профессии, назначаются приказом славнейшего эпарха, причем предварительно проводится голосование на общем собрании табулляриев и примикерия, а также преподавателей законов и учителей. Преподаватель законов, согласно обычаю, должен выплатить примикерии две номисмы, общему собранию — четыре номисмы. Получающий же звание учителя должен выплатить примикерии одну номисму, а общему собранию — две номисмы.

§ 14. Избранный в табуллярии платит, по обычаю, примикерии три номисмы, остальным табулляриям по одной номисме, сверх того, за стол шесть номисм.

§ 15. Если преподаватель законов возьмется за составление документов без особого приказания эпарха, без избрания и проверки, какие положены для вступления в число символографов, то должен подвергнуться побоям и лишиться своей должности.

§ 16. Преподаватели законов и учителя не имеют права принимать ученика из другой школы, пока не кончится срок, определенный платою за обучение. Если же родители пожелают взять из школы ученика по причине недостаточного к нему внимания [со стороны учителя], пусть это происходит с ведома примикерия.

§ 17. Писцы табулляриев ничего не имеют нрава делать ломимо приказания своих хозяев. Если же они будут в этом уличены, то, подвергнувшись наказанию, должны увольняться без права приема на работу другим [табуллярием].

§ 18. Писцам не положено делать в договорах комплу, но только табулляриям.

§ 19. Табуллярий из своего гонорара пусть выплачивает своему писцу по 2 кератия на каждую номисму.

§ 20. Если табуллярия, который, по обычаю, [постоянно] обслуживает какое-либо богоугодное заведение, архонтский дом, монастырь, убежище для

старцев, другой табуллярий без всякой причины будет стараться отстранить, то он, будучи уличен, должен уплатить штраф в размере десяти номисм.

§ 21. Если примикерий вследствие болезни, старости или изнеможения не сможет выполнять своих обязанностей, пусть он отдыхает, получая то, что надлежит ему как бывшему примикерию, тот же, который будет облечен его званием, должен исправлять его должность.

§ 22. Когда надлежит избирать примикерия, тот, который вступает в эту должность, на общем собрании [табулляриев] должен быть признан достойным этой должности. Избранный таким образом новый примикерий должен быть утвержден епархом. Если же по своему образу жизни он будет признан недостойным, пусть будет возведен на эту должность следующий или, [если и тот окажется недостойным], третий, следующий за ним. [Избранный таким образом] должен отблагодарить своих подчиненных табулляриев.

§ 23. Общее количество символогов не может превышать двадцати четырех. Исполняющий обязанности епарха не имеет права под предлогом [необходимости] давать заместителей, назначать на эту должность свыше означенного числа. Если же обнаружится, что он это сделал, то пусть он будет лишен пояса и звания. Сколько нотариальных контор, столько должно быть и символогов.

§ 24. Ни один табуллярий не имеет права нанять писца, не представив его общему собранию и примикерию, засвидетельствовав, что тот достоин быть принятым на должность писца. Надлежит иметь только одного писца.

§ 25. Табуллярии при заключении договоров должны получать плату из следующего расчета: если договор на сумму сто номисм и ниже, сколько бы ни было, он получает двенадцать кератиев; если еще на столько же (т. е. на 200 номисм) — одну номисму, если еще выше — две номисмы. И пусть не пытаются повысить плату, и пусть не делают разницы в отношении отдельного лица и в зависимости от характера акта, т. е. договоров о покупке, брачных дарственных, завещаний, соглашений. Кто же будет уличен в попытке получить большую плату, тот пусть будет лишен кафедры и будет облагоразумлен епархом путем телесного наказания. Если же без всякого требования и вымогательства [табуллярий] будет почтен чьим-либо подарком из добровольной признательности, он может принять подобный подарок без всякого риска быть за это наказанным.

Ведь из-за высокой платы за нотариальные услуги получается, что клиенты отказываются от получения своих документов и оставляют их у символогов. Проходит время, и о документах забывают и вследствие этого среди граждан возникают распри и столкновения.

§ 26. В случае смерти табуллярия всем надлежит собраться одетыми в свои эфестриды и сопровождать усопшего до могилы, как подобает соответственно должности для благоприличия при погребении. Если же кто не явится на погребение без уважительных причин, пусть заплатит штраф в шесть кератиев.

Титул VII

О КАТАРТАРИЯХ⁷⁰

§ 1. Те, которые очищают шёлк, могут покупать шёлк-сырец, привозимый из-за границы, лишь в количестве, какое могут обработать; если же будут уличены в том, что продают его в необработанном виде или же, тайно входя в соглашение с богатым лицом, покупают и закладывают сырец, будут подвергнуты ударам плетью, острижению волос и лишены права заниматься ремеслом.

§ 2. Более бедные из катартариив, а также те изметаксариев⁷¹, которые не включены в список, мужчины или женщины, не имеющие возможности закупать сырец, привозимый из-за границы, и покупающие шёлк от метаксопратов⁷², должны приплачивать по одной унции⁷³ на каждую номисму, затраченную при покупке шёлка метаксопратами.

§ 3. Если какой катартарий желает быть принятым в коллегию метаксопратов, то, если он не раб, должен заявить об этом епарху, должен представить свидетельские показания в том, что он бросает обработку шёлка-сырца, и после этого он будет зачислен в коллегию, выплачивая, как полагается по уставу, две номисмы.

§ 4. Катартарии не должны самовольно производить закупку шёлка-сырца, но только по приглашению метаксопратов, заключая вместе с ними товарищество, должны покупать шёлк-сырец согласно обоюдному соглашению, не увеличивая, не снижая цены.

§ 5. Катартарии, желающие покупать шёлк-сырец для обработки, должны сначала записаться у епарха, притом [представить свидетельские показания], что они не являются рабами, не слишком бедны и не имеют о себе дурную славу, но что они принадлежат к числу почтенных людей. Это делается, чтобы шёлк-сырец не расплылся по слишком мелким частям, чтобы не расходился по неизвестным путям использования и чтобы не попадал в руки людей посторонних и неучтённых.

§ 6. Если же кто из катартариив будет уличён в том, что в кабаке пропивает сырец или же что он совершает противозаконное, или же если это болтливый человек, ругающийся «лошадиной бранью» и смутьян, такой катартарий будет подвергнут побоям и с позором изгнан из коллегии, чтобы не распродал (шёлка-сырца).

⁷⁰ Катартарий — ремесленник, очищающий шёлк-сырец и превращающий его в пряжу..

⁷¹ Метаксарий — ремесленник, изготавливающий из шёлка для продажи на рынке мелкие изделия, вышивки и т.п.

⁷² Метаксопрат — член коллегии торговцев метаксой.

⁷³ Римская монета, вероятно, равная здесь 2 кератиям или 1 миллиарсию.

Титул XIV О ЛОРОМОТАХ⁷⁴

§ 1. Лоромоты должны состоять в ведомстве епарха, подчиняться ему и следовать его приказаниям в выполнении государственных повинностей, но зато они не участвуют в платежах, полагающихся для всех [лиц], подведомственных епарху. Их простат⁷⁵ назначается епархом.

Если же понадобится выполнение повинностей для императорского двора, то пусть они с ведома епарха находятся в подчинении императора и пусть получают в качестве дохода, что соизволит пожаловать им император. Они не должны покупать кожи больше положенного, сколько они желают употреблять для подготовки к изготовлению ремней.

§ 2. Нельзя объединить в одном сообществе лоромотов с малакатариями⁷⁶. Малакатарии должны иметь собственного простата, которого по своему усмотрению назначает епарх. Работать малакатарии должны так же, как лоромоты, и вместе с ними работать над кожей, которую подготовили дубильщики, но обрабатывать не те кожи, которые идут на обувь. Вирсодепсы (дубильщики) пусть занимают особое положение, так как обрабатывают кожу в чанах, хотя они и имеют общего с ними простата и выполняют повинность одному и тому же симпону⁷⁷. В этом и состоит разница (между ними); одни поэтому называются малакатариями, другие — вирсодепсами. Если же кто станет нарушать этот порядок, то не только подвергнется телесному наказанию, но будет лишён права заниматься также собственным ремеслом.

Передача государственных земель великому доместику⁷⁸ Андронику Дуке (1073 г.)⁷⁹

В марте месяце настоящего 11-го индикта⁸⁰ 6581 г. мне, Адаму, патриаршему нотарию⁸¹ и доместику секрета⁸² эконома⁸³ богоугодных заведений Востока, было дано повеление славного патрикия⁸⁴ и великого эконома богоугодных заведений Мацуки, имеющее следующее содержание:

«Мы получили другое распоряжение сильного и святого нашего императора, повелевающее нам следующее:

⁷⁴ Лоромоты — кожевники, выделяющие заготовки на сбрую.

⁷⁵ Простат — «старшина», глава ремесленной корпорации.

⁷⁶ Малакатарии — кожевники, изготавливающие заготовки для обуви.

⁷⁷ Симпон — помощник епарха, его заместитель по тому или иному виду ремесла.

⁷⁸ Доместик — гражданский и военный титул; носившие этот титул играли обычно роль заместителей и непосредственных помощников крупных должностных лиц.

⁷⁹ Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1963. Т. 2. С. 627-633.

⁸⁰ Индикт — период в 15 лет; по индиктам, как и по годам от сотворения мира, велось летосчисление в Византии.

⁸¹ Нотарий — писец, составитель и переписчик документов.

⁸² Секрет богоугодных заведений — ведомство по управлению государственными церквями, монастырями, странноприимными домами, приютами, больницами и т.д.

⁸³ Эконом — управляющий.

⁸⁴ Патрикий — один из высших византийских титулов.

«Наша царственность дала протопроедру⁸⁵, протовестиарию⁸⁶ и великому domestiку господину Андронику хрисовул⁸⁷ на отделённые от епископсиса⁸⁸ Алопеки проастий⁸⁹, находящиеся в ведении твоего секрета и дарованные ему нашей властью на основе полной и неотъемлемой собственности. Наша царственность пожаловала ему все доходы с этих проастиев впредь до начала настоящего, 11-го индикта и повелевает тебе, чтобы он вступил [во владение ими] и был внесён в хартии твоего секрета. Поэтому следует также отдать ему любой доход, который ты в счёт настоящего, 11-го индикта, как сказано выше, успел собрать с упомянутых владений. Повелеваем послать кого-нибудь из подчинённых тебе лиц секрета, чтобы оно совершило передачу проастиев протопроедру и протовестиарию, изготовить копию настоящего распоряжения, подписать её вместе с подчинёнными тебе лицами секрета и вручить её протовестиарию для удостоверения его прав.

[Дано] в месяце феврале 11-го индикта».

Поскольку так повелевает императорское божественное распоряжение и поскольку тебе поручено осуществлять передачу [владений] в Милетском епископсисе, недавно дарованном сильным и святым нашим императором упомянутому протопроедру, протовестиарию и великому domestiку господину Андронику Дуке, необходимо, чтобы ты отправился и передал икопроастий⁹⁰ Варис вместе с остальными проастиями, отделёнными от епископсиса Алапеки лицом, ведущим им учёт, что и означено в катастихе⁹¹, подписанном им, снабжённом печатью и вручённом тебе вместе с настоящим повелением. Следует, чтобы ты, прибыв на место, взял у священника и прокуратора⁹² того самого епископсиса Никиты практик, который во всём идентичен прототипу, подписан нами и снабжён печатью, и сделал согласно ему, как это тебе поручено, передачу отделённых в катастихе проастиев, а также всех в них париков⁹³, семян, зевгариев⁹⁴, земледельческих орудий, подсобных автургий⁹⁵ и прочего оборудования, животных (производителей и остальных, за исключением коней) нашему повелителю светлейшему протопроедру, протовестиарию, великому domestiку и любезному двоюродному брату сильного и святого нашего императора. Должно, чтобы ты передал и все недвижимые уго-

⁸⁵ Протопроедр — один из высших титулов, введённый в середине XI в.

⁸⁶ Протовестиарий — сановник, ведавший императорским гардеробом и придворным церемониалом.

⁸⁷ Хрисовул — дарственная грамота императора с его собственноручной подписью и золотой печатью.

⁸⁸ Эпископсис — императорское, государственное или частное владение, отдаваемое в управление (надзор) какому-либо (часто знатному) лицу.

⁸⁹ Проастий — поместье самого различного характера и размера, но часто лишённое господского дома.

⁹⁰ Икопроастий — поместье с господским домом.

⁹¹ Катастих (или практик) — опись хозяйств с указанием размеров имущества и суммы налога каждого собственника или владельца.

⁹² Прокуратор — главный попечитель, или управитель.

⁹³ Парик — зависимый крестьянин.

⁹⁴ Зевгарий — плужная упряжка из двух животных (волов).

⁹⁵ Автургия — доходное владение, часть поместья, не требующая больших затрат от собственника (копи, мастерские, оливковые рощи и т.д.).

дья этих проастиев, дабы наш повелитель, протопроедр господин Андроник, от самого начала настоящего, 11-го индикта владел ими без изменений, как владела им казна. Сделай разыскание и о доходе в истекший [от начала 11-го индикта] промежуток времени и, если обнаружишь, что нечто было взыскано прокуратором, верни это протопроедру и протовестиарию в соответствии с содержанием повеления нашего могущественного императора. Необходимо, чтобы ты составил два практика передачи: один ты доставишь в секрет, подписанный и снабжённый печатью, а другой — точно такой же — передашь великому доместику. Для всего этого настоящее распоряжение, заверенное в соответствии с обычаем, и дано тебе в означенные выше месяц и индикт.

Получив данное распоряжение, я совершил передачу [владений] следующим образом:

Икопроастий Варис Варсакутинский: церковь из местного камня с куполом, поддерживаемым восемью колоннами...

О постройках: крестовидный триклиний⁹⁶ из местного камня с куполом, с четырьмя жилыми помещениями... баня... с котлом, находящимся в доме Алопеки, — его следует отдать. Постройки, расположенные по соседству с этим домом, оказались разрушенными; дом — зевгилатий⁹⁷, продолговатый, из местного камня, крытый черепицей, без окон; заброшенный виноградник по названию Филопотий; другой садовый участок — Олинф — с плодовыми деревьями, без ограды; соседний с домом садовый участок ныне зарос травой, на нём стоят две смоковницы и одна груша; другой садовый участок с маслиновыми деревьями, по названию Филопотий; сад, называемый Паксимади, который ныне превращён в хорафий⁹⁸, другой садовый участок с хорафием — Аривали; лес проастия Олинф; луг дома [Алопеки] около 40 модиев⁹⁹; семена, обнаруженные в этом доме: 260 модиев пшеницы, 150 модиев ячменя, 5 модиев бобов, 5 модиев льняного семени; запасы, предназначенные на питание: 124 модия пшеницы, 60 модиев ячменя, 8 модиев льняного семени.

Было обнаружено и передано 2 зевгария буйволовоых и 1 зевгарий бычий, 2 плуга вместе с их снаряжением, 1 медный модий, окованный железом. О рабах: ни одного, ибо все умерли. Установленная прибыль этого дома от других источников дохода: от пастбищ горы св. Ильи и от полевых стойл, т.е. от осеннего [содержания скота], — 2 номисмы¹⁰⁰, от пастбищ леса Олинфа ... 14 номисм, ибо лес превращён в хорафий; от травяных угодий для крупного рогатого скота — 5 номисм; от обложения деревни Олинф — 2 номисмы, от сбора желудей на горе — 2 номисмы; от обложения деревни Вервила Пандизи — 1 номисма; от маслиновых деревьев — 12 номисм; от обложения проастия Елевники — 1 ½ номисмы; от обложения имения Арували — 1 ½ но-

⁹⁶ Триклиний — виж жилого помещения, столовая.

⁹⁷ Зевгилатий — тип земельного владения с постройками и домами зависимых людей. Этим же термином обозначается вид строения, возможно, хлев.

⁹⁸ Хорафий — пахотный участок.

⁹⁹ Модий — мера площади, равная 0,084 га; мера сыпучих тел, равная примерно 8 — 9 кг.

¹⁰⁰ Номисма — золотая монета.

мисмы, от монастыря Наматы за хорафии, составляющие $95 \frac{1}{2}$ модия, — 4 номисмы. Поскольку эта земля отдана [монастырю] вместе со всей землёй того же дома, нужно взимать плату за сдачу её в аренду из расчёта 1 номисма с 10 модиев, т.е. всего $9 \frac{1}{2}$ номисмы, как это и заявлено в практике. [Далее] от странноприимного дома вместо 6 номисм ничего; от обложения [местечка] Феодота — 1 номисма; от садового участка Филопотий — 1 номисма; от садового участка Олинф — 1 номисма; от арендной платы за проастий Метаниии — $137 \frac{1}{2}$ номисмы; от арендной платы с хорафиев Мандракла — 14 номисм; от арендной платы с нового парика Иоонна Динаксина Феологита за отведённую для него землю размером в 230 модиев вместо 24 номисм ничего, ибо он переселился и эта земля сопричислена вместе с прочей землёй к общим границам [икопроастия]; от пастбища Ахлады вместо 7 номисм ничего, ибо пастбище её (Ахлады) стало хорафием; от аренды за садовый участок проастия Прини, что из земель Мандракла, вместе с его посевами и маслиновыми деревьями — 10 номисм; от арендной платы за оказавшуюся в избытке [ранее неучтённую?], годную к обработке землю размером более чем 50 модиев из расчёта по 1 номисме за 10 модиев — 50 [5?] номисм. Исчисленный [доход] с Вариса, Олинфа, Гамы и других [мест] вместо $57 \frac{1}{2}$ номисмы 37 номисм.

О париках икопроастия Варис: Феодул вместо вдовы Ирины имеет жену Марию, дочь Анну, бесхозяйный — $\frac{1}{2}$ номисмы; Георигий Цикос имеет жену Анну, сына Иоанна, одного быка, бесхозяйный — $1 \frac{1}{2}$ номисмы; Варда, сын Георгия Мизотера, имеет жену Ирину, бесхозяйный — $\frac{1}{2}$ номисмы; Кириак, сын вдовы Феофано, бесхозяйный — $\frac{1}{2}$ номисмы; Мосх, сын Маруладены, имеет жену Марию, бесхозяйный — капникон¹⁰¹ $\frac{1}{2}$ номисмы; вдова Феохаристина имеет сына Никифора — капникон $\frac{1}{2}$ номисмы; Георгий Аркудис имеет жену Марию, бесхозяйный — капникон $\frac{1}{2}$ номисмы; Иоанн Мармара имеет дочь Анну — капникон $\frac{1}{2}$ номисмы; Анна, вдова Хасани, имеет дочь Марию, зятя Льва, 1 зевгарий, 1 кобылу — 3 номисмы; Михаил Хинарий имеет жену Анну, 1 зевгарий, 3 коровы, 1 кобылу, 1 осла, 14 свиней — 3 номисмы и 10 милиарисиев¹⁰²; Калла, жена Коонстантина Каллы, бесхозяйная — капникон $\frac{1}{2}$ номисмы; вдова Феофано Спанагудена имеет дочь Марию — капникон $\frac{1}{2}$ номисмы; Кириак Псалидис имеет жену Феопемпту — капникон $\frac{1}{2}$ номисмы. Итого: париков-зевгаратов 2 и бесхозяйных 12, уплачивают они в соответствии с означенным выше стихом¹⁰³ каждого 13 номисм 8 милиарисиев и в качестве зевгаратикия¹⁰⁴ — 2 милиарисия 12 фоллов¹⁰⁵.

¹⁰¹ Капникон — налог с «дыма», домохозяйства, взимавшийся в деньгах.

¹⁰² Милисиарий — серебряная монета, равная $1/12$ номисмы (это соотношение не было постоянным).

¹⁰³ Стих — рубрика в практике (катастихе), соответствовавшая описи одного крестьянского хозяйства; практик — опись владений, производившаяся чиновниками фиска.

¹⁰⁴ Зевгаратикий — невыясненный вид налога, возможно, с пахотных животных или другой незначительный сбор.

¹⁰⁵ Фолл — мелкая монета, равная $1/24$ милиарисия.

Проастий Олинф. О париках этого проастия (следует их перечень) ... Итого: париков-зевгаратов¹⁰⁶ — 2, воидатов¹⁰⁷ — 4 и бесхозьяйных — 4, уплачивают они в соответствии с означенным выше стихом каждого 8 ½ номисмы 3 милиарисия 12 фоллов, в качестве зевгаратикия — 12 милиарисиев 12 фоллов.

Проастий Гама. О париках (следует их перечень) ... Итого: париков-зевгаратов — 2, воидатов — 1 и бесхозьяйных — 4, уплачивают они ... 9 ½ номисмы 5 милиарисиев и в качестве зевгаратикия — 5 милиарисиев.

Проастий Вервулидий. О париках (следует их перечень) ... Итого: париков-зевгаратов — 2, воидатов — 1 и бесхозьяйных — 2, уплачивают они ... 7 ½ номисмы 6 милиарисиев.

Проастий Галаиды вместе с местностью Лади. О париках (следует перечень) ... Итого: париков-зевгаратов — 9 и бесхозьяйных — 3, уплачивают они ... 27 номисм 2 милиасария 12 фоллов.

Обмер границ этого проастия, т.е. икопроастия Варис, таков (следует его описание) ... составляет 5609 модиев вместе с возвращённой экономом монастыря Орови землёй проастия Ливадий. При присоединении и измерении этой земли было обнаружено, что она имеет ... 216 модиев. Другая земля, лежащая вне обмеренных границ, по названию Гониа, близ Олинфа, составляет 67 ½ модия. Итого, вся годная для обработки земля икопроастия Варис без горы — 5676 ½ модия... Существует обмер границ и пастбищной и горной земли этого икопроастия...

[Следует описание без указания количества модиев] ...

Проастий Меланий ... не имеет господских домов. О париках этого проастия: Георгий, сын вдовы, имеет жену Анну, сына Иоанна, завгарат (лакуна); Пётр Калавр имеет жену Феопемпту, дочь Аннуа, зевгарат (... лакуна...). О хорафиях этого проастия, лежащих по разным участкам (следует перечень)... Арендная же плата этого проастия — 137 ½ номисмы — пусть будет приписана к икопроастию Варис, как это помечено в практике секрета.

Проастий Мандракл. В нём нет ни церкви, ни господских домов, но есть парики (названа одна семья) ... Итого ... 185 модиев и 5 литров. Сейчас, впрочем, обнаружено лишь 36 модиев, а остальную понемногу погубила река, теперь на этой земле кустарник. Измерена земля и по ту сторону реки Меандра, близ реки Гирокома ... в 212 1/2 модия.

Виноградник по соседству с Приини, около 30 модиев, по названию Миктирин, с париком-проскафименом Георгием Анемотрихой, имеющем сына Михаила, внуку Анну, зятя Иоанна. Обнаружена внутри виноградника и пахотная земля в 4 модия, как это и помечено в практике секрета.

Проастий Прин под Мандраклем. Он совершенно не населён, не имеет никаких строений. Обмер его границ (следует описание) ... Внутри этого проастия есть годная под обработку и пастбищная неизмеренная земля, есть

¹⁰⁶ Зевгарат — полнонадельный крестьянин, обладавший упряжкой пахотных животных и соответствующим участком пахотной земли.

¹⁰⁷ Воидат — крестьянин с одним плужным животным.

и 90 стволов маслиновых деревьев, 42 дуба и разные другие плодовые деревья.

Проастий Галаиды с местностью Лади. Церковь из камня ... и 3 двухэтажных дома из камня и глины. Обмер границ этого проастия в практике не указан, а лишь общее количество модиев всего проастия с местностью Лади — 762 модия и 10 литров. Перемерив его, мы нашли столько же, сколько и в практике секрета. Внутри границ этого проастия находятся маслиновые и другие разные плодовые деревья.

Итого париков, обнаруженных и в икопроастии Варис, и во всех перечисленных проастиях: двузевгаратов¹⁰⁸ — ни одного, зевгаратов — 18, воидатов — 6, капникариев — 25, имеющих нерабочих лошадей и ослов. Уплачивают: двузевгараты и зевгараты в качестве синоны¹⁰⁹ и капникона — по 1 номисме, воидаты — по ½ номисмы, капникарии¹¹⁰, имеющие ослов — по ½ номисмы, как экскуссаты¹¹¹, а не имеющие ослов — по 3 милиарисия. За выпас коров (?) и лошадей и своих ослов каждый бесхозыйный платит по 1 милиарисию [за голову], за своих овец с сотни — по 1 номисме и далее: с 50 — по ½ номисмы, а в качестве арендной платы за находящуюся в их владении землю — по 1 номисме за 10 модиев.

Местный расход этого проастия таков: куратор¹¹² в качестве руги¹¹³ получает за год 2 номисмы, на пропитание вместо 12 модиев пшеницы — 1 номисму, а в качестве обычного [вознаграждения] епискептита¹¹⁴ — по 1 номисме с 10 номисм¹¹⁵. В целом весь доход этих проастиев — 307 номисм, из коих местный расход — 3 номисмы, и остаётся всего 300 номисм¹¹⁶.

Эти проастии переданы славному протопроедру, протовестиарию и великому domestiку господину Андронику Дуке.

Настоящий практик составлен, обычным образом подписан, заверен и передан мною в месяце июне 11-го индикта.

Подпись: + Адам, патриарший нотариий и domestiк секрета эконома. + Имеет и свинцовую печать, прикреплённую внизу, и подпись. + Нижайший монах Феоктист, игумен монастыря Всепречистой+.

+ Настоящая копия извлечена из числа хартий, хранимых в подчинённом нам священном хранилище митрополии Милета; найдя её идентичной [оригиналу], подписал+ [+ ... митрополит Милета Георгий]...

¹⁰⁸ Двузевгарат — крестьянин, имеющий двойной надел, два зевгария.

¹⁰⁹ Синона — римск. аннона — натуральный (реже денежный) налог, один из основных в Византии XI — XII вв.

¹¹⁰ Капникарии — бесхозыйные крестьяне (актимоны), уплачивающие подать — капникон.

¹¹¹ Экскуссаты — крестьяне, освобождённые от общих податей, но несущие взамен другие, специальные повинности (содержание дорог, обслуживание проезжих чиновников и военных, поставки продовольствия к императорскому столу и т.д.).

¹¹² Куратор — попечитель, надзиратель.

¹¹³ Руга — определённая сумма, выплачивавшаяся из казны чиновникам и обладателям почётных титулов.

¹¹⁴ Эпискептит — осуществляющий попечение над епискеписом, его управитель.

¹¹⁵ Возможно, по 1 номисме с 10 номисм дохода (?) или собранного налога (?).

¹¹⁶ Итог (300 номисм вместо 304) неясен; возможно, 4 номисмы идут епискептиту.

Битва при Манцикерте (19 августа 1071 г.)

Из сочинения византийского историка Михаила Атталиата, современника и участника событий¹¹⁷

Приход послов [турок] ещё не был ни отменён, ни отсрочен, а некоторые из приближенных императора [Романа IV Диогена] убеждали его отвергнуть мир, как лживый по существу и скорее бесполезный, чем сулящий выгоды. Ведь султан, говорили они, боится [нас], ибо не имеет значительных сил и, ожидая [войска], идущие следом за ним, выигрывает время, чтобы соединиться с остальными силами. Эти речи толкали императора на войну. Таким образом, турки хлопотали у себя о деле мира, император же, издав боевой клич, неожиданно одолел в [первой] схватке. Молва об этом, достигнув врагов, поразила их. Пока же они, также вооружившись, отогнали беспомощную толпу [своих] в тыл, а сами тотчас сделали вид, что построились в военный порядок. Но большинство их [тут же] обратилось в бегство, увидев выстроившиеся в порядке и военном великолепии фаланги ромеев. Турки отступили назад, а император устремился следом за ними со всем войском [и преследовал их], пока не наступил поздний вечер. Однако, не встречая у врагов сопротивления и зная, что лагерь лишён конных воинов и пешей стражи, ибо у императора не было с собою достаточного войска, чтобы и здесь оставить защиту, [к тому же] большинство [воинов], как выше упоминалось, было утомлено ещё раньше, император решил не продолжать более преследования, чтобы турки, устроив засаду, не напали на беззащитный лагерь. Вместе с тем он учитывал, что если он продолжит свой путь, то ночь застигнет его при возвращении и тогда турки, будучи хорошими стрелками из лука, изменят [направление] своего бега на противоположное. Поэтому, повернув императорское знамя, он возвестил, что пора вспомнить о возвращении. Стратиоты же, оказавшиеся далеко от [своих] фаланг, видя поворот императорского знамени, решили, что император потерпел поражение. Многие, впрочем, уверяют, что некто из злоумышляющих против императора, двоюродный брат Михаила, пасынка императора, давно затаив на него злой умысел, сам сеял среди стратиотов подобные слухи и тотчас, захватив своих [воинов] (а ведь ему по доброте императора была вверена немалая часть войска), вернулся, как беглец, в лагерь. Подражая ему, и соседние с ним лохи (отряды) один за другим без боя обратились в бегство, а за ними — и другие. Тогда император, видя бессмысленное и беспричинное бегство, остановился вместе с окружающими его людьми, призывая, как обычно, своих [воинов] прекратить бегство. Но никто не повиновался.

Те же из неприятелей, которые стояли на холмах, видя нежданную беду ромеев, сообщили султану о случившемся и убеждали его повернуть [на ромеев]. И вот, после возвращения султана, тотчас и неожиданно для императора битва разразилась. Приказав окружавшим его не поддаваться и не впадать в малодушие, император долго и мужественно защищаться. Среди же

¹¹⁷ Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1961. Т. 1. С. 377-378.

прочих [воинов] вне укреплений [лагеря], захлестнутых [волною] паники, стоял разноголосый вопль, господствовало беспорядочное бегство, и никто там не сказал нужного слова. А если и говорили, то одни о том, что император храбро сопротивляется с оставшимися у него [воинами] и что варвары [уже] обращены в бегство, другие же возвещали о его гибели или пленении, третьи же болтали совсем другое и приписывали победу то той, то другой стороне, пока не начали многие из бывших с императором [в походе] каппадокийцев дезертировать отсюда [целыми] отрядами.

О том же, как я сам, став на пути бегущим, многих задержал, стремясь отвлечь поражение, пусть расскажут другие.

После этого многие из императорских конюхов, возвращавшихся с конями, на вопрос о том, что случилось, отвечали, что не видели императора. И какое было смятение, и плач, и горе, и ужас неудержимый, и пыль до небес, и, наконец, турки, нахлынувшие на нас отовсюду! Поэтому каждый, сколь у него нашлось рвения или стремительности или сил, вверил бегству собственное спасение. Неприятеля же, преследуя бегущих по пятам, одних убили, других взяли живыми, а третьих растоптали [лошадьми]. И случилось ужасное, всякие слёзы и жалобы превышающее, ибо что может быть печальнее, чем лагерь императора бегством и поражением от варваров бесчеловечных и грубых низринутый, чем император, лишённый помощи и варварским оружием окружённый, чем палатки императора, командиров и стратиотов, ставшие добычей этих мужей, [что может быть горше], чем узреть всё у ромеев опустошённым, а царство увидеть в мгновенье ока рухнувшим?!

Так обстояло дело с остальным войском. Но окружавшие императора враги отнюдь не легко и не сразу его одолели. Обладая стратиотским и военным опытом, знакомый со многими опасностями, он оказал сильное сопротивление нападающим, убив многих [из них]. Наконец, он был ранен мечом в руку, а затем конь его был повержен стрелой, и ему пришлось сражаться пешим. И вот к вечеру, вконец утомлённый, о, горе, он смирился и стал пленником [турок].

Государственный аппарат и церковь Византийской империи в IX — XII вв.¹¹⁸

Василевс ромеев. По своему политическому строю византийское государство было монархией: главой государства считался император, или, как его называли в Византии (по-видимому, начиная с IX в.), василевс ромеев. Императорская власть считалась по своему происхождению божественной, и в соответствии с этим императора именовали «святым», «божественным», «земным солнцем», «богоизбранным» и даже «земным божеством». Трактовка императорской власти как божественной закреплялась в византийском искусстве: памятники живописи постоянно изображали сцену возложения короны архангелом на голову императора или представляли василевса получающим власть из рук Бога.

¹¹⁸ Каждан А.П., Литаврин Г.Г. Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958. С. 109-125.

Пышный культ и неслыханная роскошь двора соответствовали этой идее божественной сущности императорской власти. По словам Константина Багрянородного, ритуал константинопольского двора и ритм придворной жизни были отражением гармонии и порядка, созданного творцом для вселенной. Император носил особую одежду: пурпурные туфли, многоцветные шёлковые облачения, украшенные золотом и жемчугом. На голову василевса возлагали диадему, на шею — цепь из драгоценных камней, в руках он держал скипетр.

Приёмы в Большом дворце обставлялись необычайно торжественно. Вот как описывает их один из послов, посетивших Константинополь в X в.: «Бронзовое, позолоченное дерево стояло перед тронном царя, ветки дерева кишели отлитыми из бронзы и позолоченными птицами, каждая из которых пела на свой лад. Трон царя был так устроен, что он мог подниматься на различные уровни. Его охраняли необычайной величины львы, бронзовые или деревянные — мне точно неизвестно, но во всяком случае позолоченные. Они били о землю хвостом, раскрывали пасть и, двигая языком, громко ревели. Здесь именно я предстал пред очи царя. И когда при моём появлении началось рыканье львов и птицы запели на ветках, я преисполнился страхом и удивлением. Приветствовав затем троекратным преклонением царя и подняв голову, я узрел того, кто перед тем сидел на небольшом расстоянии от пола, восседающим уже в ином одеянии под самым потолком. И как это произошло, я не мог себе объяснить...»

Подданные были обязаны воздавать императору «богоравное» почтение: никто не входил к императору без того, чтобы не отвесить ему земной поклон; императора встречали славословиями, тексты которых были строго определены для каждого случая. Выход императора из дворца превращался в пышное торжество, смотреть которое собирался весь город. Император выходил из Большого дворца и направлялся обычно на богослужение в одну из константинопольских церквей пешком или верхом на лошади. Там он одевал парадные одежды, настолько тяжёлые, что выстоять в них всё богослужение было невозможно, поэтому после начала службы император удалялся в специальную пристройку, чтобы отдохнуть от тяжести украшений.

Помазание на царство, по византийским представлениям, считалось таинством, уничтожавшим все грехи, совершённые до коронации, и даже грех смертоубийства.

Византийская политическая доктрина. Поднимая императора до уровня божества, наделяла его определёнными этическими совершенствами. В одном из законов, изданных Василием I, мы читаем: «Император являет собой воплощение законности и общее благо для всех подданных. Он никого не преследует, руководствуясь враждой, и никого не награждает по личному расположению, но раздаёт награды в соответствии с деятельностью каждого». Закон Никифора Фоки от 967 г. называет императора справедливым отцом, который в равной мере любит всех своих детей. Провозглашая всех подданных равными перед лицом императора-божества, византийская официальная идеология вместе с тем объявляла их рабами императора, а его са-

мого называла господином: тем самым теория равенства византийских граждан была идеологическим оправданием равного бесправия подданных, принижённых могущественным феодальным государством, воплощённом в «божественном» василевсе.

Императору принадлежало верховное руководство всеми военными и гражданскими делами — «власть над всем», как говорили византийские писатели. Они имели право распоряжаться имуществом подданных вплоть до конфискации частновладельческих земель. Император являлся верховным толкователем закона и высшим судьёй; номинально он считался верховным военным командиром, и во время похода его палатка являлась центром и штабом лагеря. Он назначал командный состав армии и всех высших государственных чиновников и мог смещать их и переводить на другие посты; он принимал иноземных послов и направлял посольства к другим государям.

Если теоретически византийский император являлся всемогущим правителем, обладающим всей полнотой прав и окружённым почти божественным поклонением, то фактически он ни в коей мере не был единственным и абсолютным распорядителем судеб своей страны. Власть византийского императора была в значительной степени ограничена.

Ограниченность власти василевса. Ограниченность власти византийского императора проявлялась в ряде моментов. Прежде всего в Византийской империи не существовало наследственности императорского престола: старший сын императора не рассматривался как естественный наследник престола, и, наоборот, любой узурпатор, овладевший престолом, автоматически становился законным государем. Теоретически это оправдывалось следующим образом: император правил, опираясь на божественную помощь; коль скоро Бог перестал его поддерживать и нашёл другого избранника, права прежнего императора теряли всякое значение; наоборот, удачливый узурпатор — это слуга Божий, выразитель божественной воли, достойный почестей и славословий.

Отсутствие твёрдого порядка престолонаследия до некоторой степени смягчалось тем обстоятельством, что императоры при жизни провозглашали соправителей из числа своих сыновей или ближайших родственников, и это в какой-то мере должно было способствовать оформлению династических отношений. Однако институт соправителей — особенно, если число их было значительным — сам по себе ограничивал царскую власть.

По мере укрепления феодальных отношений в византийское государственное право всё более отчётливо проникал принцип наследственности императорской власти. Уже потомкам Василия I удалось создать династию правителей, получившую название Македонской династии, однако правление законных государей Македонской династии время от времени прерывалось царствованием узурпаторов, которые заслоняли потомков Василия I. Ни Роман Лакапин, ни Никифор Фока, ни Иоанн Цимисхий не принадлежали к династии Василия. Более прочным становится принцип легитимности с конца XI в., когда на престоле оказывается династия Комнинов, державшаяся сто лет. Но ещё Никита Хониат, писавший на рубеже XII — XIII вв., противопо-

ставлял латинян, сохраняющих верность своим королям до самой их смерти, непостоянным ромеям, которые сразу же после коронации начинают готовить преемника императору.

Полноправие императора ограничивалось также тем строгим церемониалом и консерватизмом, который существовал в Константинополе и который превращал императора в раба традиций. Победоносный император вступал в Константинополь пешком, а в триумфальной колеснице въезжала в город икона; земной бог, он должен был тем не менее накануне праздника пасхи омыть в храме св. Софии ноги двенадцати беднейшим гражданам. Но дело не сводилось только к формам церемониала, символизировавшим христианское смирение василевса: его связывали определённые нормы. Титулы вельмож являлись в Византийской империи пожизненными: раз пожалованный титул не мог быть отнят у его носителя. Византийский император ни в коей мере не выступал в качестве юстинианова «одушевлённого закона», но должен был подчиняться законам и постановлениям церковного права. Это требование не было чисто теоретическим — попытки нарушить гражданские законы нередко вызывали энергичное противодействие со стороны чиновничества и церкви. Император Лев VI в нарушение церковного права вступил в четвёртый брак, оправдывая это отсутствием у него наследника. Этот поступок Льва стал источником долгих споров и смут, завершившихся в конце концов осуждением «четвёртого брака».

В этом отношении чрезвычайно показательна легенда, передаваемая Константином Багрянородным. По его словам, император Константин, основатель византийской столицы и первый василевс-христианин, получил от Божьего ангела императорский наряд и корону, которые хранились в храме св. Софии и служили облачением императоров по большим праздникам. Это было божественное облачение, подчёркивавшее мистическую природу власти василевса. И вместе с тем император не имел права одевать эти одежды, когда ему вздумается, или вынести их из храма, или изготовить подобные им: в противном случае его следовало подвергнуть анафеме. Однажды император Лев IV (775 — 780) нарушил этот запрет и вопреки воле патриарха облачился в божественные одежды; возмездие не заставило себя долго ждать — на лбу нечестивого императора вскочил карбункул, и вскоре Лев в страшных муках распрощался с жизнью. С тех пор император при коронации должен был приносить клятву, что он не станет нарушать порядков, установленных издревле.

В этой легенде всё характерно: и представление о мистической связи между Богом и василевсом, материализующейся в императорской одежде, божественной по своему происхождению, и вместе с тем скованность императора нормами церемониала, нарушить которые он был не в праве.

Таким образом, византийская конструкция императорской власти оказывается противоречивой. С одной стороны, византийское право представляло императора как заместителя Бога, как обладателя всей полноты власти в стране, как полновластного господина своих рабов-подданных. С другой стороны, оно ограничивало его отсутствием наследственности престола, подчи-

няло его законам и строгой традиции церемониала. Разрешение этого противоречия заключается в следующем. «Божественным» и полновластным являлся не каждый данный император, но василевс «вообще» как воплощение самого принципа императорской власти. Божественным и полновластным император оказывался лишь постольку, поскольку он представлял собой весь централизованный государственный аппарат. В лице василевса как бы персонифицировалось многоликое византийское высшее чиновничество, столничная вельможная знать, поднимаемая тем самым на необычайную высоту и отделяемая от народа. В этом факте отчётливо сказывалось, что византийское самодержавие не являлось самостоятельной силой, противостоящей вельможам, но лишь средоточием и центром феодального государства. Но если императорская власть была краеугольным камнем и идеологической санкцией византийского феодального государства, то каждый отдельный император выступал лишь как безличное орудие божественного провидения, и его индивидуальность не имела значения.

Чиновничий аппарат. Управление государством осуществлял в Византии обширный чиновничий аппарат. Все византийские чиновники имели определённые титулы, располагавшиеся по своей значительности в строго установленной последовательности. Высшие титулы (кесарь, севаст, куропалат и некоторые другие) встречались редко и жаловались почти исключительно ближайшим родственникам императора. Ниже этих экстраординарных титулов шли три титула первого класса, жалующие высшей чиновной знати: магистр, патрикий и протоспафарий. Ниже чинов первого класса стояли титулы спафарокандидатов, спафариюв и кандидатов, которыми наделялись рядовые чиновники и офицеры. Все титулы византийского чиновничества, как уже было выше сказано, являлись пожизненными и не могли быть никем отняты.

В среде византийского чиновничества было сильно развито местничество. На императорских выходах и трапезах вельможи должны были занимать места в строгом соответствии со старшинством в чинах, причём нередко между ними возникали споры из-за старшинства: поэтому была установлена специальная должность атриклина, которому следовало точно различать значение чинов и рассаживать вельмож за царским столом.

Чины первого класса в своей совокупности составляли синклит. Число константинопольских синклитиков нам неизвестно: один историк конца XI в. говорит, что в это время были «мирады» синклитиков, но это известие слишком неопределённо. Синклитики (по крайней мере в IX — XI вв.) должны были жить в Константинополе или во всяком случае часто бывать там, если только они не выполняли какой-либо службы в армии или в провинции.

Синклит играл чрезвычайно большую политическую роль. Из кратких известий хронистов мы можем узнать, что синклит провозглашал императоров, принимал участие в назначении высших чиновников, осуществлял контроль над финансовым ведомством, обладал судебными правами. Синклитики обсуждали проекты мирных договоров и решали вопрос о начале военных действий. Продолжатель хроники Феофана оставил описание одного из засе-

даний синклита в 961 г., где обсуждался вопрос об отправке войска на Крит, против арабов. Заседание, проходившее в присутствии императора, началось с выступлений ряда синклитиков, которые высказались против похода. Они напомнили о предшествующих неудачных экспедициях, стоивших жизни многим воинам, требовавших больших затрат; они говорили об опасностях морского плавания и о мощи арабского флота. С ответом выступил видный чиновник Иосиф Вринга. Обращаясь к императору, он стал рисовать картины жестокости арабов, говорил о разрушении церквей, о гибели граждан империи, об осквернении женской чести, о взятых в плен жителях приморских фем. В речи, которая, если верить продолжателю Феофана, была полна изящной риторики, но совершенно не содержала конкретных фактов и деловых соображений, он призывал преодолеть трудности морского похода и славной победой добыть бессмертие.

С конца XI в., когда к власти пришла династия Комнинов, отражавшая интересы провинциальной феодальной знати, политическое влияние синклита было значительно ослаблено.

Финансовое ведомство. Административное управление Византийской империей сосредоточивалось в нескольких ведомствах, обычно именовавшихся секретами. Важнейшие функции государственного аппарата относились к финансовой, судебной и дипломатической сфере. Финансовое управление было раздроблено между несколькими секретами. Один из них — геникон, — руководимый логофетом геникона, ведал сбором податей. Одни чиновники геникона составляли податные списки, другие посылались для разыскания лиц, не внесённых в податные списки и не платившие в силу этого податей, наконец, третьи были податными сборщиками, приезжавшими из Константинополя в фемы для сбора налогов. Эти налоги поступали в другие секреты, выполнявшие функции казны. Наряду с государственной казной существовала казна патримониальная, так называемый императорский веститарий, но функции той и другой постоянно смешивались: в государственной казне, например, хранились не только деньги, но и императорские одежды, украшенные золотом и драгоценными камнями. Далее, самая государственная казна состояла из ряда секретов, носивших различные названия: сакелла, китон, веститарий, куда стекались как натуральные, так и денежные поборы. Наконец, некоторые секреты обладали такими функциями, которые не были непосредственно связаны с финансовым управлением: сакелла, например, ведала странноприимными домами, больницами, убежищами для стариков, а также публичными увеселениями.

Особая казна находилась в распоряжении логофета солдат, важнейшей функцией которого была выплата жалованья стратиотам; отдельная казна была и у идики, который ведал государственными мастерскими, строительством, снабжением императорского двора продуктами, подготовкой оружия и кораблей для военных экспедиций. Обеспечение войска лошадьми было обязанностью особого секрета, во главе которого стоял логофет стад.

Многообразные финансовые ведомства не составляли стройной системы: как мы видим, разграничение их функций было в значительной степени

случайным, и различные секреты по необходимости должны были вмешиваться в деятельность друг друга.

Основные доходы византийского государства складывались из следующих статей: государственный канон и различные дополнительные поборы (денежные и натуральные) с крестьян, доходы от ремесла и торговли (поборы с мастеров, поборы с ярмарок, пошлины за ввоз, вывоз и проезд и т.п.), судебные пошлины и нотариальные сборы, военная добыча и дань покорённых областей, конфискация имущества, сдача в аренду государственных земель, продажа титулов и должностей. Средства, полученные византийским государством, расходовались на содержание большого государственного аппарата и армии, на дипломатические миссии, на раздачу знати, монастырям, церквям и константинопольскому плебсу, на строительство дворцов, церквей и укреплений, на содержание пышного константинопольского двора.

Суд и право. Судебные функции, как и финансовые, были распределены между множеством секретов. Высшей судебной инстанцией был императорский суд, где разбирались важнейшие дела (например, о заговорах против императора), а также принимались всевозможные апелляции. Судебными функциями обладали также логофет геникона, константинопольский епарх и некоторые другие чиновники. Придворные подлежали суду протовестиария, стратиоты-моряки судились перед друнгарием флота (командующим флотом), а «плавающие по морю» (по-видимому, купцы) разбирали свои тяжбы у специального судьи — парафалласита; епарх рассматривал дела цеховых мастеров, а квестор — тяжбы, связанные с завещаниями, и земельные тяжбы.

Судопроизводство в Византии было весьма суровым: здесь широко применялись пытки, и во время допроса обвиняемых избивали свежими каштановыми прутьями и бичами, связывали ноги и волочили по земле. Преступников заключали в тюрьму, где было темно и душно, где приходилось сидеть и есть на полу, мёрзнуть и голодать; ещё чаще в качестве меры наказания применялась продажа в рабство, отправка в рудники или в государственные мастерские, бичевание, членовредительство (ослепление, отсечение носа, руки или языка),стрижение головы, ссылка в монастырь и административная ссылка. Смертная казнь осуществлялась через сожжение или мучительным способом, когда преступника пригвозждали к «фурке», деревянному столбу, обрекая на медленную смерть. В некоторых случаях применялась иная система наказания, когда виновному следовало лишь возместить ущерб: в случае увечья, например, он должен был заплатить потерпевшему штраф и принять на свой счёт расходы на врача.

Несмотря на рецепцию римского права, византийское судопроизводство сохранило большое число архаичных приёмов расследования дел. Например, если рассматривалось дело об умерщвлении чужой собаки, судье следовало выяснить размер палки, которой была убита собака, и уже в соответствии с этим принимать решение. Человека, заподозренного в воровстве, истец должен был привести к судье, который произносил специальную молитву и давал заподозренному ломоть освящённого хлеба. Византийцы были убеждены, что вору не удастся проглотить его. В других случаях на стене ри-

совали «магический глаз» и заставляли обвиняемого пристально смотреть на него: если глаза обвиняемого слезились, его признавали виновным.

Византийские законодатели постоянно подчёркивали «справедливость» византийского суда и права. Лев VI, например, называл законы «очами государства»; другие императоры не один раз провозглашали, что все граждане — и динаты и убогие — должны быть равными перед судом. Однако по существу византийское право и суд целиком стояли на страже интересов господствующего класса. Прежде всего византийские законы наказывали смертной казнью за попытку возмущения против правительства. Они полностью подчиняли раба господину, ставили раба вне права и в то же время карали его более тяжёлыми наказаниями, нежели свободного. Но к разным категориям свободного населения отношение византийского права было совершенно различным, византийское правительство прилагало иную шкалу наказаний к динату и к бедняку: там, где динат отделялся денежным возмещением или высылкой в собственное поместье, бедняк должен был подвергнуться бичеванию и продаже в рабство. Император Василий II в законе от 996 г. писал, что при его предшественниках чиновники, уличённые в убийстве или в составлении заговора, не карались смертной казнью, ибо чин давал им преимущество перед остальными гражданами. И хотя Василий II объявил, что отменяет этот принцип, однако он оставался в действии и в XI в. Когда в 1034 г. византийский наместник подверг антиохийцев каре за участие в заговоре, простые граждане были осуждены на смертную казнь, а одиннадцать человек, отличавшихся богатством и знатностью, сохранили жизнь: после конфискации имущества они в цепях были отправлены в Константинополь.

К тому же широко распространённое в Византии взяточничество превращало судей, как правило, в послушное оружие динатов и вельмож. Взятничество византийских судей облегчалось тем обстоятельством, что суд был здесь платным, и лица, обращавшиеся в суд, должны были платить судьям специальные взносы; размеры их были установлены законом, но на практике легко могли быть превышены. Взятки были настолько значительными, что иногда, по словам Константина Багрянородного, превышали стоимость объекта тяжбы.

Наряду с гражданским правом в Византии действовало особое церковное (каноническое) право, на основании которого выносили свои решения церковные суды. Сборники церковного права — номоканоны — имели очень широкое применение.

Логофет дрома. Важную роль в государственном аппарате играло ведомство, управляемое логофетом дрома. Логофет дрома руководил внешней политикой Византийской империи, приёмом иностранных послов и отправкой дипломатических миссий. Пребывание иноземных послов в Константинополе было подчинено определённым правилам: византийцы строго следили, чтобы послы не могли общаться с кем-либо, кроме специальных чиновников, и не могли ничего видеть, помимо предназначенного для них; вместе с тем они стремились поразить послов роскошью Константинополя. Послы не

пользовались дипломатической неприкосновенностью и могли быть брошены в тюрьму за нарушение этикета.

К соседним государям императоры часто посылали посольства для урегулирования конфликтов или для обмена пленными. Эти послы везли богатые подарки (золото, драгоценные ткани, ювелирные изделия), предназначенные не только для монархов, но также для влиятельных сановников и их жён. Важным фактором византийской дипломатии было натравливание одних соседей на других: императорская казна тратила огромные средства для подкупа печенегов, побуждая их грабить болгарские земли, и для подкупа венгров, которых уговаривали нападать на печенегов. Византийцы собирали в Константинополе претендентов на престолы в соседних государствах: сюда бежал наследник последнего лангобардского короля, когда Карл Великий уничтожил королевство лангобардов; здесь не раз жили претенденты на болгарский престол.

Логофет дрома руководил также государственной почтой, обслуживавшей нужды государственного аппарата. С этой целью на дорогах были устроены специальные станции, где содержались казённые кони, чтобы, меняя лошадей, чиновники могли быстро скакать в разные концы империи. Наконец, в ведении логофета дрома находился огненный «телеграф», при помощи которого в Константинополь приходили срочные сигналы, извещавшие о вторжении арабов.

Дворцовые чины. Наряду с гражданскими чиновниками, руководившими константинопольскими секретами, столичную знать составляли также придворные, обслуживавшие императорский двор. Дворцовые чины могут быть разделены на три группы: одни придворные ведали жизнью самого дворца, его хозяйством и церемониалом; другие составляли императорскую стражу; третьи были секретарями императора. Функции придворных были строго определены: одни из них выносили царские одежды, другие накидывали плащ на плечи императора, третьи распахивали перед ним двери, четвёртые возглашали: «Повелите!» Среди придворных было большое число евнухов; не любивший их Константин Багрянородный говорил, что их столько же, сколько весной мух в овечьей ограде.

Некоторые из дворцовых чинов оказывали большое влияние на политическую жизнь страны благодаря своей близости к императору. Особенно важными были должности препозита и паракимомена. Препозит был евнухом, руководившим дворцовым церемониалом; в то же время он являлся членом синклита и активно вмешивался в политику. Препозитом был, например, уже известный нам Иосиф Вранга. Паракимомен возглавлял стражу императорской спальни и по своей должности спал в покоях императора; естественно, что эти обязанности возлагались на особо доверенное лицо и паракимомен пользовался огромным влиянием. Василий I, прежде чем он лестью и убийством расчистил себе путь к престолу, занимал пост паракимомена.

Войско. Византийское войско разделялось на две основные части: константинопольские военные отряды и расположенные в провинции так назы-

ваемые фемы. Константинопольская гвардия состояла из четырёх кавалерийских тагм и двух пехотных подразделений; кроме того, были особые гвардейские части (носившие названия «бессмертных» и некоторые другие), которые сопровождали императора во время похода и в лагере располагались в непосредственной близости от императорской палатки. Командиры кавалерийских тагм имели обычно титул патрикия и принадлежали к высшей знати империи.

Фемой называли боевое подразделение, составленное из стратиотов территориальной фемы, которое возглавлял стратиг. Наиболее значительные отряды выставляли Анатолик, Армениак и Фракийская фема. Фема обычно разделялась на две турмы, которые в свою очередь распадались на 3 — 7 более мелких подразделений. Войска отдельных фем насчитывали в X в. от 700 до 2000 человек.

Доместик схол был первоначально командиром одной из константинопольских тагм, но с середины IX в. он постепенно превращается в главнокомандующего, которому подчинялись стратиги фем. Этот пост занимали представители высшей византийской провинциальной аристократии, в X в. преимущественно Фоки и Дуки. В середине X в. права доместика схол были несколько ограничены: в его подчинении остались лишь восточные фемы, тогда как над фемами запада был поставлен особый командир — доместик Запада; эта должность на первых порах также оставалась в руках провинциальной аристократии: доместиками Запада были Фоки, Склиры и представители некоторых других виднейших феодальных фамилий. В XI в. положение изменилось: с победой столичной знати пост доместиков стали занимать константинопольские вельможи. Однако уже во второй половине этого столетия обе должности доместиков оказались в руках феодального рода Комнинов — будущих императоров.

В Византийской империи существовали значительные по тем временам морские силы, и византийцы гордились своим «владычеством на море». Корабли византийского военного флота были различных типов. Основной тип линейных кораблей представляли дромоны, экипаж которых насчитывал около 300 человек, большая часть которых была гребцами; значительно меньшими были хеландии, на борту которых находилось 100 — 150 человек. Византийские корабли были вооружены так называемым греческим огнём, представлявшим собой смесь селитры и нефти, которую византийские моряки направляли из специальных труб на корабли врага.

В X в. византийский флот был одним из наиболее могущественных на Средиземном море: император Никифор Фока говорил германскому послу, что с помощью флота может уничтожить любой прибрежный город. Но уже с конца X в. морское владычество Византии стало быстро сходить на нет. Причина была не только в своекорыстии вельмож, не заботившихся о строительстве кораблей, — развитие морского дела в итальянских городах отодвинуло византийские морские силы на задний план. В 1071 г. византийский флот был наголову разгромлен молодыми морскими силами норманнов.

Византийский военный флот разделялся на две части: императорские корабли находились под командованием друнгария флота, фемные эскадры подчинялись стратигам фем. В середине X в. в одной из больших экспедиций против арабов участвовало 150 кораблей императорского флота и 76 кораблей из фемных эскадр. В отличие от доместиков схол, в большинстве своём происходивших из провинциальной знати, многие друнгарии флота начинали свою карьеру с самых низших ступеней служебной лестницы.

Провинциальное управление находилось в руках стратигов, которые были окружены множеством военных и гражданских чинов; стремясь ограничить власть стратигов, константинопольское правительство ставило некоторых фемных чиновников вне контроля стратига. Так, претор, обладавший высшей судебной властью над гражданским населением фемы, не только не был подчинён стратигу, но и должен был доносить о нём императору. В IX — X вв. постепенно права стратигов возрастают, хотя обычно они не были закреплены законодательно и, более того, даже противоречили законам. По-немногу начала формироваться в это время наследственность должности стратига: этот пост очень часто переходил от отца к сыну, от брата к брату. Вопреки закону, запрещавшему стратигу приобретать земельные владения в своей феме, стратиги X в. нередко сами были землевладельцами в этой же провинции. Например, каппадокийские феодалы Малеины в течение долгого времени держали в своих руках пост стратига Каппадокии. Некоторые стратиги (особенно в западных фемах) не получали платы из государственной казны, но должны были собирать в свою пользу определённые подати со своих фем. Всё это свидетельствует о постепенной феодализации должности стратига.

Церковь. Очень важную и вместе с тем очень своеобразную роль в византийском государстве играла церковь. Основной задачей византийской церкви являлось идеологическое воздействие на трудящиеся массы. Византийская церковь обладала развитой иерархией, во главе которой стоял константинопольский патриарх. Патриарх считался вторым лицом после императора и играл колоссальную роль в политической жизни страны. Номинально патриарх избирался духовенством, которое должно было предложить императору трёх кандидатов на патриарший престол. Однако император мог отвергнуть всех предложенных ему кандидатов и указать на желательность избрания иного лица. Естественно, что при таких условиях патриархи в ряде случаев оказывались назначенными императором. Так, при Романе Лакапине патриархом стал его шестнадцатилетний сын Феофилакт, который больше всего увлекался конюшней и кормил своих лошадей фисташками и изюмом. Он и закончил жизнь, упав с лошади, которую пытался объездить.

Формально для низложения патриарха было необходимо его письменное отречение, однако на деле император мог арестовать патриарха и силой принудить его к отречению. Патриарх Фотий, например, был низложен дважды: один раз императором Василием I, который через несколько лет вернул ему патриарший престол, вторично же — сыном Василия, Львом VI.

Патриарх мог созывать собор, на котором присутствовали высшие князья церкви. На соборе рассматривались важнейшие вопросы церковной жизни, разбирались жалобы на духовных лиц, контролировалось их перемещение. Собор проходил под наблюдением императора или его представителя.

При патриархе существовали специальные секреты, которые контролировались патриаршими сановниками, бывшими вместе с тем членами собора. Наиболее важным секретом была патриаршая канцелярия, возглавляемая великим хартофилаксом. Отсюда исходила патриаршая переписка, здесь разбирались тяжбы между церковными учреждениями. Большую роль играл также великий эконо́м, управлявший финансами константинопольского патриархата.

Константинопольский патриарх и другие князья церкви: антиохийский патриарх, архиепископы и митрополиты, епископы — составляли первую ступень церковной иерархии — епископскую, ниже которой стояли пресвитеры (священники) и диаконы.

Своеобразие имущественного положения византийских епископов состояло в том, что они не имели — в отличие от западных прелатов — особого бенефиция, отделённого от доходов церкви. Зато они могли свободно распоряжаться доходами своего диоцеза. Это порождало всевозможные злоупотребления; чтобы их ограничить, была создана специальная должность эконо́ма, который держал в своих руках хозяйственное управление диоцезом и контролировал епископа.

В отличие от запада в Византии не существовало церковной десятины. Приношения епископам носили до начала X в. добровольный характер, и церкви приходилось жить за счёт императорской милости, подачек вельмож и доходов от собственных церковных владений. Не случайно западным путешественникам казалось, что византийские епископы по уши погрязли в хозяйственных заботах, подсчитывая выручку от продажи шерсти и выгоду из вывезенного на поля навоза. Только с середины X в. византийские епископы получали разнообразные регулярные приношения: плату за рукоположение священников, плату за разрешение на брак, поминальное и каноникон — ренту, которую платили как миряне, так и духовные лица; каноникон взимался как в деньгах, так и натурой: баранами, курами, ячменём, мукой, вином; каждая деревня должна была уплачивать каноникон пропорционально числу домов.

Монашество. Огромную роль в Византии играло монашество. Трудные условия жизни, неуверенность в завтрашнем дне заставляли многих византийцев — от крестьян до вельмож — искать прибежища в монастырях. Однако пострижение в монахи отнюдь не уничтожало социального неравенства: выходцы из знати, сделав вклад, становились игуменами и оставались по существу феодалами, только облачёнными в рясу, крестьяне же и в монастыре исполняли обязанности младших монахов и должны были ухаживать за скотом, работать на огороде и в кузнице. Поэтому общественные противоречия остро проявлялись в самой монашеской жизни: нередкими были возмущения младших монахов против своих игуменов. В одном житии мы

встречаем рассказ о монахе Кириаке, которого агиограф презрительно именует вором и человеком, пренебрегшим собственным спасением. Его игумен Михаил Малейн, представитель знатнейшей каппадокийской фамилии, неоднократно поучал Кириака, но тот не раскаивался, а всё более укреплялся в своих грехах, пока, наконец, не решился даже поднять руку на своего игумена: ночью он прокрался в келью Михаила, собираясь его зарезать; разумеется, случившееся вовремя чудо спасло «святого». Эпизод, которому агиограф стремился придать черты уголовного преступления, на самом деле отражает те противоречия, которые должны были существовать между представителем крупнейшего феодального рода, основателем и настоятелем монастыря Малейном и рядовым, по-видимому, нищим, монахом, страдавшим от бесконечных поправок и дисциплинарных взысканий феодала в монашеской схиме.

В Византии было большое количество крохотных монастырей и монастырьков, основанных крестьянами и насчитывавших иногда лишь двух-трёх монахов. Эти крестьянские монастыри не могли долго сохранять независимость в условиях нарастающего процесса феодализации: они постепенно попадали либо под власть епископа, либо в зависимость от крупного монастыря, теряли свою самостоятельность и становились метохами, т.е. монастырскими поместьями. В других случаях император или патриарх посылал в такой монастырь харистикария, т.е. светское лицо, которое приобретало власть над монастырём и право извлекать из него доходы. Опять-таки и в этом случае монастырь по существу превращался в феодальное поместье, хотя права харистикария и ограничивались обычно сроком его жизни и лишь очень редко передавались по наследству.

Кроме небольших монастырей, существовало немало монастырей крупных, обладавших значительными богатствами и оказывавших существенное влияние на общественную и политическую жизнь империи. Среди столичных монастырей особенно большую роль играл в IX—X вв. Студийский, который в период своего расцвета насчитывал до тысячи монахов. В распоряжении монастыря находились сады, огороды, мельницы, приводившиеся в движение скотом или водой, и даже приморская пристань с собственными судами. Монахи были заняты на полях, где они пахали и убирали хлеб, в огородах и садах; они выжимали вино и давили масло, ловили рыбу. Были у Студийского монастыря собственные ремесленные мастерские.

Столичная знать и в последующие столетия стремилась воздвигать в Константинополе великолепные монастыри. Император Михаил IV Пафлагон приказал построить в северном предместье Константинополя монастырь Косьмы и Дамиана, который был украшен золотом, мозаикой и живописью; для монахов были разбиты сады, устроены купальни и бассейны.

Но уже с X в. всё большее значение начинают приобретать провинциальные монастыри, особенно на Олимпе (в Малой Азии) и на Афоне. Если столичные монастыри жили преимущественно за счёт императорских пожалований и даров столичной знати, то провинциальные монастыри приобретали земельные богатства. Акты небольшого монастыря св. Андрея близ Солуни показывают начальный этап роста монастырских земельных богатств.

Первый из этих актов относится к 897 г. и рассказывает о приобретении монастырём за 61 номисму владения некоей вдовы Георгии и её детей. Это владение включало несколько хорафиев и виноградников, луг и двор с колодецем. В X в. монахи этого монастыря приобретают различные земельные владения у светских собственников и у казны. Только в 941 г. они получили 1800 модиев казённой земли на полуострове Кассандра. В середине X в. монастырь купил землю вместе со стоящей на ней мастерской для изготовления кирпичей. При этом монахам удалось воспрепятствовать тому, чтобы соседи осуществили право предпочтительной покупки.

Ещё больше сведений сохранилось у нас о росте монастырской собственности на Афоне в XI—XII вв.

Разделение церквей. До середины XI в. церковь в Византии формально оставалась частью вселенской (кафолической) христианской церкви, однако противоречия между римской и константинопольской церквями носили весьма острый характер. Эти противоречия были двоякими. С одной стороны, социальная структура обеих церквей имела известные особенности: феодальные элементы были более значительными в западной церкви, тогда как в Византии, где феодальная аристократия по существу не консолидировалась до конца XI в., церковная организация обладала несколько более «демократической» структурой. Это проявлялось не только в обилии мелких монастырьков и в обширности слоя младших монахов, занятых непосредственно в производственном процессе, о чём мы уже говорили, но и в признании за византийскими священниками права иметь семью, тогда как на Западе устанавливается принцип celibата, резко противопоставлявший священника мирянину; авторитет епископата, наделённого определёнными бенефициями, был на западе выше, чем в Византии.

С другой стороны, между обеими церквями возникли политические противоречия, обусловленные тем, что Рим и Константинополь претендовали на расширение сферы своего господства. Уже в конце IX в. эти противоречия чрезвычайно обострились, поскольку римский папа и константинопольский патриарх стремились подчинить своей духовной власти новую церковь, созданную в Болгарии после принятия христианства. Правда, в то время дело не дошло до окончательного разрыва, и церковное единство сохранялось ещё некоторое время.

В XI в. положение стало ещё более напряжённым. Римская и константинопольская церковь сталкивались повсеместно. Папа стремился подчинить своей власти епископов Южной Италии, которые с VIII в. находились под верховенством патриарха Константинополя; он поддерживал экспансию Венеции в Истрию и Долмацию, где венецианские купцы одновременно со своим господством насаждали богослужение на латинском языке — но византийцы, подчинившие при Василии II Болгарии, сами претендовали на то, чтобы усилить свою власть на Адриатическом побережье.

Объектом борьбы была также и русская церковь; немецкие епископы, действуя частично через Польшу, пытались распространить в Киеве христианство по западному образцу; в XI в. при папском дворе была создана леген-

да, будто русские приняли крещение не от византийцев, а от западных миссионеров.

Итальянские города, стремившиеся проникнуть на рынки в богатой Сирии, использовали в своих интересах папство: римский папа обвинял патриарха Константинополя в том, что он незаконно распоряжался восточными престолами.

Народные массы Византии были склонны поддержать восточную церковь в её борьбе против папства. Дело в том, что константинопольские ремесленники и торговцы страдали в это время от всё более усиливавшейся конкуренции «латинян» — венецианцев и генуэзцев, которые постепенно прибирали к рукам торговлю на Средиземном море. Ненависть к латинянам приняла своеобразную форму религиозной розни: на первый план были выдвинуты литургические догматические вопросы, и особенно страстно обсуждалось, следует ли употреблять для причащения квасной хлеб, по византийскому обычаю, или опресноки, как это делалось на Западе. Уже в начале XI в. имя римского папы перестали провозглашать во время богослужения в константинопольских храмах, а окончательный разрыв произошёл в 1054 г. В то время Рим переживал период укрепления папской власти, опиравшейся на клюнийское монашество; в Константинополе также усилилось влияние патриарха, пользовавшегося поддержкой столичной знати. Михаил Керуларий, занимавший в то время патриарший престол, по своему происхождению принадлежал к высшим кругам столичной знати. Он был человеком образованным, умным и властным. Скромный и непритязательный в частной жизни, он окружал себя роскошью во время публичных церемоний, в храмах и на заседаниях соборов и требовал от всех безусловного повиновения. Недаром Пселл в своих письмах к Керуларию упрекал патриарха в том, что он принижает царей и вмешивается в свеские дела.

Соперничество Рима и Константинополя усугублялось несмотря на то, что политическая обстановка требовала объединения их усилий: в это время в Южную Италию вторглись норманны, и для противодействия им Византия и папский престол нуждались в объединении сил. Однако переговоры о союзе против норманнов не имели успеха, и 16 июля 1054 г. папский посол кардинал Гумберт возложил на престол храма св. Софии грамоту с отлучением Керулария от церкви. В ответ на это 20 июля константинопольский собор объявил о предании анафеме римского папы и его послов. С этого момента единая католическая церковь распалась на две: западную, или римско-католическую, и восточную, или православную.

«Разделение церквей» 1054 г. явилось идеологической подготовкой наступления западных феодалов на восток, направленного как против славянства, так и против Византии. Оно облегчило феодалам Венеции и Венгрии захват земель славян Адриатики и упрочило их положение в занятых областях. Оно способствовало проникновению итальянского купечества и отрядов норманнов во владения Византии.

Тема 6. Византийская империя в XI — XII вв.— 2 часа.

1. Смена правящей династии в Византийской империи во второй половине XI в.
2. Социально-экономическое развитие и внутренняя политика Комнинов.
3. Византия и начало крестовых походов.
4. Культура Византии в эпоху Комнинов.
5. Обострение социально-политических противоречий в империи во второй половине XII в.

Литература:

- Заборов М.А.* Крестовые походы. М., 1956.
- Каждан А.П.* Загадка Комнинов // Византийский временник. М., 1964. Т. 25.
- Каждан А.П.* Социальный состав господствующего класса Византии в XI — XII вв. М., 1974.
- Каждан А.П.* Византийская культура (X — XII вв.). СПб., 2000.
- Портных В.Л.* Византия и идея крестового похода // «Деяния франков и прочих иерусалимцев»: учебно-методическое пособие. Новосибирск, 2010. С. 227-244.
- Сюзюмов М.Я.* Внутренняя политика Андроника Комнина // Византийский временник. 1957. Т. 12. С. 58–74.
- Успенский Ф.И.* Значение византийской и южнославянской пронии // Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В.И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности. СПб., 1883. С. 1–32.
- Хвостова К.В.* Прония: социально-экономические и правовые отношения // Византийский временник. 1988. Т. 49. С. 13–23.

Крестоносное рыцарство в столице Византии.

Из «Алексиады» Анны Комниной¹¹⁹

Кн. X, гл. 6. ... Латиняне, подобные Боэмунду и его единомышленникам, давно жаждавшие завладеть Ромейской империей, подчинить её себе, нашли, как я уже сказала, в призывах Боэмунда хороший предлог и возбудили всё это движение; они обманывали простодушных людей, прикидываясь, что отправляются против турок мстить за гроб господень, и продавали свои земли.

Гл. 7. Некто Гуго, брат короля Франкии¹²⁰, кичившийся, как Новат¹²¹, своей знатностью, богатством и силой, собираясь у себя на родине в путь к гробу господню и стремясь заранее обеспечить себе блестящую встречу, велел передать императору такие безумные слова. «Знай, — сказал он, — император, что я — царь царей и самый великий из живущих под небом,

¹¹⁹ *Заборов М.А.* История крестовых походов в документах и материалах. М., 1977. С. 63-72.

¹²⁰ Гуго Вермандуа — младший брат французского короля Филиппа I.

¹²¹ Новат — карфагенянин, в III в. возглавлявший одну из еретических сект.

поэтому, когда я прибуду, ты должен встретить меня с подобающей торжественностью и оказать приём, достойный моего происхождения».

... При переправе из Бари в Иллирик он попал в сильную бурю и потерял большую часть своих кораблей вместе с гребцами и воинами; лишь один челн, как раз тот, в котором находился Гуго, наполовину разбитый, был выброшен волнами на берег между Диррахием и Пали...

Дука¹²² принял его, целого и невредимого, поприветствовал, распросил, как и откуда он прибыл; узнав о несчастье, приключившемся в плавании, ободрил Гуго добрыми надеждами и предложил богатое угощение. Тотчас же известив... самодержца, дука ждал, что ему будет предписано дальше. Самодержец, узнав обо всём, спешно послал Вутумита¹²³ в Эпидами, который я часто называю Диррахием, с поручением доставить Гуго в столицу, держа путь не напрямик, а в объезд через Филиппополь, так как боялся продолжавших прибывать кельтских толп и отрядов.

Император принял Гуго с почётом¹²⁴, всячески выражая ему свою благосклонность, дал много денег и тут же убедил стать его вассалом и принести обычную у латинян клятву.

Гл. 8. ... Не прошло и пятнадцати дней, как Боэмунд, о котором часто упоминалось выше, высадился на берег у Кавалиона¹²⁵ с многочисленными графами и с войском, ни с чем не сравнимым по величине...

Гл. 9. В это же время граф Готфрид с другими графами и с войском, состоявшим из десяти тысяч всадников и семидесяти тысяч пехотинцев, тоже совершил переправу¹²⁶ и, дойдя до столицы¹²⁷, расположил своё войско на берегу Пропонтиды¹²⁸... Император настаивал на том, чтобы Готфрид переправился через Пропонтиду, тот же откладывал со дня на день и, приводя причину за причиной, оттягивал время. На самом деле он дожидался прибытия Боэмунда и остальных графов. Ибо если Пётр с самого начала предпринял весь этот огромный путь для поклонения гробу господню, то все остальные графы, и особенно Боэмунд, питая старинную вражду к самодержцу, искали только удобного случая отомстить ему за ту блестящую победу, которую он одержал над Боэмундом, сразившись с ним под Лариссой¹²⁹; их объединяла одна цель, и им во сне снилось, что они захватывают столицу; ... лишь для вида они все отправились к Иерусалиму, на деле же хотели лишить самодержца власти и овладеть столицей.

Но император, уже давно знакомый с их коварством, письменно приказал наёмным войскам и их командирам расположиться отрядами на

¹²² Дука — начальник пограничного округа.

¹²³ Мануил Вутумит — один из высших командиров флота при Алексее I Комнине.

¹²⁴ В ноябре 1096 г.

¹²⁵ Около Диррахия. Боэмунд отплыл из Италии в конце октября 1096 г. и собрал свои отряды в Иллирике в начале ноября.

¹²⁶ По сообщениям всех западных хронистов, ополчение Готфрида двигалось к Константинополю по суше.

¹²⁷ Крестоносцы Готфрида подошли к Константинополю 23 декабря 1096 г.

¹²⁸ Пропонтида — Мраморное море.

¹²⁹ В 1083 г.

территории от Афиры до Филея (это прибрежная местность у Понта) и быть настороже; если же будут посланы люди от Готфрида к Боэмунду или к идущим сзади графам или от них к Готфриду, то преградить им путь.

Между тем произошло следующее. Император призвал к себе нескольких графов, спутников Готфрида, и посоветовал им убедить Готфрида принести клятву. Этот разговор занял много времени из-за природной болтливости латинян и их любви к долгим речам; по их лагерю пронёсся ложный слух, что император велел задержать графов. Тотчас же на Византий двинулись густые фаланги; они сразу же разрушили до основания дворцы у Серебряного озера¹³⁰ и начали штурмовать стены Византия без гелепол (их не было у латинян). Полагаясь на свою многочисленность, они настолько обнаглели, что дерзнули поджечь ворота, находящиеся под императорским дворцом¹³¹ ...

При виде латинских фаланг не только городской сброд Византия, трусливый и не знающий военного дела, но и преданные императору люди принялись стенать, плакать и бить себя в грудь... Все, кто был знаком с военным делом, сбегались в беспорядке к императорскому дворцу. Однако сам император... остался спокойно сидеть на... троне, ободряя всех весёлым взглядом, вселяя надежды в души своих приближенных и советуясь с родственниками и военачальниками, что предпринять.

Прежде всего он запретил кому бы то ни было выходить из города и вступать в бой с латинянами — отчасти, чтобы не нарушать святость дней (был четверг той великой и святой недели, когда Спаситель принял за всех позорную смерть¹³²), отчасти, чтобы избежать братоубийственной бойни. Поэтому он много раз посылал гонцов к латинянам, убеждая их прекратить бой... Но они не только не послушались самодержца, а ещё тесней сомкнули свои фаланги и стали метать стрелы с такой силой, что даже ранили в грудь одного из стоявших у императорского трона... Когда... Алексей увидел, что латиняне дерзко подступают к стенам и не внемлют его разумным советам, то... велел подвергнуть латинян сильному обстрелу, но не целиться, а метить главным образом мимо, чтобы не убивать, а только устрашить латинян множеством стрел...

Других отборных воинов, вооружённых в большинстве своём луками и длинными копьями, он послал открыть ворота возле Святого Романа¹³³ и изобразить стремительное наступление на латинян... Воины с готовностью выполнили приказ императора... Завязалась жестокая и страшная битва; упорно сражались и всадники вне города, и те, кто стоял на стенах. Самодержец ввёл в бой свои собственные войска¹³⁴ и обратил латинские фаланги в бегство.

¹³⁰ Серебряное озеро находилось на некотором расстоянии от стен города, недалеко от Влахерн.

¹³¹ Влахернский дворец и ведущие к нему ворота (Влахернские).

¹³² 2 апреля 1097 г. Более точная дата описываемых событий — 13 января. Эту дату приводит хорошо осведомлённый в данном случае Альберт Аахенский.

¹³³ Ворота, возле которых находилась церковь, названная в честь этого святого.

¹³⁴ Личная гвардия императора.

На другой день Гуго, придя к Готфриду, посоветовал ему подчиниться воле императора и дать клятву хранить незапятнанную верность, если он не хочет вновь испытать на собственном опыте военный опыт самодержца. Но Готфрид сказал ему с порицанием: «Ты вышел из своей страны, как царь, с большим богатством и войском, и сам низвёл себя с такой высоты на положение раба, а теперь, будто совершив великий подвиг, ты приходишь советовать то же самое и мне». Гуго ответил: «Нам надо было оставаться в своей стране и не зариться на чужую; но мы дошли до этих мест и очень нуждаемся в покровительстве императора, нас не ждёт ничего хорошего, если мы не подчинимся ему». Гуго ушёл без всякого результата. Самодержец же, узнав, что идущие позади графы уже приближаются, послал к Готфриду некоторых из своих лучших военачальников с войсками, поручив им убедить Готфрида переправиться через пролив. Когда их увидели латиняне, они, не выждав ни мгновенья и даже не узнав их намерений, бросились в бой. В ожесточённой битве, завязавшейся между ними, было много убитых с той и с другой стороны; ранены были также (враги?) самодержца, которые дерзко напали на него. Так как императорские войска сражались с большим упорством, латиняне обратились в бегство.

Таким образом, спустя некоторое время Готфрид подчинился воле императора. Придя к нему, он дал ту клятву, которую от него требовали: все города и земли, которыми он овладеет и которые прежде принадлежали Ромейской империи, он передаст под начало того, кто будет назначен с этой целью императором. Поклявшись в этом, он получил много денег и стал гостем и сотрапезником императора¹³⁵. После пышных пиров он переправился через пролив и разбил свой лагерь под Пелеканом. Самодержец же распорядился, чтобы им в изобилии доставлялось всякое продовольствие.

Гл. 10. ... Приближалось новое бесчисленное множество людей, смешанное по составу, собранное почти из всех кельтских земель, во главе с предводителями — королями, герцогами, графами и даже епископами¹³⁶. Самодержец, человек удивительно умевший предвидеть будущее и заранее принимать нужные меры, отправил к ним послов с поручением дружелюбно их встретить и передать добрые слова. Он распорядился доставлять им в пути продовольствие и поручил это специально назначенным людям, чтобы у латинян не возникло ни малейшего повода и никакой причины к неудовольствию. Все они устремились к столице. И казалось, было их больше, чем звёзд на небе и песка на морском берегу..., и все они стремились в Константинополь... Когда они, наконец, достигли столицы, их войска расположились, по совету самодержца, у монастыря Космидия, растянувшись вдоль до Иерона¹³⁷.

... Император, желая склонить графов к той клятве, которую уже принёс Готфрид, стал приглашать их к себе по отдельности, с глазу на глаз

¹³⁵ По свидетельству Альберта Аахенского, Алексей, согласно обычаю своей страны, усыновил Готфрида.

¹³⁶ В действительности среди крестоносцев не было ни одного короля.

¹³⁷ Иерон находился на мысе Черноморского побережья, на европейском берегу Босфора.

объяснять им свои намерения, стараясь через благоразумных повлиять на непокорных. Но они, выжидая прибытия Боэмунда, не поддавались уговорам, а находили разные способы уклониться от клятвы и выдвигали то одно требование. Император легко опровергал все их аргументы и, пустив в ход разные средства убеждения, побудил их, наконец, дать ту же клятву, что и Готфрид, а его самого вызвал по морю из Пелекана, дабы клятва была подписана в его присутствии.

Когда все, в том числе и Готфрид, были уже в сборе и когда все графы дали клятву, кто-то из знати осмелился сесть на императорский трон. Император стерпел это, не сказав ни слова, так как давно знал надменный нрав латинян. Но граф Балдуин¹³⁸ подошёл к этому человеку, взял его за руку и, заставив встать, сказал с упрёком: «Нельзя так поступать, ведь ты обещал служить императору. Да и не в обычае у ромейских императоров, чтобы их подданные сидели рядом с ними. Тот же, кто, поклявшись, стал слугой его царственности, должен соблюдать обычаи страны». Тот ничего не сказал Балдуину, но, пронизав его недобрый взглядом, проговорил про себя на родном языке: «Что за деревенщина! Сидит один, когда вокруг него стоит столько военачальников».

От императора не ускользнуло движение губ латинянина. Подозвав одного из переводчиков с латинского языка, он спросил его о значении сказанного. Узнав смысл слов, он до времени ничего не сказал латинянину, но сохранил его слова в памяти. Когда же все прощались с императором, он подозвал к себе этого надменного и бесстыдного латинянина и спросил, кто он такой, откуда происходит и какого рода¹³⁹. Тот ответил: «Я — чистокровный франк знатного рода, и мне известно одно: в той местности, откуда я родом, есть храм на перекрёстке, сооружённый в древние времена. Туда приходит каждый, кто хочет сразиться на поединке. Вооружённый для единоборства, он просит помощи у бога и остаётся в ожидании того, кто отважится принять его вызов. Я тоже провёл долгое время на этом перекрёстке, ожидая того, кто сразится со мной, но никто не дерзнул».

Император, выслушав его, сказал: «Если раньше ты искал и не находил битвы, то теперь пришло твоё время насытиться битвами. Я советую тебе не находиться ни в задних рядах, ни в голове фаланги, а держаться в середине вместе с гемилохитами¹⁴⁰, ибо я давно уже знаю, как сражаются турки». Этот совет он давал не только ему; всем другим он тоже говорил о том, что ждёт их в пути, и советовал, когда бог пошлёт им победу, не поддаваться порыву и не преследовать варваров, чтобы не попасть в засаду и не погибнуть.

Гл. 11. ... Боэмунд же с другими графами достиг Апроса. Он знал, что не принадлежит к знатному роду и не имеет из-за недостатка денег многочисленного войска; поэтому, желая приобрести расположение самодержца и в то же время скрыть свои истинные намерения, он опередил

¹³⁸ Балдуин — младший брат Готфрида Бульонского, впоследствии граф Эдессы и король иерусалимский (1100 — 1118).

¹³⁹ Как полагает М.А. Заборов, речь, по-видимому, идёт о Роберте Парижском.

¹⁴⁰ Гемилохит — командир воинского подразделения — полулоха.

всех остальных графов и в сопровождении лишь десяти кельтов поспешил прибыть в царственный город. Император, давно знакомый с его интригами, с его коварным и обманчивым нравом, тоже торопился встретиться с ним раньше, чем придут остальные графы, хотел выслушать его и убедить переправиться через пролив до их прихода, ибо опасался, что Боэмунд, соединившись с теми, кто вот-вот должен был появиться, может обратить их мысли в другую сторону.

Император встретил Боэмунда весёлым взглядом и спросил, как прошёл его путь и где он оставил графов.

Боэмунд отвечал ему в соответствии со своим нравом. Алексей, шутя, напомнил о том, как дерзко Боэмунд сражался против него под Диррахием и Лариссой и об их прежней вражде. Боэмунд на это ответил: «Раньше я действительно был твоим врагом и противником, теперь же я пришёл к тебе как друг твоей царственности». Самодержец коснулся в разговоре многих тем и попытался выведать его мысли; видя, что Боэмунд готов принести клятву верности, он сказал: «Сейчас ты устал с дороги, пойдёшь и отдохни. Вскоре мы поговорим обо всём, о чём хотим».

От императора Боэмунд отправился в Космидий, где ему было приготовлено жильё; для него был накрыт богатый стол со всякими мясными блюдами и закусками. Затем повара принесли сырое мясо животных и птиц и сказали: «Мы приготовили эти блюда, как видишь, по нашим обычаям, но если они тебе не нравятся, то вот сырое мясо — его приготовят так, как ты захочешь». Сделать и сказать это велел им сам самодержец. Обладая способностью угадывать характеры, император понял, что человек этот злобен и недоброжелателен. Чтобы не было никаких недоразумений, он даже велел подать ему сырое мясо, ибо желал рассеять этим всякие подозрения. И Алексей не ошибся.

Коварный Боэмунд не только не отведал кушаний, но даже не захотел дотронуться до них кончиками пальцев. Он тотчас оттолкнул их от себя и, не обмолвившись и словом о своём подозрении, стал раздавать блюда присутствующим; он делал вид, что милостиво одаряет всех, а в действительности, как было видно всякому проницательному человеку, готовил им смертельный напиток. Он даже не скрывал, что хитрит, до такой степени Боэмунд презирал своих людей. Сырое же мясо он велел приготовить собственным поварам по обычаям своей страны. На другой день он спросил тех, кому роздал кушанья, как они себя чувствуют. Они ответили: «Даже очень хорошо», и сказали, что не испытывают никакого недомогания. Тогда Боэмунд открыл свои тайные мысли и произнёс: «А я, помня о своих войнах с Алексеем и о прежней битве, побоялся: не решил ли он умертвить меня, подмешав к еде смертельный яд».

Вот всё о Боэмунде.

... Позвав к себе Боэмунда, император и ему предложил принести обычную у латинян клятву. Боэмунд понимал своё положение..., кроме того, Боэмунд вообще был лжив по природе и поэтому с большой готовностью подчинился воле самодержца. Тогда император выделил одну комнату во

дворце и устлал весь пол разного рода ценностями, одеждами, золотыми и серебряными монетами и другими менее дорогими вещами. Комната оказалась настолько заполненной, что из-за множества вещей нельзя было сделать ни шагу. Император приказал тому, кто должен был показать всё это Боэмунду, открыть двери внезапно. И вот Боэмунд, поражённый зрелищем, воскликнул: «Если бы у меня было столько богатств, я бы давно овладел многими странами». Тогда тот: «Это всё пожаловал тебе сегодня император».

Боэмунд принял богатства с огромной радостью и, поблагодарив, отправился отдыхать в отведённые ему покои. Когда же ему принесли дары, он, забыв о своём прежнем восхищении, сказал: «Никогда я не ожидал такой обиды от императора. Возьмите это всё и отнесите тому, кто вас послал». Император же, зная непостоянный нрав латинян, ответил ему народной поговоркой: «Злоба его обратится на его голову»¹⁴¹. И вот Боэмунд. Который недавно сам от всего отказался, узнав об ответе императора и увидев слуг, потребовавших назад ценности, изменил тактику, весело взглянул на слуг и, подобно полипу, преобразился в одно мгновение. Этот человек, негодяй по природе, был очень находчив в любых обстоятельствах, а подлостью и бесстрашием настолько превосходил всех прошедших через нашу страну латинян, насколько уступал им в количестве войска и денег. Но, выделяясь среди латинян необычайной ловкостью, он обладал общим им всем природным качеством — непостоянством. Те самые богатства, от которых он отказался, принял теперь с большой радостью.

Настроен он был очень враждебно. Не владея никакими землями, он покинул родину для вида — ради поклонения гробу господню, на самом деле — чтобы добыть себе владения и, если удастся, то даже захватить трон Ромейской державы (ведь он следовал заветам своего отца)¹⁴². Но пустив, как говорится, в ход все средства, он сильно нуждался в деньгах. Самодержец, зная его злобу и недоброжелательство, искусно старался устранить всё, что могло способствовать его тайным замыслам...

... На другой день..., позвав к себе Боэмунда и всех других графов, он рассказал им о том, что их ждёт в пути, дал полезные советы, сообщил о способах ведения боя, какими обычно пользуются турки, научил, как нужно выстроить войско и как расположить засады, а также острёг их далеко преследовать турок, когда те обратят тыл. Смягчив дарами и речами дикий нрав латинян, дав им полезные советы, император побудил их к переправе.

Из всех латинян император выделил Исангела¹⁴³, которого полюбил за выдающийся ум, за искренность суждений и за чистоту жизни... Когда все графы заключили договор с самодержцем и через пролив Пропонтиду отбыли на Дамалис, самодержец, избавившись от тех хлопот, которые они ему доставляли, стал часто приглашать к себе Исангела; он раскрыл [ему] свои подозрения относительно намерений франков..., просил его неусыпно

¹⁴¹ Псалт. VII, ст. 17.

¹⁴² Отец Боэмунда Тарентского — Роберт Гвискар, герцог Сицилии, Апулии и Калабрии, воевал против Византии в 1081 — 1085 гг. В этих войнах участвовал и Боэмунд.

¹⁴³ Исангелом Анна Комнина называет Раймунда IV Тулузского, графа Сен-Жилля.

помнить о коварстве Боэмунда и, если тот захочет нарушить клятву, удержать его и любым способом расстроить козни. Исангел ответил самодержцу: «От своих предков Боэмунд как некое наследство получил коварство и вероломство, и будет величайшим чудом, если он останется верен своей клятве. Но я сделаю всё, чтобы выполнить твоё поручение». И, заключив договор с самодержцем, он уехал, чтобы соединиться с кельтским войском.

Ярмарка в Фессалонике в первой половине XII в.¹⁴⁴

V. День св. Дмитрия¹⁴⁵ такой же большой праздник, как Панафиней в Афинах или Панионий в Милете; это величайшее македонское торжество, и стекается на него народ не только тамошний, македонский, но всяческий и отовсюду: греки из разных областей Эллады, мисийские¹⁴⁶ племена, населяющие пространства вплоть до Истра¹⁴⁷ и пределов Скифии, кампанцы, италийцы, иберы¹⁴⁸, лузитанцы¹⁴⁹, кельты из-за Альп. Коротко говоря, даже прибрежье океана¹⁵⁰ посылает молящихся поклониться этому святому — так велика его слава по всей Европе. Я же, человек из дальней Каппадокии¹⁵¹, ... устроился на холме, возвышавшемся рядом с ярмарочной площадью, и без помехи всё разглядывал. Ярмарка выглядела так: палатки купцов, выстроенные одна против другой, тянулись ровными рядами, отстоя далеко друг от друга...

VI. Если же тебя, мой любознательный друг, интересуется, что заполняло прилавки и что я увидел, спустившись с холма, то, представь себе всё на свете, что создаётся руками ткачей и пряж, все решительно товары из Беотии и Пелопоннеса, всё, что торговые корабли везут к эллинам из Италии. Немалую долю вносят также Финикия, Египет, Испания и Геракловы столпы, славящиеся лучшими в мире коврами. Всё это купцы привозят прямо в древнюю Македонию и Фессалонику, а города Евксинского Понта¹⁵² сначала посылают свои товары в Византий и лишь затем обогащают ими ярмарку: множество выючных лошадей и мулов везут из Византия их дары. Правда, все эти вещи я увидел позднее, когда спустился. Но ещё наверху я дивился множеству всевозможных животных, голоса которых, сливаясь в мощный многоголосый рёв, наполняли мне уши: кони ржали, быки мычали, овцы блеяли, поросята хрюкали, собаки, сопровождавшие хозяев и охранявшие их порой от волков, порой от грабителей, лаяли.

¹⁴⁴ Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1963. Т. 2. С. 639-640.

¹⁴⁵ 26 октября старого стиля (8 ноября).

¹⁴⁶ Мисянами в X — XV вв. византийские писатели называли болгар, а с XII в. также владов Северо-Восточной Болгарии.

¹⁴⁷ Истр — Дунай, точнее — его среднее и нижнее течение.

¹⁴⁸ Иберы — возможно, грузины. Более вероятно — жители Пиренейского полуострова.

¹⁴⁹ Лузитанцы — жители западных областей Пиренейского полуострова (Лузитания — древнее название земель современной Португалии).

¹⁵⁰ Океан — Атлантический.

¹⁵¹ Каппадокия — область в центре полуострова Малая Азия.

¹⁵² Понт Евксинский — Чёрное море.

Торговые привилегии венецианцам в Византии (1148 г.)¹⁵³

... Венецианцам был дан хрисовул императорами, достойными памяти дедом моим¹⁵⁴, жалующим им различные блага, а за этим последовал и другой, данный императором, блаженнейшим и дражайшим господином и отцом моей царственности¹⁵⁵... Моя царственность твёрдо желает, чтобы они ежегодно получали во время выдачи руги 20 литр¹⁵⁶ и распределяли их ежегодно в своих церквах по своей воле. Благородный их дука (дож) удостоивается почётной должности протосеаста¹⁵⁷ с полной присвоенной этой должности ругой. Эта почётная должность присваивается не персонально данному [дуксу], но вечно, непрерывно будет передаваться дуксам – его преемникам. Патриарх удостоивается звания ипертима¹⁵⁸, т.е. сверхпочтенного, с ругой в 20 литр. И это почётное звание передаётся через преемников тем патриархам, которые будут избираться впоследствии, так что оно будет непрерывным и постоянным а не связано только лично с этим [патриархом].

Моя царственность также постановляет, чтобы святейшая церковь святого апостола и евангелиста Марка в Венеции получала от каждого амальфитянина¹⁵⁹, имеющего эргастии¹⁶⁰ в столице и во всей Романии и находящегося под властью настоящего патриарха, ежегодно по 3 номисмы. К этому даруются им также и эргастии, находящиеся в эмволе (крытой галерее) Перамы¹⁶¹ с прилегающими к нему площадями, которые имеют вход и выход на эмвол, простирающийся от еврейского квартала до Виглы¹⁶², обитаемый и необитаемый, в эргастиях которого постоянно находятся венецианцы и греки, а также 3 морские гавани, которые находятся в этой местности. Даруется также и св. Акиндину мельница, находящаяся вблизи от данной церкви, принадлежащая дому Петрии и дающая доход в 20 бизантинов¹⁶³. Равным образом жалуются им и церковь св. Андрея со всеми относящимися к ней императорскими пожалованиями, за исключением относящейся к ней афесии¹⁶⁴, которую нужно давать на хеландии¹⁶⁵. Жалуются им также право торговать во всех частях Романии всеми товарами¹⁶⁶... короче говоря, во всех частях [империи], находящихся под властью нашей благочестивой милости, без уплаты

¹⁵³ Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1963. Т. 2. С. 640-642.

¹⁵⁴ Имеется в виду Алексей I Комнин (1081 — 1118) и его хрисовул 1082 г.

¹⁵⁵ Имеется в виду Иоанн II Комнин (1118 — 1143); публикуемый ниже отрывок извлечён из хрисовула, данного венецианцам в 1126 г. Хрисовулы своего отца и деда подтвердил Мануил I (1143 — 1180) в 1148 г.

¹⁵⁶ Литр — денежная единица, равная 72 номисмам.

¹⁵⁷ Протосеаст — один из наиболее почётных титулов, дававшийся обычно родственникам императоров.

¹⁵⁸ Ипертим — один из высших титулов, жаловавшихся лицам духовного звания.

¹⁵⁹ Имеются в виду жители итальянского города Амальфи.

¹⁶⁰ Эргастий — ремесленная мастерская (одновременно лавка).

¹⁶¹ Перама часть берега залива Золотой Рог, пристани Константинополя.

¹⁶² Вигла — примыкающий к Пераме квартал Константинополя.

¹⁶³ Бизантин — золотая монета (солид).

¹⁶⁴ Афесия — вид налога.

¹⁶⁵ Хеландия — вид корабля.

¹⁶⁶ Далее следует перечисление городов, в которых разрешается торговля.

за собственную торговлю каких-либо торговых пошлин или других казённых сборов, как, например, каплокаламия¹⁶⁷, портовых, входных, дачи подарков, эксафолла¹⁶⁸ и других сборов, падающих на торгующих. Во всех местах торговли даётся им нашей царственностью льгота, заключающаяся в том, что они освобождаются от всяких поборов. Освобождаются от власти самого епарха¹⁶⁹, парафалассита¹⁷⁰, логофета, управляющего казначейством¹⁷¹, коммеркиариев¹⁷², хартуляриев¹⁷³, гипологов¹⁷⁴ и чиновников подобного рода, причём никто из тех, кто держит власть на местах и выполняет общественную службу, не может пренебрегать определённым здесь. Разрешается им торговля всякими вещами и товарами, а также покупка всего, что им нужно, без уплаты каких-либо сборов.

Так определило и решило священное благочестие моей царственности, и ничто не может мешать им, как истинным и прямым моим рабам, помощникам против врагов и обещающим оставаться таковыми вечно. Никто не может думать обратное этому и противиться, чтобы ни были переданы указанные эргастии и пристани, чьи бы они ни были — церковные, частные или государственные или священного дома...

... Если же кто нарушит что-либо из пожалованного в настоящем хрисовуле, с него немедленно будет взыскано приказом императорских имуществ¹⁷⁵ 10 литр золота, и он уплатит вчетверо больше, чем у них захватит, так как это твёрдо и незыблемо установлено настоящим благочестивым хрисовулом, написанным в мае месяце 5-го индикта 6200 года¹⁷⁶, в котором его и подписала богоустановленная и благочестивая моя царственность.

Подтверждая этот хрисовул, моя царственность твёрдо желает, чтобы всё было выполнено так же, как изложено в пожаловании... на котором подписалась и моя богоустановленная и благочестивая царственность... Моя царственность желает и постановляет, чтобы они торговали и на островах Крит и Кипр и чтобы за это никто ничего с них не взимал.

Никита Хониат¹⁷⁷ о раздаче земель под условием несения военной службы (XII в.)¹⁷⁸

У ромеев принято за правило — да я думаю, что это правило имеет силу и у самих варваров, — давать на содержание воинам жалованье и делать

¹⁶⁷ Каплокаламий — пошлина, взыскиваемая с судов.

¹⁶⁸ Эксафолл — налог в пользу чиновников фиска.

¹⁶⁹ Эпарх — высшее должностное лицо в столице, ведавшее судом, торговлей и ремёслами.

¹⁷⁰ Парафалассит — подчинённый епарху чиновник, имевший право суда над лицами, занимавшимися морской торговлей и перевозкой грузов.

¹⁷¹ Здесь глава финансового ведомства (секрета).

¹⁷² Коммеркиарий — чиновник фиска, взыскивавший торговые пошлины и налоги.

¹⁷³ Хартулярий — здесь надзиратель фиска за доходами казны.

¹⁷⁴ Гиполог — чиновник финансового ведомства.

¹⁷⁵ Ведомство, управлявшее владениями и доходами императорской семьи.

¹⁷⁶ Явная ошибка или ошибка писца: должен быть 6590 (1082) год; цитируется хрисовул Алексея I.

¹⁷⁷ Никита Хониат — византийский писатель и политический деятель (середина XII в. — 1213).

¹⁷⁸ Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1963. Т. 2. С. 633-634.

им частые смотры, чтобы видеть, хорошо ли они вооружены и заботятся ли надлежащим образом о лошадях, а людей, вновь вступающих на военную службу, прежде испытывать, здоровы ли и сильны ли они телом, умеют ли стрелять и владеть копьем, и потом уже вносить в списки. Но этот император¹⁷⁹ все деньги, какие должны были идти на содержание воинов, собирал себе в казнохранилище, как воду в пруд, а голод войск врачевал пожалованием париков, воспользовавшись делом, придуманным прежними императорами и только изредка допускаясь для таких воинов, которые часто разбивали врагов. Через это он, сам того не замечая, и ослабил войско, и перевёл бездну денег в праздные утробы, и привёл в дурное положение ромейские провинции.

При этом порядке вещей лучшие воины утратили соревнование в опасностях, так как то, что побуждало выказывать их воинскую доблесть, не было уже, как прежде, чем-то особенным, что предоставляется только им одним, а сделалось доступным для всех. И жители провинций, которые прежде имели дело с одним лишь государственным казначейством, терпели величайшие притеснения от ненасытной жадности воинов, которые не только отнимали у них серебро и оболы¹⁸⁰, но и снимали с них последнюю рубашку, а иногда и разлучали их с самыми дорогими для них предметами. От того всякому хотелось попасть в число воинов, и один, простившись с иголкой, потому что она с трудом доставляла скудное пропитание, другие, бросив ходить за лошадьми, иные, отмыв кирпичную грязь, а иные, очистив от себя кузнечную сажу, являлись к вербовщикам и, подарив персидского коня или несколько золотых монет, зачислялись без всякого испытания в полки, тотчас же снабжались императорской грамотой и получали в надел пространства хорошо орошённой земли, плодоносные нивы и податных ромеев, которые должны были служить им в качестве рабов. Случалось даже, что ромей платил подать презренному полуварвару, который никогда не видел боевого строя, между тем как сам он был человеком почтенным, прекрасно знал военное дело и имел такие преимущества перед тем, кто брал с него подать, что казался перед ним Ахиллесом или был по отношению к нему тем же, чем человек, у которого вооружены обе руки, в сравнении с человеком, который от болезни не может протянуть и одной. Положение ромейских провинций, естественно, было вполне достойно таких беспорядков в войсках. Одни из них страдали от иноплеменников, а другие были разоряемы своими, словно чужими.

Глава VI¹⁸¹

Век Комнинов (1081 — 1204)

I. Императоры династии Комнинов. — II. Внешняя политика Комнинов (1081 — 1180). — III. Правление Комнинов и византийская культура XII в. — IV. Византийская империя в конце XII в. (1180 — 1204).

¹⁷⁹ Мануил Комнин (1143 — 1180).

¹⁸⁰ Обол — мелкая медная монета.

¹⁸¹ Диль III. История Византийской империи. М., 1948. С. 99-117.

I

Императоры династии Комнинов

Так же как Капетинги во Франции, Комнины принадлежали к крупному феодальному роду, и их вступление на престол, казалось, знаменовало торжество крупной военной аристократии. Как и Капетинги, Комнины сумели восстановить поколебленную власть императора, укрепить государство, истощённое тридцатилетней анархией и, несмотря на возраставшие трудности, дать ему ещё столетие величия и славы. Правда, время было слишком сурово, обстановка слишком затруднительна, чтобы Комнины полностью могли вернуть Византии её былой блеск и процветание.

Турки остались в Иконии; на Балканах при помощи разраставшейся Венгрии славянские народы создали почти независимые государства; наконец, на Западе подымалась серьёзная опасность в результате грандиозных и несвоевременных захватнических устремлений Византии, честолюбивых политических планов, порождённых первым крестовым походом, и экономических вождедений Венеции. Несмотря на всё это, Комнины озарили империю последним лучом величия, и в период упадка на протяжении последних столетий народы Византии очень часто вспоминали век Комнинов как самую блестящую и счастливую эпоху.

Выходцы из крупной аристократической и военной семьи, императоры рода Комнинов были прежде всего солдатами. Но этим не исчерпывается их характеристика. Алексей, основатель династии (1081—1118), был человеком умным, твёрдым и тонким; крупный полководец, ловкий дипломат, превосходный администратор — он оказался именно тем человеком, который был необходим в период кризиса, переживаемого империей. И действительно, он прекрасно сумел дать отпор внешним врагам империи и восстановить порядок и власть внутри страны. Не менее выдающимся государем оказался его сын и наследник Иоанн (1118—1142). Новый император получил суровое воспитание и отличался строгим нравом, пренебрежительным отношением к роскоши и удовольствиям, обладал нежным и великодушным характером и осторожным умом; благодаря своему высокому моральному облику, он заслужил прозвище Иоанна Превосходного (Калоян). Отважный, мечтающий о военной славе, он прекрасно представлял себе задачи императора и ставил перед собой весьма высокие политические идеалы. Его отец защитил границы; он мечтал их раздвинуть, вновь завоевать потерянные провинции империи и вернуть ей былое величие. Сын Иоанна Мануил (1143—1180) был самым обаятельным из Комнинов. Умный, любезный и великодушный, он был одновременно и византийским басилевсом — культурным, просвещённым, даже богословски образованным — и западным рыцарем. Этот поразительно отважный воин более чем кто-либо другой из греческих государей имел склонность к западным нравам, и латиняне на которых он во многом был похож, восхищались им больше, чем каким-либо другим императором. Поклонник роскоши и наслаждений, он прославился в XII в. своими похождениями. Вместе с тем это был крупный и весьма честолюбивый политический

деятель; его завоевательные планы, по большей части совершенно утопические, простирались на всю современную ему Европу. Он потребовал от империи непомерного напряжения всех сил и этим истощил её и приблизил к гибели; но тем не менее в силу грандиозного размаха своих замыслов и настойчивого стремления осуществить их он остаётся, быть может, последним великим государем, занимавшим императорский трон. Наконец, Андроник (1183—1185), последний и самый своеобразный из Комнинов, соединял с великолепными дарованиями политического ума и военной храбрости, с ещё более редкими качествами изящества и обаяния дух интриги и авантюры, отсутствие совестливости и морального чувства, порой свирепость и жестокость, что в целом делает его одной из самых ярких фигур византийского мира. Прославившись своими романтическими похождениями и скандальной жизнью, Андроник, при вступлении на престол, давал современникам основания думать, что по своим высоким качествам «он мог быть равен самым великим». Он мог бы стать спасителем и обновителем империи; но он лишь ускорил её падение. Менее чем через двадцать лет после него — двадцать лет, полных анархии — Константинополь был захвачен латинянами (1204), и империя, восстановленная Комнинами, распалась на клочки.

II

Внешняя политика Комнинов (1081 — 1180)

Политика на Балканах. К концу XI в. господство империи на Балканах было сильно поколеблено. От Византии начали отпадать её недовольные вассалы — славяне. Хорватия с 1076 г. стала независимым королевством; Сербия. Вновь восставшая в 1071 г., почти не признавала византийского господства; придунайская Болгария была занята печенегами, а её западную часть лишь с трудом удалось подчинить игу Византии. Во Фракии проявлялась беспокойная религиозная оппозиция — ересь богомилов, которая с X в. чрезвычайно развилась в стране, целиком населённой павликианами, и служила, как это всегда бывало в Византии, средством для проявления национального антагонизма. Но особенно опасной была разраставшаяся по ту сторону Дуная Венгрия, которая стремилась играть крупную политическую роль и занять в ущерб Византии её место в делах Балкан.

В 1084 г. восстали еретики во Фракии, призвавшие себе на помощь печенегов. В два приёма (1086 и 1088) варварские орды сокрушили византийскую армию, и Византии пришлось просить мира (1089). Но печенеги не замедлили вернуться. На этот раз Алексей Комнин нанёс им на берегу Лебурния такое кровавое поражение (1091), что их можно было считать уничтоженными, по крайней мере на одно поколение. Тем не менее они вновь явились в 1121 г. Иоанн Комнин нанёс им новое поражение (1122). Отныне печенеги сходят с исторической арены. Всё же византийцы долго ещё сохраняли воспоминание о них и ежегодно торжественно праздновали день их разгрома.

Но столкновение с печенегами были лишь незначительным эпизодом. Большие опасения внушала Сербия. Константин Водин подчинил Диоклею, Боснию, Рашку и основал единое государство, с которым Алексей Комнин не мог ничего поделать (1091—1094). К счастью для Византии, молодое королевство очень скоро распалось вследствие анархии. Иоанн Комнин воспользовался этим, чтобы вновь подчинить византийскому господству часть страны; однако Рашка осталась независимой; ей предстояло стать очагом национального сопротивления и возрождения королевства. Наконец, для того, чтобы приостановить успехи Венгрии, расширявшейся в сторону Хорватии, Боснии, Далмации и дававшей чувствовать своё влияние в Сербии, имперская политика, согласно старинным приёмам своей дипломатии, стремилась поставить там преданного Византии государя.

Венгрия, расположенная между Германской и Византийской империями, занимала важное место на европейской шахматной доске. Константинопольские государи стремились привлечь её на свою сторону. Иоанн Комнин вмешался в венгерские распри, чтобы оказать поддержку Беле Слепому, сыну свергнутого короля Коломана, и хотя ему и не удалось восстановить Белу на престоле, он всё же по договору от 1126 г. обеспечил для себя предместное укрепление Браничевы. Мануил Комнин приложил ещё больше усилий, чтобы приостановить захваты, совершаемые Венгрией, и вырвать из-под её опеки славянские государства. Он вновь подчинил сербов византийскому господству (1151) и поставил им правителем Стефана Неманю (1163), который оказался, несмотря на отдельные проявления своеволия, верным и покорным вассалом, по крайней мере, пока был жив император. Мануил в ряде удачных кампаний разбил венгров (1152—1154) и в 1156 г. принудил их к выгодному для империи миру. Когда затем умер король Гейза II (1160), Мануил вмешался в борьбу за престол и поддержал против Стефана III юного Белу, которого намеревался даже сделать своим зятем. Однако Венгрия всё более определённо ориентировалась на Германию. Тогда Мануил возобновил войну (1165). Зегмин и Сирмий попали в руки византийцев; Далмация, давно уже потерянная, была вновь завоёвана; победа при Зегмине вынудила, наконец, Венгрию к миру (1168). По этому миру империя получила Далмацию и часть Хорватии. Несколько лет спустя ставленник Мануила занял престол святого Стефана. Бела III (1173—1196), так же как и Стефан Неманя в Сербии, оставался верным вассалом Византии, пока был жив император. Всё это были крупные достижения, оказавшиеся, к несчастью, эфемерными.

Восточная политика. Азия ещё больше, чем Балканы, привлекала внимание Комнинов. В результате продолжительных успехов турок-сельджуков греки постепенно были изгнаны почти из всех восточных областей. Турецкий эмир Сулейман правил в Кизике и в Никее, и Алексей Комнин, занятый другими, более неотложными заботами, оказался вынужденным признать за ним эти завоевания (1082). В 1085 г. в руках неверных оказалась Антиохия. В Смирне эмир Цахас (1089—1090), построив флот, стал грозить Константинополю. К счастью для Византии, смерть Малек-шаха (1092) повлекла за собой распад сельджукской империи. Греки воспользовались этим, чтобы вновь

вступить в Вифинию, и новый иконийский султан Килидж-Арслан (1092 — 1106) был вынужден заключить мир.

Не меньшую выгоду извлёк Алексей Комнин из первого крестового похода. Захват Никеи латинянами (1097) позволил ему отвоевать важную часть побережья Анатолии, Смирну, Эфес и т.д. И хотя император довольно скоро поссорился с крестоносцами, он тем не менее весьма ловко сумел извлечь пользу из того замешательства, в которое эти последние повергли неверных. К тому же смерть Килидж-Арслана I сильно ослабила Иконийский султанат. В 1116 г. император предпринял мощное наступление и после победы при Филомелии смог принудить турок к заключению мира. Когда умер первый Комнин, империя обладала в Анатолии Трапезундом и всем побережьем Чёрного моря до Антиохии, всей областью, расположенной на восток от линии, проходящей через Синоп, Гангр, Анкир, Аморий и Филомелий. Таким образом, в Азии, как и на Балканах, Алексей блистательно восстановил могущество Византии.

Иоанн Комнин ещё больше занимался положением в Азии. На Востоке он преследовал двойную цель: расширить византийскую границу до Антиохии и Евфрата и подчинить своему господству армянских правителей Киликии и латинские государства, родившиеся на Востоке в результате крестовых походов.

С самого начала своего правления (1119—1120) он отвоевал всю область, расположенную между долиной Меандра и Атталией, подчинив себе таким образом клин, образованный мусульманскими владениями на севере и юге Анатолии. С 1130 г. он начал действовать в Пафлагонии, и византийская армия дошла до берегов Галиса. Гангр и Кастамуни были отвоеваны у турок (1134), и давно утраченные земли вновь вернулись к империи. Впоследствии мы увидим, каким образом император заставил почувствовать своё могущество в Киликии и Сирии, как перед лицом армянских и латинских правителей он явился верховным главой и главнокомандующим, готовым вести их против неверных. До самого конца правления его главной заботой была борьба с мусульманами и отвоевание Азии. В 1139 г. он руководил экспедицией против Новой Кесарии; в 1142 г., накануне своей смерти, он мечтал вновь завоевать Сирию.

Манул Комнин первоначально продолжал политику своего отца. В 1146 г. он дошёл до стен Икония. Но нападение норманнов и второй крестовый поход вынудили его сосредоточить всё внимание на Западе (1147). Лишь значительно позднее он смог вновь обратить своё взор на Восток. Но в то время как он подобно отцу мечтал установить своё господство в армянских и латинских государствах и преуспел в этом, его политика в отношении турок оказалась и менее основательной и более слабой. В середине XII в. было бы достаточно одного мощного удара, чтобы разрушить Иконийский султанат и отвоевать всю Азию до Тавра. Мануил, увлечённый честолюбивыми мечтами своей западной политики, не сумел нанести этот удар. Он дал обмануть себя внешними знаками подчинения, на которые не скупился ловкий султан Икония Килидж-Арслан II (1156—1192), и безрассудно предоставил ему возмож-

ность укрепиться, последовательно разбить своих противников и создать единое и мощное государство на месте мелких княжеств, чьи раздоры были так выгодны для империи. Вместо того чтобы действовать, Мануил в течение одиннадцати лет (1164—1175) ограничивался чисто оборонительной политикой, занимаясь укреплением своих границ; когда же наконец он понял опасность и начал наступление, было слишком поздно. Императорская армия потерпела при Мириокефале (1176) страшный разгром. Правда, успешные кампании в Вифинии и в долине Меандра частично сгладили несчастные последствия этого разгрома, но всё же к концу правления Мануила мусульмане были гораздо сильнее, чем в начале его. Иконийский султанат стал грозным государством, а с 1174 г. в Сирии начал править Саладин.

Западная политика. Норманны и венецианцы. В эпоху Комнинов более тесные сношения между Византией и Западом создали для империи новые заботы и породили у её правителей обширные честолюбивые планы. Ось византийской политики сместилась, и это принесло империи большие бедствия.

В тот момент, когда Алексей Комнин вступил на престол, норманны Роберта Гвискара высадились в Эпире (1081). Император сумел ловко использовать против них союз с Венецией, дорого, впрочем, заплатив за него. Тем не менее императорская армия потерпела жестокое поражение в окрестностях Диррахия (1081), которым вскоре завладел Гюискар. В течение следующего года Боэмунд добился поразительных успехов в Эпире и Македонии, вплоть до Фессалии. Однако перед Лариссой он задержался на полгода и понемногу, вследствие упрямства императора, счастье ему изменило. Норманнская армия, уменьшившаяся в результате заболеваний, ослабленная наступлением греков и ещё более дезорганизованная усилиями имперской дипломатии, принуждена была бить отбой. На море венецианцы разгромили норманнский флот (1085). Со смертью Роберта Гюискара положение византийцев было окончательно восстановлено. Норманнская опасность была устранена.

Вскоре, однако, она возникла вновь. В 1105 г. Боэмунд, ставший правителем Антиохии, обратился ко всему Западу с призывом к грандиозному походу против греков, а в 1107 г. он высадился в Валоне. Снова ловкий Алексей восторжествовал над противником. В 1108 г. вождь норманнов должен был подписать довольно унижительный мир, который подчинял его верховной власти империи. Для Византии это было большим успехом.

Тем не менее в последующие годы норманнское королевство обеих Сицилий продолжало непрестанно расти. Уже Рожер II внушал сильное беспокойство Иоанну Комнину, искавшему против него поддержки в Германии (1137). Через десять лет произошёл разрыв. В 1147 г. норманнский флот появился в Архипелаге, опустошил Эвбею и Аттику, разграбил Коринф и Фивы и перевёз в Палермо ремесленников, работавших в шёлковых мастерских этих двух крупных ремесленных городов. Мануил Комнин, занятый другими делами, сначала ничего не мог поделать против этого вторжения. Но вскоре благодаря союзу с Венецией он вернул Корфу (1149) и перенёс войну в Италию, где занял Анкону (1151). И всё же, несмотря на смерть Рожера II (1154)

и на большую коалицию, которую византийская дипломатия сумела ненадолго составить против короля Сицилии, византийцы ничего не добились ни на суше, ни на море. В 1158 г. Мануил вынужден был подписать с Вильгельмом I мир, оказавшийся весьма непрочным, ибо отношения между двумя государствами оставались напряжёнными: Запад ни под каким видом не желал видеть Италию подчинённой византийскому влиянию; особенно обеспокоена была Венеция, союзница Византии в былые времена. Сначала венецианцы охотно поддерживали византийцев против норманнов и за свою помощь получили от Алексея Комнина широкие торговые привилегии на всём Востоке (1082). Но несмотря на добрые политические отношения, дерзость венецианских купцов вскоре стала живо задевать византийцев. Уже Алексей, чтобы несколько ослабить монополию венецианцев, пожаловал аналогичные привилегии пизанцам (1111). Иоанн Комнин отказался возобновить договор с Венецией, и оказался вынужденным уступить, он старался по крайней мере, как и его отец, нейтрализовать венецианское влияние посредством договоров с Пизой (1136) и Генуей (1143).

Манул также сначала усиленно искал союза с Венецией против норманнов и платил за него широкими уступками (1148). Но разлад между Византией и Венецией непрерывно увеличивался. Высокомерие и резкость венецианцев раздражали греков; с другой стороны, честолюбивые планы Мануила в отношении Италии беспокоили Венецианскую республику; когда император занял Анкону и захватил Далмацию, Венеция поняла, что её господству на Адриатике грозит опасность. Отныне разрыв стал неизбежным. Манул вызвал его, приказал арестовать всех венецианцев, обосновавшихся в империи (1171). В ответ на это республика послала свой флот занять Хиос и опустошить острова Архипелага и заключила союз с королём Сицилии. Манул уступил (1175) и вернул венецианцам их привилегии. Но отношения оставались такими же натянутыми и недружелюбными, как и с норманнами, и близился день, когда норманны и венецианцы заставили империю жестоко почувствовать эту вражду.

Византийская империя и крестоносцы. Крестовые походы ещё больше обострили антагонизм между византийским Востоком и латинским Западом. Когда армии первого крестового похода появились под стенами Константинополя (1096), Алексей Комнин, обращавшийся к поддержке Запада только в случаях нужды в наёмниках, был чрезвычайно обеспокоен экспедицией, смысла которой он не понимал, тем более, что одним из её военачальников был его старинный враг Боэмунд. Однако, несмотря на насилия, которые позволяли себе латиняне, несмотря на плохо скрытые наглость, жадность и честолюбие крупных баронов, император попытался достигнуть с ними соглашения: слишком слабый, чтобы их изгнать, он постарался их использовать. Оценив положение, он льстил себя надеждой, что ему удастся завербовать крестоносцев на службу империи, связать их вассальной присягой и использовать для завоевания Азии. Сначала, казалось, он в этом преуспел. Руководители крестоносцев один за другим принесли Алексею присягу и обязались вернуть ему все города, некогда принадлежавшие империи, какие они

захватят у турок (1097). Именно в силу этого соглашения отвоёванная Никея была возвращена грекам, и несколько византийских отрядов отправились вначале вместе с крестоносцами. Но когда после взятия Антиохии крестоносцы, забыв свои обещания, отдали город Боэмунду (1098), когда они отказались дожидаться императора, чтобы идти на Иерусалим (1099), наступил разрыв. Алексей не мог простить Боэмунду его захватов; не лучше были отношения и с латинянами, обосновавшимися в Сирии. Неудача крестового похода 1101 г., которую на Западе ставили в вину грекам, ещё более углубила разлад. Неудачное выступление Боэмунда против империи (1107) увеличивало неприязнь латинян к Византии. В действительности крестоносцы были более виновны, чем император; тем не менее по всему Западу распространялась легенда, возбуждавшая вражду против Византии. Между двумя мирами возникла пропасть.

Не лучше обстояло дело и во время второго крестового похода (1147). Правивший тогда Мануил, так же как и Алексей, был чрезвычайно озабочен появлением под стенами столицы больших армий, предводительствуемых германским королём Конрадом III и французским королём Людовиком VII. С немцами он сумел как-то договориться и быстро от них избавился; с французами же у него обнаружилось столько разногласий, что был момент, когда крестоносцы подумывали о захвате Константинополя. Когда в этой обстановке выяснилась неудача крестового похода, её приписывали прежде всего коварству византийцев, чья жадность действительно была возмутительной, и Запад намеревался даже одно время направить крестовый поход против Византии, чтобы отомстить за крах экспедиции (1150). Впрочем, имперская политика по отношению к латинянам, обосновавшимся на Востоке, оправдывала это недоверие и усугубляла вражду между двумя мирами. Норманнское княжество в Антиохии, образованное после первого крестового похода, было чрезвычайно стеснительным для византийцев вследствие притязаний его руководителей Боэмунда и Танкреда. Византийцы изо всех сил боролись против него и оружием и дипломатией; был момент, когда договор 1108 г., навязанный Боэмунду, обеспечил, казалось, успех имперской политике, подчинив Антиохию верховной власти Византии. Но этот договор никогда не выполнялся. Приходилось всё начинать сначала.

Иоанн и Мануил Комнины занялись этим с ещё бóльшим рвением. Оба они мечтали действительно установить свою власть в армянских княжествах Киликии и в латинских государствах Сирии, и им удалось этого добиться.

К 1131 г. Лев, правитель Армении, значительно расширил свои владения за счёт византийской Киликии и заключил союз с соседними государями Антиохии, которых Византия всегда считала своими взбунтовавшимися вассалами. Иоанн Комнин воспользовался первым удобным случаем для вмешательства. Он подчинил себе Киликию (1137), заставил Раймунда Тулузского, князя Антиохии, принести вассальную присягу и в 1138 г. возглавил большую экспедицию против мусульман как настоящий повелитель французской Сирии. Ему удалось овладеть Антиохией, но это не удовлетворило его честолюбия. В 1142 г. он вновь появляется в Киликии, чтобы создать из земель

армянских княжеств и Антиохии удел для своего любимого сына Мануила. Смерть помешала осуществлению его намерений (1143), и князь Антиохийский счёл момент подходящим, чтобы взять реванш и восстановить свою независимость. Вскоре Мануил дал ему понять, что намеревается продолжать политику своего отца.

Раймунд, потерпев поражение, должен был явиться с повинной в Константинополь и признать себя вассалом императора (1145). Несколько позднее, в 1158 г., Мануил ещё решительнее подчеркнул свою роль верховного повелителя. Он завоевал Киликию, жестоко покарал Рено Шатильонского, князя Антиохии, и во главе всех латинских правителей Сирии совершил торжественный въезд в Антиохию.

Даже иерусалимские короли испытывали византийское влияние; они поставляли имперской армии солдат, заключали с Комнинами династические браки (со своей стороны и Мануил в 1161 г. женился на латинской принцессе Марии Антиохийской), совместно с греками совершали походы в Египет (1169). Византийская культура проникала во французскую Сирию, где, впрочем, был весьма значителен и личный авторитет Мануила. Казалось, что честолюбивые замыслы Византии осуществились. Во всяком случае, истощая силы латинян Сирии, Византия ослабила силу их сопротивления неверным; но главное, она ещё более углубила ненависть, которую питал к ней Запад.

Завоевательная политика Комнинов. Обширные и безрассудные цели политики Мануила на Западе окончательно противопоставили друг другу эти два мира.

Как многие из их предшественников, Комнины мечтали восстановить свою власть над Римом, будь то посредством силы или союза с папством, и разрушить Западную империю, факт существования которой всегда представлялся им узурпацией их прав. Особенно старался осуществить эти мечты Мануил Комнин. Мы уже видели, что победа над норманнами побудила его вторгнуться на полуостров, что в Венгрии, как и в Италии, он столкнулся с Германской империей, где с 1152 г. правил Фридрих Барбаросса. Можно с уверенностью сказать, что западная политика занимала существенное место в помыслах императора и что в продолжение всего своего царствования он упорно преследовал различными средствами — и оружием, и дипломатией — намеченную им честолюбивую цель.

Разрыв между Барбароссой и папой (1158) дал Мануилу повод сблизиться с Римом. Он принял сторону Александра III (1161) и подал ему надежду на восстановление церковного единства; за это он мечтал получить от него императорскую корону на Западе. Одновременно он направил свои дипломатические усилия на то, чтобы поднять против Барбароссы его врагов, поддерживал Ломбардскую лигу, субсидировал Анкону, Геную, Пизу, Венецию. Помимо этого, продолжая интриговать в Италии и в Германии, Мануил мечтал установить соглашение с германским императором. Из этих сложных утопических проектов не получилось ничего реального. Папа не мог согласиться стать византийским епископом в Риме, который был бы превращён в столицу восстановленной империи; итальянские республики не доверяли че-

столюбивым проектам Мануила; Барбаросса, выведенный из терпения двуличной политикой греков, становился враждебным и угрожающим (1177).

Таким образом, притягательное действие, которое оказывал на Мануила Комнина Запад, оказалось бедственным для империи. Своими симпатиями к латинянам Мануил раздражал греков; с другой стороны, его честолюбивые замыслы привели к тому, что весь Запад объединился против Византии; империя была истощена чрезмерным напряжением, которого требовала от неё его политика. Казалось, что Мануил стяжал империи несравненную славу во всём мире и сделал Константинополь центром европейской политики; но по существу, когда он умер (1180), Византия оказалась разорённой и ненавидимой латинянами, готовыми в любой момент напасть на неё. В то же время в стране назревал серьёзный внутренний кризис.

III

Правление Комнинов и византийская культура XII в.

Три первых императора из дома Комнинов прилагали большие усилия к тому, чтобы вернуть власти императора её былое могущество, а империи расцвет. Они сделали очень многое для реорганизации армии, главным образом путём увеличения числа наёмников, толпами являвшихся с Запада; с другой стороны, они несколько неблагоразумно пренебрегали флотом, чрезмерно доверяя союзу с Венецией и её флоту, с помощью которого они рассчитывали обеспечить своё господство на морях; но в целом они всё же сумели создать грозную военную силу, способную и защитить восстановленную империю, и поддержать окрепшую императорскую власть. Как Алексей, так и Иоанн тщательно заботились о финансах; и хотя налоги были действительно обременительны, а фискальная тирания тяжела для подданных, хотя правление Мануила обошлось империи слишком дорого вследствие расходов, которых требовали войны, дипломатия и пристрастие императора к роскоши, — тем не менее в XII в. Византийская империя была богата, и её торговля действительно процветала, несмотря на ошибки экономической политики, которая допускала постепенное вытеснение на восточных рынках греков иностранцами, несмотря на растущие притязания торговых итальянских городов, всё более и более использовавших империю в своих интересах и обосновавшихся в ней как в завоёванной стране.

С другой стороны, Комнины проявляли большое внимание к церкви. Они с одинаковым усердием подавляли и свободную мысль, когда эта последняя проявилась в возрождении платоновской философии в стенах Константинопольского университета. Они тщательно следили за нравами духовенства и особенно старались сделать более простой и назидательной жизнь монахов, для которых в конце XI в. святой Христул, при поддержке Алексея Комнина, основал образцовый монастырь в Патмосе (1088). Они увеличивали в Константинополе количество благочестивых учреждений: монастырей, больниц, церквей, причём самой замечательной из них была церковь Вседержителя, созданная императором Иоанном с целью превратить её в

крупный центр монашества и странноприимства и одновременно наделить её такой же ролью, какая во Франции принадлежала собору Сен-Дени. Наконец, можно назвать немного дворов, столь изящных и утончённых, как двор Комнинов. Влахернский дворец в глубине Золотого Рога, куда императоры перенесли свою резиденцию, был, по свидетельству современников, чудом роскоши и красоты. Здесь вокруг государя, особенно в эпоху Мануила, собиралось общество, поглощённое развлечениями и празднествами, были позаимствованы даже некоторые излюбленные развлечения Запада, например, турниры и мистерии; в этом обществе большое место занимали интриги и авантюры, женщины блистали там своим кокетством и изяществом, и весь этот юный, пылкий и полный страстей мирок равно интересовался как истинной наукой, так и оккультизмом, магией и астрологией.

Для того, чтобы определить уровень духовной культуры, которого достигла в XII в. Византия, достаточно назвать имена таких писателей, как Анна Комнина, Никифор Вриенний, Никита акоминат и Евстафий Фессалонийский. Началось подлинное возрождение классического духа и античной традиции. Императоры оказывали покровительство учёным и эрудитам, богословам и риторам, чьё красноречие было украшением всех торжественных церемоний, а также придворным поэтам, таким, как Феодор Продром, автор ряда остроумных и забавных поэм. Искусство с неменьшим блеском продолжало традиции предшествующего столетия, и его влияние распространилось из глубины Востока до крайних пределов Запада.

В латинских государствах Сирии, в Венеции и норманнской Сицилии церкви и дворцы строились и украшались по византийскому образцу. Греческие художники украшали мозаикой церкви в Вифлееме и Торчелло, соборы Кефалу, Мартораны и Палатинскую часовню в Палермо; ещё поныне собор святого Марка в Венеции со своими пятью куполами, богатством мрамора и серебряных и золотых украшений, красотой своей мозаики и пурпурно-золотым мерцанием, озаряющим его своды, даёт наиболее точное представление о блеске Византии в эту эпоху. Даже романское искусство заимствовало у Византии некоторые черты своей архитектуры и многочисленные декоративные мотивы. Своим богатством, красотой памятников, роскошью дворцов, реликвиями, хранившимися в церквях, Константинополь возбуждал восхищение всего мира, и все те, кто побывал в нём, возвращались ослеплёнными его великолепием.

«Константинополь — это слава Греции, — говорит Эвд де Дейль, — он знаменит своими богатствами, но в действительности его сокровища превышают славу о них».

«За исключением Багдада, — пишет Веньямин из Туделы, — во всём мире нет равного ему города». Как сообщает Робер де Клари, в то время говорили, что «две трети мирового достояния находятся в Константинополе, а одна треть рассеяна по всему миру».

Византийская столица, согласно одному остроумному определению, была Парижем средневековья. Она была, по словам Виллардуэна, «самым богатым городом мира», городом, «царившим над всеми городами». Но это

было опасное благоденствие, ибо наряду с восхищением оно возбуждало всеобщую зависть и дорого обошлось империи в момент, когда обнаружилась её слабость.

IV

Византийская империя в конце XII в. (1181 — 1204)

Пока был жив Мануил Комнин, его ум, энергия и ловкость обеспечивали внутренний порядок и поддерживали авторитет Византии за пределами империи. Когда же он умер, всё здание начало трещать. Так же, как и в эпоху Юстиниана, честолюбивые имперские политики XII в. лелеяли слишком обширные планы. Как и тогда, перемена политики оказалась тяжёлой и разорительной. Вмешиваясь без нужды в дела Запада, питая безрассудные мечты о грандиозных завоеваниях, приводившие в беспокойство латинян, Мануил в то же время не замечал близкой опасности, встававшей с Востока, и довёл империю до крайнего истощения. Как только власть оказалась в более слабых руках, обнаружились грозные последствия вызванных ими во всём мире чувств мести, ненависти и зависти.

Алексей II, сын Мануила, был ребёнком; его мать, регентша Мария Антиохийская, была латинянкой по происхождению и опиралась на латинян; вследствие этого она не пользовалась популярностью. Андроник Комнин использовал общее недовольство, чтобы сделаться императором (1182—1185). Этот последний представитель Комнинов мог бы быть великим государем. Он понял, что могущественные феодалы были опасны для империи, и жестоко подавлял их; восстание Исаака Ангела в Вифинии было потоплено в крови (1185). Он преобразовал администрацию, сократил расходы, облегчил налоги, словом, вступил на верный путь, чтобы стать популярным, когда внешние события — война с норманнами, завершившаяся взятием ими Фессалоники (1185), война с венграми, окончившаяся потерей Далмации (1185), привели к его низложению. Новое восстание (1185) возвело на трон Исаака Ангела и ускорило разорение империи. Исаак (1185—1195) совершенно не обладал качествами, необходимыми для предотвращения грозившего кризиса. Его брат Алексей III (1195—1203), свергнувший его с престола, был несколько не лучше. Империя готова была рухнуть.

Императорская власть, поколебленная рядом восстаний и непрерывными заговорами, была чрезвычайно слаба. В столице чернь диктовала свои законы правительству; в провинциях поднимала голову аристократия; империя постепенно распадалась. Исаак Комнин объявил себя независимым на Крите (1184), Гавр — в Трапезунде; крупные феодальные фамилии Кантакузинов, Вранов, Сгуров выкраивали себе владения из лоскутков монархии. Повсюду царили беспорядок и нищета: налоги были непомерны, казна пуста, торговля пришла в упадок. Деморализация распронилась повсюду, даже в церкви; покидавшие монастыри монахи усиливали беспорядок; в этот период монастырская реформа была необходима более, чем когда-либо. Везде ослабевали эллинские традиции, угасало чувство патриотизма.

Внешняя опасность была ещё более серьёзной. На Балканах славяне сбросили иго империи. В Сербии Стефан Неманя простёр свою власть на Герцеговину, Черногорию, придунайскую часть Сербии и основал большое государство. Под руководством Петра и Иоанна Асены восстали болгары и валахи (1185); при поддержке куманов и при помощи Стефана Немани они начали быстро продвигаться вперёд. Исаак был разбит при Веррее (1190) и при Аркадиополе (1194). Так образовалась Валахо-Болгарская империя, достигшая своего расцвета при царе Иоаннице, или Калояне (1197 — 1207). По договору 1201 г. Алексей III должен был подтвердить все болгарские завоевания — от Белграда до Чёрного моря и Вардара. Немного времени спустя болгарский правитель добился от Иннокентия III титула царя и учреждения независимой церкви (1204). Это было полным уничтожением дела Иоанна Цимисхия и Василия II.

На Западе горизонт был ещё мрачнее. Во время мятежа, вознесшего на трон Андроника Комнина, резня 1182 г., жертвой которой оказались проживавшие в Константинополе латиняне, развязала войну с норманнами. Впрочем, захват Фессалоники армией короля Сицилии не повлек за собой дальнейших успехов, и Исааку удалось отразить захватчиков (1186). Но вследствие этих событий старинная вражда между Западом и Византией возросла ещё больше. К этому же повели политические промахи, допущенные по отношению к Фридриху Барбароссе во время третьего крестового похода (1189). Был момент, когда германский император намеревался вместе с сербами и болгарами захватить Константинополь, и крестоносцы двинулись в империю как заклятые враги. Генрих VI, сын Барбароссы, был ещё более опасным противником, особенно после того, как вместе с владениями норманнских королей он унаследовал и их честолюбивые планы. Он мечтал о завоевании Востока и требовал от Алексея возврата всех территорий, некогда завоёванных норманнами (1196); в ожидании же этого, он принудил императора платить ему дань.

Но особенную тревогу возбуждала Венеция. Она тоже жаждала отомстить за резню 1182 г., и чтобы успокоить её, Исаак должен был в 1187 г. возместить ей все убытки и предоставить обширные привилегии. В 1198 г. Алексею III пришлось ещё увеличить эти уступки, действительность которых он, впрочем, ослабил, уступив подобные же права генуэзцам и пизанцам. Помимо этого, венецианцы чувствовали, что ожесточённая ненависть греков грозила и их торговле и безопасности; когда же дожем Венеции стал Энрико Дандоло (1193), возникла мысль, что наилучшим средством как для разрешения кризиса и удовлетворения накопившейся ненависти латинян, так и для обеспечения интересов Венеции на Востоке, было бы завоевание Византийской империи. Враждебность папы, домогательства Венеции, озлобление всего латинского мира — всё это вместе взятое предопределило тот факт. Что четвёртый крестовый поход обратился против Константинополя. Источённая, ослабленная развитием на востоке Европы славянских государств Византий оказалась неспособной сопротивляться угрожавшему ей натиску западных войск.

Тема 7. Четвёртый крестовый поход и его исторические последствия — 2 часа.

1. Социально-экономическое состояние и политическая ситуация в Византии накануне Четвёртого крестового похода
2. Взятие крестоносцами Константинополя .
3. Образование Латинской империи и особенности её общественного и государственного строя.
4. Греческие государства в первой половине XIII в. и их борьба за восстановление Византийской империи.
5. Восстановление Византии.

Литература:

- Заборов М.А.* История крестовых походов. М., 1956.
Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. М., 1980.
Жаворонков П.И. Никейская империя и Восток (взаимоотношения с Иконийским султанатом, татаро-монголами и Киликийской Арменией в 40-50-х гг. XIII в.) // Византийский временник. М., 1978. Т. 39.
Жаворонков П.И. Никейская империя и Запад // Византийский временник. М., 1976. Т. 36.
Карнов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII — XV вв. М., 1981.
Карнов С.П. Латинская Романия. СПб., 2000.
Карнов С.П. История Трапезундской империи. СПб., 2007.
Куглер Б. История крестовых походов. Ростов-на-Дону, 1995.
Филипп Д. Четвёртый крестовый поход. М., 2010.

Крестоносцы и германо-византийская дипломатия.

Из «Истории» Никиты Хониата¹⁸²

... Также и сыну Исаака Алексею¹⁸³, освободив его из заключения, император¹⁸⁴ предоставил полную свободу и даже, собираясь в поход против протостратора¹⁸⁵, взял его с собой, остановившись на пути в Дамокранию. Алексей же (разумеется, по совету своего отца) договорился с одним пизанцем, командовавшим большим купеческим кораблём, о бегстве и ждал только удобного случая, чтобы ускользнуть морем и скрыть свои следы водою¹⁸⁶. Как только наступило благоприятное для отплытия время, корабль, распустив паруса, отправляется с попутным ветром и благополучно пристаёт в Авлонии на Геллеспonte. С корабля была послана в Афиру за Алексеем лодка, а чтобы скрыть истинное намерение, её загрузили песком для балласта, будто

¹⁸² *Заборов М.А.* История крестовых походов в документах и материалах. С. 201-203.

¹⁸³ Впоследствии император Алексей IV Ангел (1203 — 1204).

¹⁸⁴ Император Алексей III Ангел (1195 — 1203).

¹⁸⁵ Около сентября 1201 г. Протостратор — один из высших византийских титулов в это время. Имеется в виду протостратор Мануил Камица, поднявший мятеж против Алексея III Ангела.

¹⁸⁶ Образное выражение, навеянное Библией (Псалом 76. Ст. 20).

бы необходимого судну после разгрузки товаров. Бежав сюда из Дамокрании, Алексей сел на лодку и переправился на корабль. Когда же о бегстве его стало известно, василевс послал обыскать корабль, но посланные не смогли найти Алексея; он остриг себе в кружок волосы, нарядился в латинскую одежду, смешался с толпой латинян и укрылся, таким образом, от разыскивавших его. Приехав в Сицилию, Алексей даёт знать об этом своей сестре. Она же, выслав ему навстречу сильную охрану, приняла брата с распростёртыми объятиями и стала просить своего мужа Филиппа¹⁸⁷ сделать всё возможное, чтобы защитить её отца, лишённого своими близкими не только власти, но и зрения¹⁸⁸, и помочь брату, блуждающему, подобно звезде, без крова и отечества и ничего не имеющему при себе, кроме собственной особы...

... Едва лишь флот латинян приготовился к отплытию, как к одной беде для ромеев присоединилась другая, по пословице — беда за бедой, как волна за волной: появился Алексей¹⁸⁹, сын Исаака Ангела, снабжённый грамотами папы Древнего Рима¹⁹⁰ и Филиппа, короля Алемании, обещавших щедро отблагодарить эту пиратскую шайку, если она примет Алексея и поможет ему вернуться в отцовскую империю. Вскоре с величайшим удовольствием он был принят флотом, в надежде на то, что Алексей не только даст разбойничьей экспедиции против ромеев удобный повод и придаст ей благовидную внешность, но и удовлетворит их алчность и корыстолюбие несметными богатствами. Приняв к себе Алексея, мальчишку сколько по летам¹⁹¹, столько же и по уму, все эти ловкие и искушённые в делах мужи уговорили его поклясться в том, чего он не в состоянии был исполнить никогда. В самом деле, этот ребёнок согласился на их требование не только дать им море денег, но и предоставить помощь для похода на сарацин ромейскими воинами и пятьюдесятью трёхгрёбными кораблями...

Крестоносцы в Константинополе (1203). Из «Истории» Никиты Хониата¹⁹²

... Благодаря необычайно счастливому плаванью (потому что на всём пути в море дули тихие и самые благоприятные для их кораблей ветры) латиняне появились у Константинополя¹⁹³, прежде чем в городе узнали об их приближении. Они подошли к Халкедону, а вскоре затем подступили к Перее¹⁹⁴, лежащей на противоположном, восточном берегу залива чуть ниже

¹⁸⁷ Дочь Исаака II Ангела Ирина была замужем за германским королём Филиппом Гогенштауфеном.

¹⁸⁸ Исаак II был ослеплён после свержения с престола в 1195 г.

¹⁸⁹ Алексей прибыл в Задар, захваченный крестоносцами, 25 апреля 1203 г.

¹⁹⁰ Иннокентий III (1198 — 1216).

¹⁹¹ Алексею было 12 лет.

¹⁹² Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах. С. 243-246.

¹⁹³ 24 июня 1203 г.

¹⁹⁴ Район на противоположном Константинополю берегу Золотого Рога. Место переправы.

Диплокиона¹⁹⁵ (военные корабли — на вёслах, грузовые — на парусах) и встали там на якорь на таком расстоянии от суши, чтобы быть вне пределов досягаемости стрел. Дромоны¹⁹⁶ же причалили к Скутари...¹⁹⁷

... Спустя несколько дней¹⁹⁸ прибыли во дворец военачальники латиняне, и не только они, но и знатные родом среди них. Принесли лавки, и все латиняне сели подле императоров, слушая, как их называют благодетелями и спасителями, охотно принимая и любое другое приятное обращение, так как они наказали властолюбивого Алексея III за его ребячество и помогли бедствующим императорам. Но не только это: они пользовались всяческим расположением, им были выказаны обходительность, забота и ласка; а Исаак, если что и утаилось в императорской сокровищнице и что сам он приобрёл, заключив императрицу Ефросинью¹⁹⁹ и её родственников, всё это он обеими руками вытаскивал и щедро преподносил латинянам. Но так как и это казалось получавшим каплей (ибо нет другого народа более корыстолюбивого, жадного до пиров и расточительного, чем это племя) и так как они всегда жаждали потоков Тирренского моря, император нечестиво схватился за неприкосновенное, и с этих пор, я думаю, дела ромеев вконец расстроились и пришли в упадок...

... 19 августа, шестого индикта, шесть тысяч семьсот одиннадцатого года²⁰⁰ какие-то французы (т.е. те, кого прежде называли фламионами), соединившись с частью пизанцев и венецианцев, переправляются через залив и набрасываются, словно на приготовленное угощение или счастливую находку, на принадлежащее сарацинам²⁰¹ имущество. И вот эта грязная банда, добравшись до города на рыбачьих лодках (ведь никого не было, кто воспрепятствовал бы им плавать туда и сюда), тайно нападают на постой сынов Агари, в просторечье называемый Митатом²⁰², и, с мечом в руках, расхищают всё, что там находят.

... Ещё не погасло пламя пожаров, как сбор и переплавка церковных сокровищ возобновились с ещё бóльшим, чем прежде, размахом. Войско же латинян использовало поступавшее к нему таким образом золото и серебро, словно простой материал, на свои плотские потребности и беззаботно расточало его на рынках. И хотя они хорошо знали, откуда поступают выделенные им деньги, они уверяли себя в своей непогрешимости, так как берут причитающиеся им деньги, а на долю ромеев, заботящихся о своём и оскверняющих господнее, оставляли гнев всесышнего...

... Уезжая в сопровождении немногих в палатки варваров, Алексей пьянствовал вместе с латинянами и целыми днями играл с ними в кости. То-

¹⁹⁵ Район Константинополя (совр. Бешикташ) на европейском берегу Босфора, получивший название от двойной колонны, расположенной там.

¹⁹⁶ Тип военного корабля.

¹⁹⁷ Пригород Константинополя на азиатском берегу Босфора.

¹⁹⁸ После вступления Алексея на престол 1 августа 1203 г.

¹⁹⁹ Жена императора Алексея III Ангела.

²⁰⁰ Т.е. 1203 года.

²⁰¹ Имеются в виду мусульманские купцы, проживавшие в Константинополе.

²⁰² Караван-сарай мусульманских купцов в квартале иноземных «гостей» в Константинополе.

варищи его забав, снимая у него с головы венец, сделанный из золота и усыпанный драгоценными камнями, водружали его на себя, а Алексею набрасывали на плечи грубый шерстяной плащ латинской пряжи...

... Взыскивающие же деньги латиняне, насмехаясь над простодушием ромеев и издеваясь над глупостью императоров, хотели, чтобы в то время как одни выгружают у них драгоценности, другие уже стояли бы подле тяжело нагруженными, третьи были бы на подходе с новым золотом, а четвёртые готовились бы к отправлению, и чтобы всё это происходило непрерывно. Поэтому один за другим появлялись в богатых предместьях столицы, святых храмах Пропонтиды²⁰³, блестящих дворцов императоров латинские полководцы, вооружаемые друг другом, грабили всё, что там находили, а сами дома предавали огню; ни одного прибрежного здания не пощадили эти дьяволом посланные варвары, чуждые чувства прекрасного. Чаще же, подплывая к прибрежным частям города, они вступали там в схватки, но иногда победа улыбалась и ромеям, и вообще не доставалась противнику даром.

Это придало мужества горожанам, и они обратились к императору с просьбой помочь им, верным соотечественникам, вместе с войском в противоборстве с противником, если, конечно, император не на словах только отвержен ромеям, а сердцем склоняется к латинянам. Просьбы, однако, не увенчались успехом: Алексей, вообще не приспособленный для борьбы с латинянами, считал это бесполезным, да и отец его Исаак убеждал Алексея позволить простонародью болтать впустую, а тех, кто вернул его на родину, удаивать наивысших почестей. К этому мнению склонялись и остальные члены царского рода — мальчишки, по мальчишески ублажавшие Алексея. Некоторые же, завязав дружбу с латинянами, относились к просьбам сограждан, как к пустому вздору, так избегая столкновений с латинянами, как стадо оленей избегает рычащего льва...

Причины второй войны против Византии.

Из «Истории завоевания Константинополя» Гунтера Пэрисского²⁰⁴

... Был там [среди крестоносцев] некий мудрейший муж — дож венецианцев. Хотя он был слеп, но, пронизательный разумом, великолепно возмещал телесную слепоту силой духа и мудростью. К нему всегда обращались [другие] за советом, когда находились в сомнительном положении, и со всяческим вниманием [выслушивали его], и вели государственные дела согласно его указаниям. Когда, по обыкновению, его спросили, что думает он об этом деле²⁰⁵, он посоветовал им не поддаваться из любви к деньгам на уловки греков и сказал, что сам [он] опасается случившегося, то есть [полагает],

²⁰³ Мраморное море.

²⁰⁴ Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах. С. 252-254.

²⁰⁵ Речь идёт о новом дворцовом перевороте в Византии, в результате которого на престол вступил Алексей V Мурцуфл (5 февраля 1204 г.). Стремясь разделаться с крестоносцами, он попытался заманить в Константинополь их предводителей и с этой целью от имени уже умерщвлённого им Алексея IV пригласил князей прибыть в город, якобы для полного расчёта с ними.

что молодой Алексей, возможно, либо погублен своими, либо — он ведь грек! — его уговорили вместе с ними замыслить нашу погибель.

В это время из Константинополя пришло известие о дворцовом перевороте и убийстве Алексея IV.

Эта весть повергла всё войско в сильный страх. Ибо они увидели себя находящимися на вражеской земле, отрезанными, среди худого народа, а того, кого они сами сильною рукою и с великим страхом для себя поставили им царём, — лишённым жизни. Если бы он ещё жил, то мог бы и унять их [греков] злобу, и предложить нашим богатое утешение, и дать им возможность с уверенностью и в полном достатке выйти из его царства для завершения паломнического похода. Отныне же они поняли, что во всём этом обмануты [и] настолько, что от нового царя и его подданных наверняка не могут ожидать ничего иного, кроме пагубы.

Что было делать и на что было рассчитывать паломникам, застигнутым [врасплох] в столь трудное мгновение, когда у них не было даже надёжного прибежища, где бы они могли хоть на час передохнуть от вражеских вылазок? Надлежало ли объявить войну [грекам] и тем навлечь на себя открытое гонение со стороны людей, которые, как они знали, и до того являлись их скрытыми врагами? Ведь численность их была безграничной, и она каждодневно возрастала бы, и они [греки] находились на собственной земле, где могли иметь всё в изобилии, тогда как наших было мало и они испытывали нужду, находясь среди врагов, от которых не могли ожидать чего-либо иного, кроме того, что смогут добыть себе, так сказать, собственным мечом. А вместе с тем их [крестоносцев] сильно удручало то обстоятельство, что они были обмануты относительно бóльшей части обещанных денег, в ожидании коих они отложили свой поход, путевые же деньги, предназначенные для паломничества, израсходовали на чужие дела.

И они порешили поступить так, как сочли самым лучшим в этом положении: откинув свой страх, без которого, конечно, не могло обойтись, грозно выступить против осаждённых врагов, и в отместку за задушенного царя, которого они сами водворили на престол, потребовать себе весь город со всеми его жителями и с тем проклятым убийцей, пригрозив городу уничтожением, а жителям — истреблением. Своим столь угрожающим поведением они навели такой ужас на горожан, что те едва отважились появляться из-за своих стен, в особенности страшась камнеметательниц наших; ведь чем реже они у них применяются, тем считаются более устрашающими и опасными. И всё же наши, укрепив душу, были готовы и к тому, чтобы отступить, если представится случай сделать это с почётом и выгодой, и к тому, чтобы обрушиться на врагов и подвергнуться от них и вместе с ними опасности смерти, если они отважатся произвести на них нападение с флангов. Ведь им не могла улыбнуться надежда на то, что удастся одержать победу над столь великим множеством [греков], или завоевать город, который был укреплён прочнейшим образом, и несметное число [врагов] каждодневно увеличивалось.

Насколько наше войско жаждало вступить в битву и умереть купно с врагами, настолько те избегали добыть победу ценой смерти от наших, видя, что крестоносцы уже испытывают нехватку на вражеской земле, сами же они [греки] в изобилии имеют в своё городе всё, что нужно.

Договор о разделе империи. Из мемуаров Жоффруа Виллардуэна «Завоевание Константинополя»²⁰⁶

234. Тогда те, кто находился в лагере, собрались на сходку и советовались [там] о дальнейших действиях. Много толковали так и эдак, но результат совета был таков, что если богу будет угодно, что они силой вступят в город, то вся добыча, которая будет взята, будет снесена в одно место и поделена сообща, как и следует; и если они станут владыками города, то будут выбраны шесть человек из франков и шесть — из венецианцев и они поклянутся на Евангелии, что выберут императором того, кого сочтут лучшим для этой земли. И тот, кто станет императором по их выбору, получит четверть всего завоёванного — и в городе, и вне города и, кроме того, получит дворец Вуколеон и Влахернский дворец; а остальные три четверти будут поделены пополам: половина — венецианцам и половина — тем, кто в лагере. И будут избраны двенадцать мудрейших из лагеря пилигримов и двенадцать из числа венецианцев, и они поделят фьефы и почести между рыцарями и установят службу, которой они будут обязаны императору.

235. Этот договор был скреплён клятвой с одной и с другой стороны, французами и венецианцами, таким образом, что в течение года с конца марта тот, кто захочет, может уехать; а те, кто останутся в [этой] стране, будут нести службу императору, как то будет установлено. Так был составлен и скреплён договор, и все те, кто его бы не исполнил, подлежали бы отлучению духовенством.

Захват и разграбление Константинополя крестоносцами в апреле 1204 г.

Из мемуаров Жоффруа Виллардуэна «Завоевание Константинополя»²⁰⁷

240. ... Совет постановил, что они будут готовиться снова²⁰⁸ в течение следующего дня, который приходился на субботу, и всё воскресенье, а в понедельник²⁰⁹ двинутся на приступ, связав по двое корабли, на которых имелись лестницы. Таким образом, два корабля атакуют одну башню... Как сказано, так и сделано...

241. Император Мурцуфл расположился со всем своим войском перед линией приступа и раскинул там свои пурпурные палатки. Так всё оставалось до самого утра понедельника. Тогда все те, кто был на кораблях, юисье и галерах, вооружились. А жители города боялись их меньше, чем вначале; они

²⁰⁶ Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах. С. 254-255.

²⁰⁷ Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах. С. 255-259.

²⁰⁸ Первый приступ был предпринят крестоносцами 9 апреля 1204 г. и закончился неудачей.

²⁰⁹ 12 апреля 1204 г. — дата, которую приводят все источники.

были настолько самонадеянны, что стены и башни были усеяны людьми²¹⁰. Тогда начался изумительный и отчаянный приступ: каждый корабль устремлялся к назначенному ему месту; шум битвы был так громок, что, казалось, земля рушится.

242. Приступ продолжался долго, — до тех пор, пока наш господь не поднял сильного ветра, называемого бореєм²¹¹; этот ветер пригнал суда и корабли ближе к берегу. Два корабля, связанные вместе, из которых один назывался «Пилигрим», а другой «Рай»²¹², подошли к одной башне, один — с одной, другой — с другой стороны (так направляли их бог и ветер) настолько близко, что лестница «Пилигрима» достала башню. В мгновение ока некий венецианец и один французский рыцарь, по имени Андрэ д'Юрбуаз²¹³, взошли на башню; вслед за ними на неё вступили и другие; а защитники башни были разбиты и бежали.

243. Когда рыцари, находившиеся на юисье, видят это, они бросаются на берег, и точно так же приставляют лестницы к стене и поднимаются наверх силою. Так овладели они чуть ли не четырьмя башнями. Тогда кидаются на приступ те, кто был на кораблях, юисье и галерах, как ни попало; и они взламывают трое ворот и вступают в город. И тогда начинают выводить коней из юисье; и рыцари вскакивают верхами и припускаются прямо в лагерь императора Мурцуфла. Тут он выстроил свои боевые отряды впереди палаток. И когда греки увидели пред собою всадников, они впали в смятение; а император бросился бежать по улицам во дворец Львиной пасти²¹⁴.

244. И вы увидели бы тогда, как греки терпят поражение, и наши овладевают их лошадьми, мулами и прочим имуществом. Убитых и раненых оказалось столько, что нет им ни числа, ни меры. Большая часть знатных греков отступила к Влахернским воротам. Уже настал вечер. И было поздно; наши устали сражаться и убивать. И они начали собираться на большой площади, находившейся в Константинополе. И порешили расположиться вблизи стен и башен, которыми овладели; ибо никак не думали, что им удастся завоевать город — с его крепкими церквами и крепкими дворцами и с таким количеством народа — ранее чем через месяц. Как порешили, так и сделали.

245. Таким образом, они расположились перед стенами и башнями, вблизи своих кораблей, как вы слышали, и Константинополь был взят в понедельник, что перед вербным воскресеньем²¹⁵.

246. Так отдыхали ночью ратники [наши], — они сильно подустали. Но император Мурцуфл не спал, он собрал всех своих и объявил, что намерен атаковать французов. Однако он не сделал то, что говорил, а ускакал по дру-

²¹⁰ Некоторые исследователи предполагают, что численность греческого войска достигала 140 — 150 тыс. человек.

²¹¹ Северный ветер.

²¹² На этих кораблях находились епископы Суассонский и Труасский, о чём сообщает в одном из своих писем Бодуэн Фландрский.

²¹³ По данным некоторых хроник, рыцарь Андрэ д'Юрбуаз принадлежал к семье епископа Невелона Суассонского.

²¹⁴ Речь идёт об императорском дворце Вуколеон.

²¹⁵ 12 апреля 1204 г.

гим улицам, как можно дальше [от расположения крестоносцев], и прискакал к воротам, которые называются Золотыми воротами²¹⁶; через них он бежал и покинул город; вслед за ним бежали те, кто мог бежать, а [наши] ратники ничего об этом не ведали.

247. В эту ночь, близ ставки маркиза Бонифация Монферратского, не знаю, какие люди, опасавшиеся, как бы греки не ринулись на них, подожгли город между ними и греками. И вот город начинает гореть, и пламя бурно распространяется; и огонь пылал всю эту ночь и весь следующий день — до самого вечера. Это был третий пожар, случившийся в Константинополе с той поры, как франки явились в страну [греков]; и сгорело домов больше, чем их имеется в трёх самых больших городах королевства Франции.

248. Ночь прошла, и настало утро вторника²¹⁷; все в войске вооружились — и рыцари, и оруженосцы; и каждый занял место в своём боевом отряде. Они выступили из лагеря, думая, что придётся вступить в битву, более ожесточённую, чем та, которую провели за день до того, — ведь они вовсе не ведали, что император ночью бежал. Но они не встретили никого, кто оказал бы им сопротивление.

249. Маркиз Бонифаций Монферратский проехал вдоль всего берега — прямо к дворцу Львиной пасти; а когда он туда прибыл, дворец сдался ему на условии, что всем, кто в нём был, сохранят жизнь. Там находилась большая часть благородных дам, укрывшихся во дворце; среди них была сестра французского короля, бывшая императрицей²¹⁸; и сестра венгерского короля, тоже императрица²¹⁹, и много других знатных дам. О сокровищах этого дворца и говорить нечего; их там имелось столько, что не было им ни числа, ни меры.

250. Точно так, как этот дворец был сдан Бонифацию Монферратскому, Влахернский дворец сдался Анри, брату графа Бодуэна Фландрского... Там тоже были найдены несметные сокровища, их было не меньше, чем во дворце Львиной пасти. Каждый ввёл во дворец, сданный ему, своих людей и поставил стражу охранять сокровища. Остальные воины, рассеявшиеся по городу, тоже захватили изрядную толику. Добыча была столь велика, что никто не мог бы вам сказать, сколько там было золота и серебра, сосудов и драгоценных камней, атласных и шёлковых материй, меховых одежд и всяческих богатств, какие когда-либо имелись на земле. Но Жоффруа, маршал Шампанский, правдиво свидетельствует — по истине и по совести — что со времени сотворения мира никогда не было столько завоёвано в каком-либо городе.

251. Всякий брал себе дом, какой ему было угодно, и таких домов было достаточно [для всех]. Таким образом, войско пилигримов и венецианцев разместилось по квартирам, и все радовались чести и победе, которой удо-

²¹⁶ В южной стене византийской столицы.

²¹⁷ 13 апреля 1204 г.

²¹⁸ Имеется в виду Агнесса, сестра Филиппа II Августа и тётка Луи Блуасского, просватанная в 1178 г. за сына императора Мануила Комнина — Алексея (II). Брак этот не состоялся, поскольку будущий император Андроник принудил Алексея жениться на своей дочери Ирине, а в 1183 г. этот 63-летний император (Андроник II) сам женился на французской принцессе, которой едва исполнилось 11 лет.

²¹⁹ Мария, сестра венгерского короля Имрэ, вдова императора Исаака II Ангела.

стоил их бог; ибо те, кто находился [ранее] в бедности, [теперь] пребывали в богатстве и роскоши. Так отпраздновали они в этом торжестве и в этой радости, ниспосланной богом, вербное воскресенье²²⁰ и великую пасху²²¹. Им следовало, конечно, всемерно восхвалять нашего господа бога: ведь их всего-навсего было не более двадцати тысяч вооружённых людей, а с божьей помощью они одолели четыреста тысяч человек или даже более, и притом в самом могущественном городе, отлично защищённом, городе великом и укреплённом со всех сторон.

252. После того брошен был клич по всему войску от лица Бонифация Монферратского, который был его предводителем. А также от имени баронов и дожа Венеции, [а именно], чтобы вся добыча была снесена и собрана так, как об этом было условлено и скреплено клятвой под страхом отлучения. Местом сбора определены были три церкви, отданные под охрану французам и венецианцам, самым честным, каких только могли найти. И тогда каждый начал приносить свою добычу и складывать вместе.

253. Некоторые приносили добросовестно, другие же нет, ибо не бездействовала жадность, корень всех зол: корыстолюбивцы начали попридерживать и то, и другое, и наш господь стал их любить менее других. О, всеблагий боже! Как честно они вели себя до тех пор! И господь покровительствовал им и их делу, и вознёс их над прочими. Однако сколь часто добрые терпят от злых.

254. Между тем, имущество и добыча были собраны [вместе]. Но знайте, что принесено было не всё, ибо нашлись такие, которые, не посчитавшись с угрозой папского отлучения, удержали [кое-что] из добычи. А то, что снесли в церкви, было собрано и разделено пополам между франками и венецианцами так, как в том клялись. И знайте, что когда они поделили [добычу], пилигримы уплатили из своей доли пятьдесят тысяч марок серебром венецианцам, а поделили между собой чуть ли не сто тысяч марок. И знаете, каким образом? Двое пеших оруженосцев получили столько же, сколько один конный, а двое конных оруженосцев — [столько], сколько рыцарь. И знайте, что никто, какого бы он ни был ранга и какие бы ни имел заслуги, не получил больше, чем ему полагалось, не считая украденного.

255. А над ворами, теми, кто был изобличён, знайте, учинили строгий суд и многих повесили. Граф Сен-Поль повесил своего рыцаря, который кое-что утаил, с экю на шее; таких, которые утаили, и среди малых, и среди знатных имелось много, но это не было известно. Посудите сами, сколь велико было добро: ибо, не считая утаённого и доли венецианцев, там было принесено наверняка на четыреста тысяч марок серебром и едва ли не десять тысяч всяческих сбруй и уздечек. Константинопольская добыча была поделена так, как вы это слышали.

²²⁰ 18 апреля 1204 г.

²²¹ 25 апреля 1204 г.

Из записок Робера де Клари «Завоевание Константинополя»²²²

LXXIV. Потом, когда епископы кончили проповеди, объявив пилигримам, что битва является законной, все они как следует исповедались и причастились. Когда настало утро понедельника²²³, все пилигримы хорошенько снарядились и вооружились; при этом венецианцы и пилигримы починили мостики своих кораблей, своих юисье и своих галер; потом они выстроили их рядом друг с другом и двинулись в путь, чтобы начать приступ; флот вытянулся по фронту на доброе лье; когда же они подошли к берегу и приблизились, насколько это было возможно, к стенам, то бросили якорь. А встав на якорь, стремительно ринулись на приступ; они начали стрелять [из луков], метать копьё, бросать греческий огонь на башни; но огонь не мог их одолеть, потому что они были покрыты [сырыми] кожами. А те, кто находился в башнях, защищались отчаянно и стреляли по меньшей мере из шестидесяти камнеметательниц, и каждый снаряд попадал в корабли; корабли, однако, были так хорошо прикрыты кучами хвороста и охапками виноградной лозы, что попадания не причиняли им большого вреда, хотя камни были столь велики, что один человек не в силах был поднять такой камень. А император Мурцуфл стоял на холме; и он приказал трубить в свои серебряные трубы и бить в барабаны, и устроил сильный шум, и ободрял своих воинов, говоря: «Сюда! Сюда!» — и он направлял их туда, где, как он видел, в этом была особенно большая надобность. Во всём флоте имелось не более четырёх или пяти кораблей, достаточно высоких, чтобы достичь уровня башни, — такими они были высокими; и на всех ярусах деревянных башен, которые были надстроены над каменными, — а их там было пять или шесть, или семь, — помещались воины, защищавшие башни. Пилигримы тем не менее столь хорошо атаковали, что корабль епископа Суассонского ударился об одну из этих башен, его отнесло [туда] чудом божьим, ибо море никогда не было спокойно, а на мостике этого корабля находились венецианец и два вооружённых рыцаря; когда корабль стукнулся о башню, венецианец ухватился руками и ногами, как только мог, и оказался в башне. Когда он был уже там, воины, стоявшие на этом ярусе — англичане, датчане и греки. — заметили [его] и подскочили к нему с секирами и мечами, и разрубили его на куски. Когда море снова бросило корабль вперёд, он опять ударился об эту башню; тогда один из двух рыцарей, по имени Андрэ д'Юрбуаз, не сделал ни того, ни другого, а ухватился руками и ногами и на карачках пробрался в башню. Когда он оказался в ней, её защитники кинулись к нему с секирами и мечами и жестоко обрушились на него; но поелику, с помощью божьей, он был в кольчуге, они его даже не ранили, ибо его оберегал бог, который не хотел, чтобы они долго избивали его и чтобы он там погиб. Напротив, бог хотел, чтобы город — в наказание за своё предательство и убийство, совершённое Мурцуфлом, и за их [греков] неверность — был взят и чтобы все они [греки] были обещены; и рыцарь вскочил на ноги и, поднявшись, выхватил свой меч. Когда те

²²² Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах. С. 259-266.

²²³ 12 апреля 1204 г.

увидели его стоящим на ногах, они были настолько изумлены и охвачены страхом, что убежали ярусом ниже. Те, кто был там, увидев, что воины, находившиеся над ними, побежали, также освободили этот ярус и не отважились оставаться там, а потом на башню взошёл второй рыцарь, и вслед за ним другие. Очутившись в башне, они берут крепкие верёвки и прочно привязывают корабль к башне; когда море отбрасывало корабль, башня шаталась так сильно, что казалось, будто корабль вот-вот её опрокинет или оторвёт её от корабля (а, может быть, это чудилось от страха?). И когда на других нижних ярусах увидели, что башня уже заполнена французами, её защитников обуял столь великий страх, что никто не осмелился там оставаться; напротив, они оставили башню. А Мурцуфлу всё это было хорошо видно, и он подбадривал своих воинов и направлял их туда, где, как он видел, приступ вёлся с наибольшей силой. Между тем, как только эта башня была взята столь чудесным образом, корабль монсеньора Пьера де Брасье, в свою очередь, подплывает к другой башне; и когда он ударился об неё, те, кто находился на корабельном мостике, начали стремительно осаждать эту башню приступом, да так успешно, что, чудом божьим, и эта башня была взята.

LXXV. Когда эти башни были захвачены и заполнены нашими ратниками, которые заняли башни, они не отваживались двигаться с места по той причине, что увидели множество воинов на стене вокруг себя, и в других башнях, и у их подножия — и это было настоящее чудо, сколько их там было. Когда монсеньор Пьер Амьенский²²⁴ видит, что те, кто в башнях, не трогаются с места, и когда видит положение греков, он не делает ни того, ни другого, а спускается на сушу вместе со своими ратниками, на клочок земли между морем и стеной.

Сойдя туда, он обнаруживает прямо перед собой потайной ход, створки у дверцы которого были оторваны, но сам ход снова замурован. Он входит туда, имея при себе по меньшей мере десять рыцарей и шестьдесят оруженосцев. С ним был также клирик по имени Айом де Клари²²⁵, отличавшийся великой доблестью; когда это требовалось, он был первым во всех приступах, в которых участвовал; а при взятии Галатской башни он явил более всего отваги, жертвуя своей жизнью, и подобно всем, бился один на один бок о бок с монсеньором Пьером де Брасье. Последний же превосходил всех остальных, будь то простые воины или знатные сеньоры: там не было никого, кто бы совершил столько ратных подвигов, жертвуя собственной жизнью, как Пьер де Брасье. Когда они подошли к этому потайному ходу, то стали наносить сильные удары копьями, а со стен камни сыпались на них столь густо, что казалось, будто они погребены под камнями, так много их бросали [оттуда]; те же, кто находился внизу, имели щиты, которыми прикрывались от метавших копьё. [Кроме того], с высоты стен в них швыряли сосуды с кипящей смолой, снаряды с греческим огнём и громадные камни, — только чудом божьим они не были все раздавлены; монсеньор Пьер и его воины силь-

²²⁴ Пьер Амьенский — сеньор рыцаря Робера де Клари, автора повествования.

²²⁵ Брат рассказчика.

но [там] намаялись от этих трудов и усилий, но они с такой силой обрушились на этот потайной ход добрыми ударами, пустив в дело секиры, мечи, колья, куски железа и копья, что пробили в нём широкую дыру. Когда эта дыра была пробита, они поглядели через неё и увидели перед собой столько людей всякого положения, что можно сказать, там было полмира, — и они не отважились туда войти.

LXXVI. Когда клирик Айом увидел, что никто не осмеливается войти в тайный ход, он вышел из рядов и объявил, что войдёт [туда]. Был там некий рыцарь, его брат, по имени Робер де Клари, который запретил ему это делать и сказал ему, что он не войдёт туда; но клирик объявил, что он это сделает, и полез руками и ногами; когда его брат видит это, он хватается за ногу и начинает тянуть к себе, но вопреки воле своего брата, хотел он того или нет, клирик влез в дыру. Когда он оказался на площади, к нему устремилось множество греков, а те, кто стоял на стенах, стали бросать в него огромные камни. Увидев это, клирик выхватывает нож, кидается им навстречу и вынуждает их обратиться в бегство, как скотину. И он крикнул тем, кто находился с другой стороны потайного хода, монсеньору Пьеру де Брасье и его ратникам: «Сеньор, ступайте смело! Я вижу, что они отступают в полном расстройстве — они бегут». Услыхав это, монсеньор Пьер и его ратники, находившиеся по другую сторону, вошли в дыру, а их было не более десяти рыцарей вместе с ним самим; правда, с ним было ещё около шестидесяти оруженосцев, и все они были пешими. И когда они появились в городе, те, кто находились на стенах и в этом месте, увидев [наших], были охвачены таким страхом, что не осмелились оставаться там и очистили большую часть стены, а потом бежали, кто как мог. Император же Мурцуфл, предатель, был близко отсюда, не более чем на расстоянии брошенного камня, и он велел трубить в свои серебряные трубы и бить в барабаны и устроить сильный шум.

LXXVIII. ... Предатель Мурцуфл, увидев [рыцарей], бросил свои палатки, оставил в них свои сокровища и пустился прямо по городу, который был весьма велик в длину и в ширину — местные жители говорили, что для того, чтобы обойти стены, нужно пройти девять лье, столь велика протяжённость стен, которые окружают город; а внутри город имеет две французские мили в длину и две — в ширину. Так монсеньор Пьер де Брасье завладел палатками Мурцуфла, его сундуками и драгоценностями, которые он в них оставил. [Началось повсеместное отступление защитников стен и башен]. Так был взят город.

Когда город был так прекрасно взят, и французы вошли в него, они держали себя там совершенно спокойно. Бароны собрались на совет и обсудили, что делать дальше. По войску раздался клич, чтобы никто не смел двигаться в город, ибо идти туда значило бы подвергаться опасности, поскольку на них могли бы бросать камни с крыш дворцов, которые были очень велики и высоки, и их могли бы убивать на улицах, которые были столь узки, что они не сумели бы в них защищаться, и их можно было бы отрезать огнём, в котором они бы сгорели. Опасаясь подобных бед и опасностей, они [крестоносцы] не отважились проникнуть в город и разойтись по нему; напротив,

они оставались на своём месте, вполне спокойными; после чего бароны договорились о следующем: если бы греки, у которых было в сто раз больше вооружённых людей, чем у французов, вздумали дать бой завтра, тогда пусть крестоносцы завтра утром вооружатся и выстроят свои боевые отряды, и ожидают на площадях, у стен в городе; а если бы [греки] не захотели ни сражаться, ни сдать город, то надо будет выяснить, с какой стороны дует ветер, и поджечь с наветренной стороны [место, где находятся греки], — так они [крестоносцы] сумели бы одолеть их [греков] силою. Все бароны согласились с этим планом. Когда настал вечер, пилигримы скинули оружие и дали себе отдых; они подкрепились и легли спать там, где были, неподалёку от своих кораблей, с внутренней стороны стен.

LXXIX. ... Когда греки увидели, что их император бежал, они разыскали знатного мужа по имени Ласкаръ, занимавшего высокое положение в городе, и прямо этой же ночью провозгласили его императором...²²⁶

LXXX. Когда настало следующее утро, [греческие] священники и [прочие] духовные лица в торжественных облачениях (там были англичане, датчане и люди других племён) являются процессией в лагерь французов, просят у них милости, рассказывают им всё, что содеяли греки, а потом сообщают, что все [знатные] греки бежали и в городе остался только бедный люд. Услышав это, французы весьма обрадовались. По лагерю вскричали, чтобы никто не завладевал домом прежде, чем не установят, в каком порядке это будет сделано. Потом сошлись бароны и богатые люди и держали совет между собой, так что меньшей народ не знал об этом ни слова, и даже бедные рыцари: и так порешили [бароны], что они возьмут себе лучшие дома в городе; именно с тех пор они [знатные] стали предавать меньшей люд и выказывать своё вероломство и быть худыми соратниками, за что и заплатили очень дорого, как мы вам о том расскажем далее²²⁷. Итак, они послали захватить все лучшие и самые богатые дома в городе и овладели ими прежде, чем бедные рыцари и меньшей народ заметили это. А когда узнали об этом, то побежали как попало и взяли то, что могли взять. И они нашли довольно [домов], и овладели достаточным [их] количеством, и немало ещё осталось, ибо город был велик и густо населён. Маркиз взял себе дворец Львиная пасть²²⁸ и монастырь св. Софии, и покои патриарха; другие знатные мужи, а равно и графы взяли себе самые богатые аббатства и самые богатые дворцы, какие только там можно было сыскать; и с того времени, как город был взят, никто не причинил зла ни бедным, ни богатым. Напротив, те, кто хотел уйти [из города], ушли, а кто хотел остаться, остались; а ушли самые богатые жители города.

²²⁶ Феодор Ласкаръ, впоследствии император Никейской империи (1208 — 1222).

²²⁷ Робер де Клари имеет в виду разгром крестоносцев болгарами в апреле 1205 г. и пленение латинского императора Балдуина I, о чём он рассказывает в СХII главе записок.

²²⁸ Так Робер де Клари называет дворец Вукелеон, переименовав греческое название, буквально означавшее дворец «быкольева» (на барельефе, украшавшем этот дворец, был представлен лев, терзающий быка), на французский лад, в соответствии с народной этимологией, — в «Пасть льва» (Bouke de Lion).

LXXXI. А потом отдали распоряжение, чтобы всё захваченное добро было снесено в один монастырь, находившийся в городе. Туда снесли всё добро, и выбрали десять рыцарей из числа знатных людей среди пилигримов и десять венецианцев, которые слыли честными, и приставили их охранять это добро. Когда добро было туда принесено, то добро это оказалось столь велико (там было столько дорогих сосудов, золотых и серебряных, и вышитых золотом материй, и столько драгоценностей, что это было настоящим чудом, всё это добро), что никогда с тех пор, как сотворён мир, [никем] не было видано и захвачено столько добра — и притом такого редкостного по благородству и такого богатого — ни во времена Карла Великого, ни во времена Александра, ни до, ни после, и я, со своей стороны, полагаю, что в сорока самых богатых городах мира едва ли найдётся столько богатств, сколько найдено было в Константинополе. Недаром греки считали, что в Константинополе было [собрано] две трети земных богатств, а третья разбросана по остальному свету. Те самые люди, которым поручено было охранять всю добычу, растаскивали золотые драгоценности, какие хотели, и разворовывали добро; и каждый из богатых людей брал либо золото, либо златотканые материи, либо что ему больше нравилось и потом всё это уносил. Таким-то образом начали они красть, так что настоящий, справедливый раздел ко благу всего войска никогда не был произведён, а бедным рыцарям и оруженосцам, которые так помогли завоевать это добро, достались лишь серебряные слитки вроде тех, что попрятали дамы в своих ваннах. Остальное же добро, которое было оставлено для раздела, было подло расхищено, как я вам уже об этом рассказывал. Тем не менее, венецианцы получили свою часть; что касается драгоценных камней и великих сокровищ, подлежавших разделу, всё это было подло расхищено, как мы вам об этом ещё скажем потом.

LXXXVIII. ... В этом Влахернском дворце нашли огромные сокровища и большие богатства, там нашли богатые короны, принадлежавшие прежним императорам, и золотые драгоценности, и богатые, вышитые золотом, материи, и роскошные императорские облачения, и богатые драгоценные камни, и столько всяческих богатств, что невозможно было бы перечислить все эти великие сокровища золота и серебра, которые обнаружили во дворце и во многих других местах города.

Из «Истории» Никиты Хониата²²⁹

... Бесстыдно бросились они грабить, начав с лошадей, не только имущество горожан, но и то, что посвящено богу.

Тому же, что нечестиво творили они в Великой Церкви²³⁰, трудно поверить. Алтарный престол, сложенный из драгоценных материалов, сплавленных огнём и слившихся друг с другом в вершину многоцветной красоты, необыкновенный и вызывавший удивление у всех народов, был разбит и разделён на части грабителями, равным образом и все церковные сокровища, не-

²²⁹ Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах. С. 268-269.

²³⁰ Собор св. Софии.

сметные количеством и бесконечно прекрасные. Когда же им понадобилось, словно добычу, вывезти пресвятые сосуды и церковную утварь, непревзойдённого искусства и изящества, созданные из редких материалов, а также чистейшее серебро, покрытое позолотой, которым была выложена решётка алтаря, амвон и врата и которое было вплавлено во многие другие украшения, в святая святых храма они ввели мулов и осёдланный вьючный скот, но так как некоторые животные скользили и не могли стоять на ногах на до блеска отполированных камнях, латиняне закалывали их мечами, так что божественный пол был осквернён не только помётом, но и кровью зверей.

... Во всех отношениях трудно и почти невозможно было смягчить мольбами или как-то расположить к себе этих варваров, настолько они были раздражительны, прямо-таки изрыгая жёлчную ненависть при всяком неудобном им слове. Всё могло разжечь их гнев, заслужить невежественную насмешку. Того же, кто хоть в чём-то возражал им или отказывал им в их желаниях, били за дерзость, а частенько обнажали против него и меч...

... В тот день, когда город был захвачен, грабители останавливались в любом доме, расхищали всё, что находили внутри, допрашивали хозяев о припрятанном; некоторых они били, многих уговаривали добром, но угрожали всем. И даже тогда, когда одно они уже имели, другое выслеживали, одно лежало у них перед глазами и было принесено владельцами, а другое они отыскивали сами, даже тогда не было от них никакой пощады.

... Противник проводил время в бесчинствах, забавах, причём самых нечестивых, и в высмеивании обычаев ромеев. Одни из них, облачившись не к месту, для смеха, в плащи с пурпурной каймой, болтались по улицам или разъезжали туда и сюда по городу, надев на головы лошадей головные уборы, крытые тонким полотном, и повязав их челюсти лентами из белого льна, которые [у сенаторов] висели за спиной. Другие носили писчие тростинки и чернильницы, в руках держали книги, насмехаясь над нами, как грамотеями. Большинство же возили на лошадях изнасилованных ими женщин, некоторых из них в длинных одеждах, с непокрытой головой, с волосами, сплетёнными сзади в один пучок, а женские шапочки и височные подвески волнистых, белых волос водружали на лошадей. Целыми днями латиняне пировали и пьянствовали. Одни налегали на изысканные блюда, другие приказывали подавать себе пищу отцов, которая состояла из разваренных в котлах спин бычьего мяса, кусков свиной солонины, сваренной с мучнистыми бобами, а также из чесночных приправ и соусов из различных соков, острых на вкус.

Когда же они делили добычу, то не было для них разницы между мирской утварью и священными сосудами: равным образом всё использовали они для своих плотских нужд, не заботясь ни о боге, ни о правосудии. Даже из божественных изображений Христа и святых они делали сиденья и скамейки для ног...

Никейская империя²³¹

Завоевание Константинополя существенно облегчило распад империи. Окончательно отпали многие её окраинные области, уже давно тяготевшие к самостоятельному существованию, вроде Трапезундской империи. Пока крестоносцы были заняты распрями, дележом византийского наследства, часть которого ещё предстояло завоевать, оставшиеся области стали постепенно оформлять своё самостоятельное существование. Понадеявшись на силу своего оружия, латиняне не пожелали идти на компромисс с греческой знатью. Недовольные фракийские феодалы обратились за помощью к болгарскому царю Калояну. 14 апреля 1205 г. крестоносцы были наголову разбиты. Военная мощь Латинской империи оказалась подорванной в самом начале её существования. После битвы при Адрианополе потребовалась передышка для того, чтобы начать отвоевание остальных византийских владений. Но время было упущено. Греческие силы стали консолидироваться в Эпире и Малой Азии. Своей бескомпромиссной политикой латиняне оттолкнули от себя не только греческую знать, которая в полной мере осознала, что их дальнейшее продвижение угрожало ей потерей своих владений, но и православную церковь, которая оказалась в аналогичном положении. Постоянная угроза болгарских вторжений сковывала военные возможности латинян. Это дало возможность укрепиться греческому Эпирскому царству на Западе и бежавшей в Малую Азию греческой знати приостановить их наступление. Латиняне получили лишь северо-западную часть Малой Азии. На остальной её территории образовалась Никейская империя, ставшая центром консолидации греческих сил и борьбы за ликвидацию Латинской империи.

Крестоносцы сохранили за собой часть Фракии с Константинополем, Среднюю Грецию, Пелопоннес, Эвбею. Они мало что изменили в существовавших здесь основных формах эксплуатации крестьянства, усилилась его личная зависимость по образцу западных вилланов, были введены западные баналитеты, сохранились элементы административной местной организации. Таким образом, положение крестьянства отнюдь не изменилось к лучшему. Господство венецианцев также не улучшило положение торгово-ремесленного населения. Внутренне Латинская империя была слабой, потому что она была государством, в котором не было ни единой власти, ни единого управления. Фактически она была государством двух самостоятельных сил: рыцарей-крестоносцев и Венеции. К традиционной структуре многоступенчатой феодальной иерархии добавился разноплеменный состав её господствующего класса. Латинская империя оказалась изначально слабым государственным образованием с устойчивыми внутренними противоречиями, распадавшимся на фактически самостоятельные образования — венецианские владения, Фессалоникское королевство, Афинское герцогство.

Ещё в Константинополе, накануне взятия города, столичная знать провозгласила императором Константина Ласкаря. Его брат, деспот Феодор, бежав в Никею, стал налаживать оборону, создавать государственный аппарат.

²³¹ Курбатов Г.Л. История Византии (От античности к феодализму). М., 1984. С. 171-174.

Вселенский патриарх короновал его «императором ромеев» (1208 — 1222). Никейская империя имела богатые и плодородные земли, хорошо защищённую границу с востока, здесь было немало владений стратиотов-прониаров, как и государственных и императорских поместий, владений константинопольских монастырей и церквей. Этот обширный земельный фонд был использован для укрепления центральной власти, раздачи военных проний.

Угроза завоевания сильно ослабила децентрализаторские тенденции малоазийских феодалов. Наоборот, они временно сплотились вокруг сильной центральной власти. Это нашло своё выражение в том, что приостановилась борьба за превращение проний в наследственные владения. Пронии давались на срок жизни с условием несения службы. Прониар обладал судебными административными правами в отношении населения, но он не был собственником земли. Размеры служилых проний были ограничены.

Росли крупные поместья придворной и чиновной знати. Но те, которые они получали от государства, переходили по наследству только с подтверждения императора. Проникновение иноземцев в торговлю, а тем более их воздействие на развитие ремесла было ограничено. Города Малой Азии оставались значительными центрами местного ремесла и обмена. При поддержке императорской власти в них было возрождено и расширено производство шёлка и шёлковой ткани, оружия, дорогой полихромной полированной посуды. Крепли экономические связи с Румским султанатом, куда в больших количествах из Никейи поступал хлеб, масло и другие продукты сельского хозяйства. На доходы от торговли императорская власть смогла интенсивно восстанавливать флот. В Никейской империи, таким образом, при распространении феодальных отношений вширь, продолжается превращение оставшегося свободного крестьянства в париков, тенденции к углублению феодальной раздробленности оказались заторможенными внешними обстоятельствами. Можно говорить об определённом движении вспять, о возвращении к более жёстко условной системе проний, серьёзном упрочении централизованной государственности. Соответственно имела место и приостановка политических процессов, происходивших в городе. Города вместе с жившей в них феодальной знатью перестали превращаться в центры феодальной открытой оппозиции. Они были опорой государственного единства. Поэтому процессы укрепления в них элементов самоуправления сменились усилением прямого государственного управления. Не известно, какую роль в реставрации централизованной государственности сыграло наличие мощного слоя мелких прониаров и свободных пограничников — акритов, но города здесь были более надёжной опорой никейских императоров, в свою очередь также считавшихся с интересами торгово-ремесленного населения.

Подобное наблюдалось и в Трапезундской империи. В ней было мало могущественных крупных феодалов. Отсюда их вынужденное сплочение вокруг власти Великих Комнинов. То значение, которое Трапезунд приобрёл на путях международной торговли, делало важным источником доходов торговые пошлины. Поступления от них составляли значительную долю поступлений феодалов от государства.

В Никейской империи императорам удалось упрочить позиции императорской власти. «Вертикальная социальная мобильность» усилилась. Институт соправителей исчез. Назначавшийся лично императором великий стратопедарх был его заместителем в управлении. Значительные средства позволили императорам Никеи содержать постоянные наёмные отряды, находившиеся под командованием великого коннетабля. Опираясь на них, можно было сдерживать и устремления феодалов. Всё это позволило Никее выиграть борьбу за «византийское наследство».

Политика Феодора Ласкаря была продолжена Иоанном Ватацем (1222 — 1254), решительно сдерживавшим феодальную оппозицию и укреплявшим собственное императорское землевладение и хозяйство как основу сильной императорской власти. Никея переживала подъём. Он содействовал росту ремесленного производства, активной торговле с соседями. Патриархи шли в русле политики государства. Всё это позволило ему подготовить Никею к активному наступлению. При его преемнике Феодоре II Ласкаре (1254 — 1258) Никея стала и главным центром византийской культуры.

Существенно отличалось от Никейской империи развитие Эпира, горными цепями надёжно защищённого от крестоносцев. Здесь огромную власть в городах имели архонты — землевладельцы, мало связанные с торговыми и ремесленными кругами горожан. Наместничества превратились в почти независимые феодальные княжества. Не была централизована и церковь. Поэтому Эпир в конечном счёте самостоятельно не мог выступить сильным конкурентом Никейской империи.

Вначале Никее удалось выстоять в борьбе с сельджукским султанатом. Часть его сил отвлекала борьба с Трапезундской империей. Никея колоссально выиграла от неожиданного в дальнейшем вторжения монголов. Напуганные страшной опасностью, сельджуки в 1240-х годах мечтали о прочном тыле на Западе, а для Никеи были своего рода буфером против монголов.

Флот Ватаца, к концу его правления, господствовал на Геллеспонте. С 1241 г. Болгария, которой угрожали монголы, сошла со сцены как главный противник Никейской империи. Ватац захватил огромные территории в Северной Фракии, Македонии, Адрианополь, а в 1246 г. Фессалонику, затем часть Эпирского царства. Так были подготовлены условия для отвоевания Константинополя. В 1254 г. границы Никейской империи простирались на Балканах от Чёрного до Адриатического моря. Сельджуки, теснимые монголами, хранили мир. В 1259 г. у Пелагонии были разгромлены Ватацем совместные силы Эпира и латинян Ахайи. С 1260 г. начались попытки овладеть Константинополем. На рассвете 25 июня 1261 г. полководец нового императора Михаила VIII Палеолога Алексей Стратигопул взял Константинополь. Латинский император и латиняне бежали на суда и отплыли на Запад. 15 августа 1261 г. Михаил VIII торжественно вступил в столицу. Византийская империя была восстановлена.

Тема 8. Византийское общество и государство в XIII—XIV вв. — 2 часа.

1. Социально-экономическое развитие поздней Византии.
2. Кризис византийского государства.
3. Гражданская война и восстание зилотов (1341 — 1355).
4. Идеино-богословская борьба в империи.
5. Начало турецких завоеваний на Балканах.

Литература:

Золотовский В.А. Прония в военной организации Византии раннепалеологовского времени // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Серия 4, История. 2015. № 3 (33). С. 100-114.

Иоанн Мейендорф, протопресвит. Единство империи и разделение христиан; Святой Григорий Палама и православная мистика; Византия и Московская Русь. М., 2003.

Каждан А.П. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952.

Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV—XV вв. СПб., 1997.

Реутин М. Ю. «Христианский неоплатонизм» XIV века. Опыт сравнительного изучения богословских доктрин Иоанна Экхарта и Григория Паламы. Парижские диспутации Иоанна Экхарта. М., 2011.

Хвостова К.В. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV — XV вв.). М., 1968.

Хвостова К.В. Социально-экономические процессы в Византии и их понимание византийцами-современниками (XIV—XV вв.). М., 1992.

Гражданская война 1341 — 1349 гг.

Восстание в Адрианополе (1341 г.) и начало гражданской войны²³²

Когда в Адрианополь прибыли письма императора Кантакузина²³³, которые он велел разослать и в другие города с извещением о своём вступлении на престол, знать хорошо приняла эти письма и велела зачитать их на собрании народа. Народ же принял их с возмущением и замышлял переворот; некоторые открыто выступали против. Разгневанная знать не только поносила их бранью, но и велела наказывать плетьюми. Народ некоторое время переносил бесчинство знати, так как не было вождей, которые возбуждали бы его, хотя недовольных было немало. Когда же наступила ночь, некий Вран, человек из народа, землекоп, едва добывающий средства к жизни, и двое других присоединившихся к нему, которые назывались Мугдуфом и Франгопулом, обходили дома простолудинов и уговаривали их восстать против знати. Они убеждали не только отмстить за своё оскорбление, но и разграбить имущество знати. Собрав немало народа, они напали на знатных и завладели всеми, кроме немногих, которые, чувствуя заговор, успели скрыться. Заперев плен-

²³² Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1963. Т. 2. С. 648-650.

²³³ Иоанн Кантакузин — византийский писатель и политический деятель (конец XIII в. — 1383), в 1347—1354 — византийский император.

ных в городских башнях и расставив стражу, народ при наступлении дня, направившись по домам пленников, грабил их имущество, разрушал их дома, ломая не только деревянные части постройки, но в бешенстве разрушая и стены до основания. Не было ничего ужасного, чего бы они не предприняли против сторонников императора Кантакузина. Многие хотели использовать это движение народа в собственных интересах. Многие же, которым должны были деньги, должниками обвинялись в кантакузинизме. Поэтому восстание с самого начала сделалось весьма опасным. Оно казалось тем опаснее, что возникло сначала у них, так как впоследствии это название (кантакузинизм) направило весь ромейский народ на тяжёлые события, ибо повсюду народ голосовал за провозглашение Палеолога²³⁴ государем, а знатные либо искренне стояли за Кантакузина, либо, побуждаемые нуждой и жаждою перемен, не делали никаких возражений... Восставшие состояли из бедняков и грабителей. Побуждаемые бедностью, они решились на всё и толкали к этому народ, лицемерно показывая своё расположение к Палеологу и называя себя его вернейшими слугами, как будто злокачественная, ужасная болезнь охватила всю империю, заражая ею тех, кто раньше казался умеренным и покорным... Все города сообща восстали против знатных. Те, кто запаздывал и слушал о происходившем в других местах, превышали всякую меру и доходили до убийств и всяких бесчеловечных поступков... Те, кто ненавидел Кантакузина и выступал против него с обвинениями и проклятиями, считались верными гражданами. Все благоразумные и умеренные в речи тотчас брались под подозрение...

Потом [после народного восстания в Адрианополе] вся Ромейская империя была охвачена самой дикой и тяжёлой борьбой. Народ всюду видел свой долг в том, чтобы оставаться верным Палеологам, в то время как собственники либо искренне были расположены к императору Кантакузину, либо обвинялись в этом бедными и мятежниками без всякого доказательства. Наиболее лёгкими были нападения против тех, кто имел деньги, которые бедняки хотели захватить, как и против тех, кто отказывался действовать так подло, как действовали мятежники. Народ был готов восставать по малейшему предлогу и отваживался на самые ужасные действия, так как ненавидел богатых за их плохое обращение с ним в мирное время и теперь надеялся, кроме всего прочего, захватить их собственность, которая была велика. Мятежники состояли главным образом из наиболее жалких воров и бандитов и, подстрекаемые беднотою, действовали, решаясь на всё. Под предлогом, что они благоприятно расположены к императору Палеологу, называя себя его наиболее верными подданными, они увлекали народ следовать их примеру.

Восстание распространилось по Ромейской империи, как ужасная, злокачественная болезнь, и заражало многих, кто раньше казался умеренным и справедливым... Итак, все города сообща восстали против знатных. Те, кто позднее вступил в борьбу, слыша, что случилось до этого, сами доходили до ещё больших крайностей, до совершения убийств... Знатные и члены сред-

²³⁴ Иоанн V Палеолог (1341—1391).

них классов были полностью разорены; первые — потому, что они были благосклонно расположены к Кантакузину, или потому, что они не брались немедленно за оружие против него; вторые — либо потому, что они не сотрудничали с мятежниками, либо из зависти, чтобы они их не пережили. Человеческая природа, всегда готовая совершать несправедливости по отношению к законам, кажется потом бессильной управлять людским неистовством.

Начало восстания зилотов в Фессалонике (1342 г.)²³⁵

Побуждаемые его (протостратора, правителя Фессалоники²³⁶) медлительностью, считая уже и протостратора в числе сторонников Кантакузина, зилоты возбуждали народ против знатных. Напав на знать правильным отрядом, они изгнали из города около тысячи [знатных граждан]. Вооружённые стрелометательным оружием, они хранили некоторых членов из семьи протостратора и захватили в плен знатных граждан, которые при первом натиске не смогли бежать из города. Захватив власть в городе, зилоты направились в дома беглецов и подвергли их разграблению. Было похоже на то, что их побуждала к этому их бедность и возмущение собранными [знатью] богатствами. Они дошли до такого безумия и до такой дерзости, что позволили себе оскорбление святыни. Похитив крест из алтаря храма, они пользовались им как знаменем, говоря, что с ним они пойдут войной против своих врагов... В течение двух или трёх дней Фессалоника опустошалась, как будто она была захвачена врагами. Всё происходило именно так, как бывает в завоеванном городе. Ибо победители ночью и днём ходили толпами, криками выражая свою радость, неся имущество пленных. Побеждённые же скрывались в тайных убежищах, довольные уже тем, что их немедленно не убивали. Когда было покончено с теми, кого можно было схватить, волнение прекратилось. Зилоты из беднейших и неизвестных сделались богатыми и важными, руководя всеми делами делами. Средних граждан они либо заставляли участвовать в своих бесчестных поступках, либо, если те проявляли благоразумие и мягкость, обвиняли в кантакузинизме. Так было в Фессалонике.

Положение Фессалоники во время её осады Кантакузином (1343 г.)²³⁷

Из описания Никифора Григоры²³⁸

Жители Фессалоники, запершись со стадами внутри стен, и сами испытывали недостаток в продовольствии, и не имели средств пропитания для животных. Так как ежедневно умирали одни за другими и гниль отравляла воздух, жители города тяжело переносили всё это и переходили к восстанию. Для тех, у которых были земельные владения, тяжело было, когда опустоша-

²³⁵ Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1963. Т. 2. С. 650.

²³⁶ Протостратор Санадин — правитель города и личный друг Кантакузина.

²³⁷ Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1963. Т. 2. С. 651-652.

²³⁸ Никифор Григора (1290/91—1360) — византийский писатель, крупный церковный деятель и богослов.

лись поля. Те, у которых были стада мелкого скота, быков и вьючных животных, также сильно беспокоились, боясь могущих произойти опустошений в своём имуществе и теряя надежду на помощь. Те, которых бедность угнетала и расстраивала их душевное состояние, стремились к переменам и смутам; зависть направляла их взгляды на богатых людей и заставляла замышлять злодеяния против них. К ним, расколовшимся на две части, присоединилась ещё третья — из простонародья. Эта часть ничего не понимала в праве и несправедливости, легко шла за теми, кто увлекал её к оружию, и с упрямством стремилась к опасным злодеяниям. Это простонародье не желало подчиняться ни собственному управлению, ни законам древних мужей, содержавшимся в книгах и руководившим государственными делами, всегда отвлекавшим людей от безрассудных поступков и направлявших их к благополучию. Подобно тому, как суда, идущие против ветра по морским волнам, погибают вместе с людьми, так и эти разрушают до основания дома богачей, жестоко и безрассудно заноса свои мечи над головами врагов. Когда до простонародья дошла молва, что имевшие большие богатства, поля и стада собираются тайно открыть ворота города императору Кантакузину, то бедняки, стремившиеся к борьбе против богачей, выступили против них. Они (бедняки) открыто в самой середине города провозглашали имя императора Иоанна Палеолога, вместе с тем называли себя зилотами, прикрывая этим благонравным именем свои дурные намерения. Они призывали себе на помощь народ, подстрекая его надеждой на верную выгоду. Так в городе как бы вспыхнула буря с неожиданной силой. Среди всех граждан царило беспорядочное смятение, все тотчас высыпали из домов на улицы и сделались по отношению к богачам более жестокими, чем к внешним врагам. Богатства, которые были в домах, подвергались разграблению; тех из богачей, которые сопротивлялись, уничтожали, и по городу текла кровь граждан. Избранные граждане и те, кто осуществлял надзор над городом, оказывались жертвами этих злодеяний, так как имели состояние. Некоторые из них умерщвлялись по приговору безумной черни. Тем из них, которые ещё не знали своей будущей участи (их было больше, чем схваченных), приходилось с печальным видом оставаться дома и ожидать, чтобы на площадях и в театрах о них не говорили дерзостные речи. Они скоро умерли бы от страха, если бы некоторые люди извне не подали бы им надежды от императора и не призвали бы их к благоразумию.

Византия во второй половине XIII—XIV в.²³⁹

Восстановленная империя мало напоминала империю, какой она была до латинского завоевания. Её территория включала часть Фракии и Македонии, острова Эгейского моря. Она имела права на несколько крепостей в Пелопоннесе. Эпирское царство продолжало сохранять самостоятельность. Центральная Греция и Пелопоннес принадлежали латинянам, а Венеции — большая часть островов. На Востоке она сохранила лишь северо-западные районы Малой Азии. Огромная столица лежала полуразрушенной. Византий-

²³⁹ Курбатов Г.Л. История Византии (От античности к феодализму). М., 1984. С. 174-188.

ская армия была невелика (15—20 тыс.) и состояла в основном из наёмников — турок и монголов, а флот — из 50—75 кораблей. Восстановленной империи предстояло бороться с независимыми греческими образованиями в Фессалии и Эпире, искавшими поддержку у западных соседей, латинскими княжествами Пелопоннеса и Аттики, на которых опирались западные феодалы — владетели Сицилии и Южной Италии, мечтавшие если не о восстановлении Латинской империи, то о захвате её бывших владений и Константинополя. Папский престол, по-прежнему добиваясь подчинения византийской церкви и, соответственно, императорской власти своему влиянию, противодействовал всем возможностям укрепления Византии. Венеция сохранила многие свои владения и опорные пункты. На Севере Византия вновь втягивалась в борьбу с Болгарией и Сербией за утраченные владения.

Борьба между двумя морскими гигантами — Венецией и Генуей, неизмеримо укрепившими свои силы по сравнению с началом XIII в., за гегемонию в торговле с Востоком, вступала в новую фазу. Оттеснённая от участия в левантской торговле, Генуя всё более укрепляла свои позиции в северо-восточных районах Средиземноморья, активно стремилась закрепить своё преобладание в черноморской торговле. Подъём итальянских городов резко повышал их спрос на продукты сельского хозяйства. Новым фактором становился и растущий спрос на сырьё для бурно развивавшегося итальянского производства. Византия оказалась перед новой фазой экономической экспансии итальянских городов-республик. Грузооборот генуэзского порта возрос в четыре раза.

Италия стояла на пороге раннекапиталистической эры. Огромные успехи в судостроении давали ей лучшие в Средиземноморье типы судов. Galera di Mercado могла перевозить от 100 до 500 т груза. Совершенствовались формы кредитования, торговли. Более гибкие генуэзские формы торговых объединений (5) обеспечивали им более лёгкое проникновение в торговлю и экономику Византии.

Осуществлявшиеся первоначально императорами Никеи попытки своеобразного протекционизма (бойкота иноземных товаров) были оставлены из-за нехватки ремесленных изделий. Генуэзцы получали право беспошлинной торговли на всей территории империи, создания торговых колоний в Смирне, Фессалонике, на островах и в Константинополе, право свободного вывоза хлеба, беспошлинной торговли на Чёрном море.

С приходом к власти Михаила VIII Палеолога (1259—1282) последняя оказалась в руках крупной феодальной аристократии. Ещё в Никее он обязался увеличить размеры проний и превратить их в наследственные. С отвоеванием Константинополя эта политика была продолжена на всей отвоёванной территории Византии, сомкнувшись с теми порядками феодального землевладения, которые были упрочены в эпоху Латинской империи.

Конец XIII — начало XIV века — время окончательного установления в Византии полного господства крупного феодального землевладения. Огромное количество земель с париками было роздано светским феодалам и крупным монастырям. Свободное крестьянское землевладение сократилось

до минимума. В Византии образовались феодальные владения, простиравшиеся на десятки километров. Расширение иммунитетных привилегий вело к росту фактических прав феодалов, в первую очередь податные экскуссии передавали им большую часть государственных поступлений с крестьян, расширяли их права на землю и личность крестьянина. Возможности перехода крестьянина становились всё более ограниченными. Фактически феодалы присвоили себе права общины и соответственно право на выморочные наделы (типа западного права «мёртвой руки» — авиотикий), взимания с крестьян дополнительных поборов за бывшие общинные угодья («пастбищные») и многочисленные десятины. Право предпочтения, бывшее раньше инструментом защиты интересов общины, теперь стало правом феодала, орудием её закабаления. Возможно, на византийской территории получили распространение на этом основании введённые крестоносцами в своих владениях баналитеты.

Расширение судебных прав феодалов фактически ставило в зависимость от них не только отдельных крестьян, но и общину в целом. Соответственно возрастали элементы вотчинной организации, роль управляющих и старост феодала, вотчинного суда. Существенно увеличился объём феодальной ренты. Отработочная была невелика — от 12 дней в году до 1 дня в неделю. Натуральная — преимущественно хлебом и вином и денежная — подворное. Росли как натуральные поборы — в пользу феодала, так и денежные — в пользу государства.

Источники этого времени рисуют совершенно определённую эволюцию крестьянского хозяйства. В деревне XIII—XIV вв. росла имущественная дифференциация крестьянства, но чрезвычайно медленно. Поэтому вряд ли приходится говорить об интенсивном отслоении зажиточной крестьянской верхушки как о характерном явлении. В то же время в византийской деревне увеличивается число малоимущих и неимущих крестьян, держателей части надела, дома с садовым участком или виноградником. Это давало возможность феодалам более широко использовать труд малоземельных париков, безземельных крестьян как наёмных работников в господском хозяйстве. Скорее всего, именно их трудом оно совершенствовалось, производилась разбивка новых виноградников и садов, проводились большие мелиоративные работы, повышавшие производительность и доходность крупных поместий, строились господские мельницы и прессы. Товарность византийского сельского хозяйства росла.

Обеднение крестьян и развитие господского хозяйства стимулировали развитие деревенского ремесла. В деревне умножается число крестьян-париков — ремесленников, как во владениях светских феодалов, так и в монастырских. Это оживление, подъём деревенского, сельского ремесла, по видимому, представлял одну из характерных особенностей эволюции Византии, резко отличавшей её от Запада, где ремесло всё более концентрировалось в городе и «уходило» из деревни. В византийской деревне XIV в. представлено почти 1/3 ремёсел, зафиксированных источниками для города, в том числе и в производстве изделий, требовавшем высококвалифицированного

труда, предметов роскоши. Византийская деревня и поместье, крупный монастырь, таким образом, всё больше выступали в XIV в. конкурентом малого византийского города, не способствовали упрочению его положения как безусловного центра ремесла и торговли, а скорее, наоборот, подрывали его значение. С этим, по-видимому, был связан упадок многих поселений и мелких городов, начавших в XI—XII вв. более определённо конституироваться как поселения городского типа. В XIII—XIV вв. многие из них превращаются преимущественно в крепости, укреплённые пункты с преобладающе аграрным населением, имевшим некоторое торговое, но отнюдь не ремесленное значение. С другой стороны, с течением времени некоторые города начинают превращаться в своего рода родовые гнёзда феодалов, каким, например, становится Дидимотика для семейства Кантакузинов.

Известный подъём переживают преимущественно центры вывозной торговли феодалов, что стимулировало их втягивание в экономику города. В первой половине XIV в. итальянское купечество постепенно монополизировало не только внешнюю торговлю Византии, но и в значительной степени и внутреннюю торговлю продовольствием. Контроль над снабжением Константинополя переходит в руки генуэзцев. Поиски источников сырья приводят их к активному внедрению в хозяйство Византии, к участию в их разработке, эксплуатации. Одновременно резко возрастает ввоз в Византию итальянских готовых изделий, в том числе товаров массового спроса — тканей, металлических изделий, стекла, оружия. Итальянский ввоз начинает губительно сказываться на собственном ремесленном производстве Византии. Таким образом, в Византии этого времени экономику византийского города подрывал, с одной стороны, подъём феодального хозяйства, с другой — итальянская экономическая экспансия. Разоряя городское торгово-ремесленное население, всё это облегчало экономическое «освоение» города византийскими крупными феодалами. Крупные феодалы и монастыри в первой половине XIV в. интенсивно скупают в городах склады и лавки, ремесленные мастерские, организуют собственную торговлю. В городах появляются ремесленники-парики. «Смычка» феодалов с итальянским купечеством всё более сужала сферу деятельности византийского купечества как посредника. Если до середины XIV в. оно в какой-то мере могло и выигрывать от роста объёма итальянско-византийской торговли, то к середине XIV в. эти возможности оказались исчерпанными. Оно всё более вытеснялось даже из внутренней торговли. Началось его обеднение. Соответственно сокращались и доходы государства. Торговые пошлины из-за привилегий генуэзцам и венецианцам оказались сведёнными к минимуму.

Всё внимание правительства было обращено на Запад. Византийская дипломатия стремилась ослабить там антивизантийские коалиции. В 1265 г. за гарантии защиты были восстановлены привилегии венецианцев. Тем самым разрывался союз Венеции, Ахайи и Афин против империи. Византия восстановила свои владения на Пелопоннесе, Морее. Был заключён мир с Эпиром. Но надёжно обезопасить Византию с Запада могла только уния. Начались изнурительные конфликты с Карлом Анжуйским, Болгарией. При-

шлось начать переговоры об унии. Византия должна была принять латинский символ веры и признать верховенство папы в церковных делах в обмен на мир и политический союз с западными державами. Ожесточённая распря расколола греческое духовенство. На соборе 1274 г. в Лионе послы Михаила приняли унию: супрематию папы над всей христианской церковью, верховную юрисдикцию в канонических вопросах, необходимость почитать папу в церковных богослужениях. Папа на деле не помог примирению, но требовал подтверждений верности унии, присутствия в Константинополе постоянного кардинала-легата, который должен был от его имени осуществлять главенство над византийской церковью.

Обстановка в Византии накалялась. Духовенство не принимало унии, монашество — тем более. Споры об унии раскололи византийское общество. Её противники находили опору в городском торгово-ремесленном населении Константинополя, у крестьянства. К сторонникам унии принадлежала придворная знать и государственное чиновничество, часть высшего духовенства и интеллигенции. Сторонники были в меньшинстве.

Обстановка осложнилась при Андронике II (1282—1328), ни политике, ни полководце. В целях экономии армия и флот были сокращены. Внешняя политика империи приобрела пассивно-оборонительный характер. Непрерывно предпринимались попытки Запада восстановить Латинскую империю. Нуждаясь во флоте, Андроник шёл на уступки Генуе, основавшей Каффу и стремившейся полностью монополизировать черноморскую торговлю с Средиземноморьем. Венеция, с потерей Сирии и Палестины, лишившись своих опорных пунктов на Востоке, начала борьбу с Генуей, в которую оказалась втянутой Византия.

На Востоке под ударами монголов Иконийский султанат сельджукидов к концу XIII в. распался на княжества — эмираты, в одном из которых упрочилось господство огузского племени тюрок — кайы, ставшего ядром будущего османского государства, быстро расширявшегося за счёт малоазийских владений Византии. В 1299 г. Осман I (1288—1326) фактически стал главой султаната. К началу XIV в. почти вся Малая Азия была потеряна византийцами, хотя империя в конце XIII — начале XIV в. понемногу закреплялась на Пелопоннесе и в Эпире вернула себе часть прежних владений; но уже с начала XIV в. она вступила в полосу всё углублявшегося упадка.

В первой половине XIV в. Болгария и Сербия стали главными соперниками Византии на Балканах. В Болгарии уже со времён византийского владычества также господствующим было крупное землевладение. Единственный выход в попытках закрепить достигнутые элементы централизации болгарские цари видели в военной экспансии, которая должна была удержать в известном сплочении феодалов, поднять авторитет центральной власти в результате военных успехов. Отсюда бесконечные войны с Византией в критические в судьбах Балканского полуострова 30-е — 40-е годы XIV в.

Близкой была ситуация и в Сербии. Здесь укрепление господства феодальных отношений протекало несколько медленнее, но шире. В Сербии сложилась более мощная прослойка средних (властеличичи) и мелких феодалов.

лов, хотя и находившихся, в отличие от Болгарии, в большей зависимости от крупных (властели). Здесь более интенсивно, чем в Болгарии, происходил рост торговли и городов, особенно в связи с развитием горнорудных промыслов.

После разгрома Болгарии в 1330 г. Сербией Стефан Душан (1331—1335) ставил своей задачей создание сербско-византийской державы со столицей в Константинополе и провозгласил себя «царём и самодержцем Сербии и Романии». В значительной степени собственные внутренние проблемы и тенденции развития Болгарии, Сербии и Византии, феодальных отношений в них, породили тот трагический военный «треугольник», который превратил Балканский полуостров в середине XIV в. в объект непрерывной, взаимно ослаблявшей междоусобной борьбы трёх крупнейших балканских государств. Именно тогда были подорваны и возможности их сколько-нибудь устойчивого объединения перед лицом общего врага.

Непрерывные малорезультативные войны за возвращение отторгнутых владений требовали всё возрастающих расходов. Между тем доходы государства непрерывно сокращались из-за перехода их с раздачей привилегий к крупным феодалам. Резко сократились доходы государства от торговых пошлин. Генуэзцы, создавшие уже в конце XIII в. крупную факторию на противоположном Константинополю берегу Босфора — Галату, «завладели благосостоянием византийцев и почти всем доходом, поступающим с моря», присвоив себе таможенные сборы. Уже в середине XIV в. они получали 200 тыс. золотых, а византийское правительство — 30 тыс.

Правительство Андроника II оказалось вынужденным вводить новые дополнительные поборы и налоги, ложившиеся в основном на крестьянство и торгово-ремесленное население. Нерешительные попытки Андроника II ограничить привилегии крупных землевладельцев вызывали всё более нараставшее недовольство. Феодальная оппозиция сплотилась вокруг Андроника III, внука императора, не бездарного военачальника, но малоспособного политика. С 1320 по 1328 г. продолжалась внутренняя борьба, которая закончилась поражением Андроника Старшего. С Андроником III к власти пришли крупные феодалы, во главе с одним из богатейших землевладельцев империи Иоанном Кантакузином (его владения охватывали 100 кв. км с населением около 2 тыс. зависимых; ему принадлежали тысячи голов крупного скота, 50 тыс. свиней, многотысячные стада овец). Тем временем Византия непрерывно проигрывала в борьбе с Болгарией и Сербией, утрачивала последние опорные пункты в Малой Азии.

После смерти Андроника III в Византии вспыхнула настоящая гражданская война, переросшая в крупнейшее в истории страны социальное движение. Вся полнота власти оказалась в руках регента при девятилетнем Иоанне V Палеологе (1341—1391), главы феодальной аристократии Иоанна Кантакузина. Оппозиция стала спланироваться вокруг императрицы-матери Анны Савойской, наследника и патриарха Иоанна Калеки. Развернувшиеся события представляют особый интерес для понимания тенденций внутреннего развития Византии, поскольку в них с необычайной обнажённостью про-

явились противоречия, раздиравшие византийское общество. Эти противоречия отражены в источниках с такой полнотой, что дают возможность увидеть всю картину развития общества на протяжении двух десятилетий. Их справедливо рассматривают как кульминационный пункт, итог всей предшествующей эволюции Византии и начало нового, последнего этапа её истории. На этом материале особенно ярко прослеживаются черты типологического своеобразия развития византийского феодализма.

Можно сказать, что Кантакузин и его сторонники ошиблись в своих расчётах. Двадцать лет назад им удалось подчинить своим интересам государственную власть, поскольку они смогли сыграть на непопулярности правительства, постоянно увеличивавшего государственные поборы в результате раздачи привилегий тем же крупным феодалам. За эти 20 лет они настолько укрепили свою реальную власть, что их собственный гнёт и произвол стали главной причиной, вызывавшей недовольство.

Именно поэтому Алексей Апокавк смог смело призвать народ к борьбе с Кантакузином, «против выдающихся славой и родом». Дома его сторонников в Константинополе были разгромлены, значительная их часть посажена в темницу. Началась открытая вооружённая борьба. «... Весь род ромеев, — писал Никифор Григора, — раскололся на две части в каждом городе и в каждой деревне». Кантакузин провозгласил себя императором, всюду поднимал своих сторонников. Первая проба сил произошла в 1341 г. в Адрианополе. О реальном характере городского самоуправления мы можем судить по тому, что безраздельно заправлявшая в его руководстве знать города попыталась, собрав народное собрание, добиться поддержки Кантакузина, используя свою силу. На следующий день в результате массового выступления знать города была разгромлена и народный гнев обратился против ростовщиков — свидетельство того, сколь тесно последние были связаны с феодальной аристократией. Борьба ширилась. Против феодальной аристократии единодушно выступили крестьянство и городское население. Это народное движение трудно рассматривать как вариант крестьянской войны типа восстания Ивайла в Болгарии, но то, что его спецификой в отличие от уже достаточно отдельных городских и крестьянских движений на Западе этого времени была совместность, слитность борьбы крестьянства и массы горожан, несомненно. Она отражала как реальный факт господства феодалов в городе, так и усилившуюся в Византии этого времени связь города с деревней, аграрными занятиями. «Массы народа, — писал Кантакузин, — предводительствуемые мятежниками и неимущими, предпочли встать на сторону столицы». Народное движение переплелось с гражданской войной. Кантакузин всюду поднимал аристократию против правительства. Его сторонником стал Палама, развивший далее мистическое учение Григория Синаита (XI в.), ещё более «перебросивший мост» между «земным и потусторонним миром», утверждая, что мистическое единение с божеством делает доступным для избранных «духовное спасение». Учение Паламы годилось и для «избранной духом» аристократии, и для отчаявшихся в уличении своего положения масс.

Попытка Кантакузина поднять против Константинополя второй по величине город империи Фессалонику не увенчалась успехом. Ситуация в Фессалонике во многом раскрывает нам реальную картину соотношения социальных сил.

Во главе управления городом стоял ставленник Кантакузина Синадин. Фактически городом управляли крупные феодалы. Из них состоял сенат. Во главе управления стояли два архонта: один — государственный губернатор, администратор и командующий гарнизоном, другой — представитель города, возглавлявший городское самоуправление. Таким образом, можно говорить скорее не о самоуправлении в прямом смысле этого слова, а о смешанном управлении — государственном с представительством города и определёнными функциями и правами — «городскими законами», городской общины, точнее — феодальной аристократии.

Первая же попытка фессалоникийской знати во главе с Синадином открыто стать на сторону Кантакузина вызвала в городе восстание, во главе которого стали зилоты — «ревнители», сторонники центрального правительства. Около тысячи знатных горожан вместе с Синадином были изгнаны. Власть в городском самоуправлении перешла в руки зилотов.

Характеристики Иоанна Кантакузина, Никифора Григоры и других современников показывают, что зилотов вряд ли можно рассматривать как выразителей интересов сколько-нибудь оформленной городской купеческой, торгово-ремесленной верхушки, вообще сколько-нибудь определённо сложившегося слоя городского зажиточного населения. Они противопоставлены аристократии, но, с другой стороны, не отграничены чётко от всей массы ремесленников и торговцев, не противопоставлены ей. Для аристократии они все в какой-то мере «народ». Скорее всего, это весьма пёстрый по своему составу слой средних городских собственников — зажиточных ремесленников и торговцев, средних городских землевладельцев, представителей среднего звена чиновной администрации, отчасти, вероятно, клира, интеллигенции — словом, всех тех зажиточных представителей городского населения, которых пугало усиливавшееся влияние аристократии в городе и которые пытались сдержать его, сплотившись вокруг императорской власти и используя недовольство народа. Они не занимали непримиримой позиции по отношению к феодальной аристократии и отнюдь не из тактических соображений демонстрировали свою приверженность правительству. Города стали центрами движения против Кантакузина и феодалов, но отнюдь не стремились использовать борьбу между феодалами и центральной властью для упрочения своей автономии, обретения большей независимости. Сложность положения Кантакузина заключалась в том, что горожан повсюду поддерживало крестьянство. Поэтому ему пришлось прибегнуть к помощи внешних сил — сербов, турок-сельджуков, а затем и турок-османов. Параллельно шла консолидация крупных феодалов Фракии, Македонии, Фессалии. В 1343 г. Кантакузин осадил Фессалонику.

Последующие события интересны прежде всего с точки зрения эволюции расстановки социальных сил. С одной стороны, «имевшие большие бо-

гатства, поля и стада», т.е. явно остатки землевладельческой знати, может быть, средние городские земельные собственники «собирались тайно открыть ворота города императору Кантакузину». С другой — источники выделяют зилотов и даже «толпу», «чернь». Заговор знати был раскрыт. Причём характерно, что в нём участвовали представители «средних» — «месой». Как не рассматривать «месой», формально как «средних» между знатью и народом, средних по своему имущественному положению и положению в обществе, в них в любом случае попадает и зажиточная торгово-ремесленная прослойка. Иногда «месой» прямо связывают со становлением верхушки сословия горожан, бюргерства. Таким образом, часть «месой» обнаружила уже в 1343 г. бесспорную тенденцию к компромиссу с Кантакузином.

Его приверженцы были разгромлены, но феодалы всё более устанавливали контроль над областями, что оживило их сторонников в Константинополе. Алексей Апокавк был убит. Практически на компромисс с Кантакузином начинают идти представители государственной администрации. Во главе нового заговора в Фессалонике стал представитель центрального правительства, глава города Иоанн Апокавк. В 1345 г. им была предпринята попытка разгромить зилотов. Последние взяли акрополь. Апокавк и бывшие с ним представители знати были сброшены с его стен. Силы аристократии в Фессалонике были подавлены.

Реальная власть в городе оказалась в руках зилотов. Их главной опорой была корпорация моряков. Понятно её значение в крупном торговом городе, но обращает на себя внимание, что при всех бурных событиях в городе, военных действиях совершенно не упоминается об остальных. Казалось бы, корпорации могли стать основой городского ополчения. Весь материал о событиях в Фессалонике говорит о слабой, аморфной организации корпораций, если они вообще существовали в большинстве профессий. Восстание зилотов и утверждение их реальной власти никак не способствовало укреплению и консолидации корпораций. Видимо, к этому не было объективных тенденций вообще.

Последующие события ещё более показательны. Перевес в борьбе с 1345 г. был на стороне Кантакузина. Правительство шаг за шагом капитулировало. Кантакузин вступил в Константинополь, был признан императором и регентом на 10 лет.

В Фессалонике сохранили свою власть зилоты, которые, судя по данным их противников, находились под сильным давлением народа, массы торгово-ремесленного населения: «Дурно начальствуют ремесленники и худшие люди». Однако и в этих условиях, когда центральная власть оказалась в руках аристократии, а в Фессалонике во многом определяли положение наиболее радикальные элементы, в огромном городе, который уже неоднократно был центром самостоятельных владений, не обнаруживается не только сколько-нибудь заметных тенденций к укреплению автономии, не говоря уже о попытках превращения Фессалоники в самостоятельную городскую республику, — тенденций к движению по «итальянскому пути», но даже и к ослаблению зависимости от явно враждебного интересам массы городского

населения правительства. В период, когда население в определённой мере решало судьбы города, не было внесено никаких существенных изменений в управление городом, которые позволили бы закрепить в нём позиции торгово-ремесленных кругов. Прежней осталась власть правительственного архонта, что позволило Кантакузину именно через гражданскую администрацию города подорвать позиции зилотов. Семь лет, до 1349 г., они фактически находились у власти.

Таким образом, едва ли не самый передовой по уровню своего социального развития город Византии не сделал ничего для того, чтобы перестроить формы городского управления и самоуправления, укрепить и обеспечить в последнем если не преобладание, то хотя бы устойчиво оформленное представительство «бюргерских» кругов. Движение зилотов не было подавлено в прямом смысле этого слова, оно было обессилено изнутри.

Весь ход и исход событий в Фессалонике, как и самой гражданской войны, свидетельствует отнюдь не о том, что новым поднимающимся в Византии социальным силам не удалось сломить господство феодальной реакции, и в этом заключалась сущность исторического перелома в развитии Византии. Скорее всего, это был тот последний бой, который дали усиливавшиеся господству крупных феодалов достаточно «старые» силы — остатки чиновно-служилой знати, цеплявшиеся за централизованные формы эксплуатации и свои доходы от службы, не набравшие силу, а, наоборот, слабевшие торгово-ремесленные круги города, боровшиеся против утверждения полного господства феодалов в нём, а не за упрочение своих позиций в управлении городскими делами.

Эти силы не могли победить. Даже в условиях, когда сама напряжённость социального конфликта подталкивала к тому, торгово-ремесленные круги города не смогли упрочить уже существовавшие формы своей организации. Весь период 1341—1349 гг. — время постепенной капитуляции объединённой вокруг центрального правительства чиновно-служилой знати, слабевших торгово-купеческих кругов, оказавшихся неспособными даже в момент всеобщего недовольства городского населения феодальной аристократией сплотить его и повести за собой, даже исходя из собственных интересов. Мелкое торгово-ремесленное население города разорялось и деклассировалось и не обретало, а утрачивало свою реальную силу.

По-видимому, все эти процессы особенно интенсивно протекали в ходе гражданской войны. Как торгово-купеческие, так и ремесленные круги попадали во всё большую зависимость от феодальной аристократии и оказывались вынужденными смиряться со своим положением. Ещё достаточно мощная, хотя и разнородная прослойка «среднего» населения в городе слабела и исчезала. Характерно, что источники конца XIV — начала XV в. вообще уже не упоминают «месой». Можно говорить об усиливающейся социальной поляризации в городе между кучкой богатых феодалов и массой бедневшего и нищего населения. Все источники, начиная с эпохи гражданской войны, отчётливо свидетельствуют о растущем презрении византийской аристократии к остальному населению, ремесленникам. Ремесленный труд, ранее счи-

тавшийся более достойным и почтенным, чем труд земледельца, в XIV в. также становится презренным занятием, отражая изменения в положении ремесленника. В какой-то мере реальное положение социальных сил показывает сам подход современников середины XIV в., озабоченных остротой конфликта, противоречий. Никто из них не ставит вопрос о необходимости считаться с нуждами, тем более с правами городского населения. Речь идёт лишь о милостивом снисхождении к его бедности и нищете. После 1349 г. византийская аристократия уже вообще могла не считаться с его нуждами и интересами.

Византия вышла из гражданской войны разорённой и ослабленной. Наиболее плодородные области Фракии и Македонии были опустошены, что практически усиливало зависимость разорённого крестьянства от феодалов и монастырей. Многие западные области практически отпали от Византии. Надежды на возвращение даже ближайших бывших владений были потеряны. За время гражданской войны местные владельцы укрепили свою самостоятельность. От эпохи гражданской войны Византия унаследовала длительные военные конфликты с Болгарией и Сербией. Генуэзцы и венецианцы продолжали прибирать к своим рукам важнейшие международные торговые пути Византии, усиливать свой контроль над ними и всё глубже внедряться во внутреннюю торговлю. Попытки Кантакузина ослабить это вмешательство закончились позорным разгромом. Восточная торговля становилась всё более необходимой для Венеции и Генуи как важный источник укрепления собственного могущества и сил для борьбы друг с другом.

Победа феодальной аристократии знаменовалась дальнейшим упадком старой централизованной государственности. Со времени падения Кантакузина страна начинает всё больше делиться на апанажи, уделы, раздававшиеся в управление родственникам и членам императорской фамилии. Её феодальное раздробление усиливалось. Хотя Кантакузин вынужден был отречься в 1354 г., существенных перемен во внутренней политике не произошло, поскольку многое в его политике было лишь санкцией складывавшихся реалий византийской жизни.

Его отречение было во многом вызвано не только неудачами во внешней политике. Кантакузина справедливо упрекали в том, что он первый стал использовать турецкие отряды во внутренней междоусобной войне в Византии и даже селить своих турецких союзников в качестве постоянной военной силы во Фракии и тем самым «указал им путь» в византийские владения. Эти упреки были в достаточной степени справедливы, поскольку именно при нём фактически началось турецкое завоевание Балканского полуострова. В 1352 г., подчинив себе почти все владения Византии в Малой Азии, турки захватили Цимпе на Галлиполийском полуострове, а затем начали его заселение. С вступлением на престол Мурада I (1362—1389) началось планомерное завоевание Балкан. Во взятый турками в 1362 г. Адрианополь в 1365 г. была перенесена столица Османского государства — своего рода заявка на освоение ими Балканского полуострова. Воспользовавшись начавшимся феодальным распадом Сербии и Болгарии, турки в 1371 г. на Марице разбили сербов.

Сербия стала вассалом турок, и Иоанну V не оставалось ничего иного, как последовать их примеру. В 1385 г. турецкие войска овладели Софией, в 1389 г. состоялась знаменитая битва на Косовом поле, которая в принципе решила судьбы Балканского полуострова, в 1393 г. они овладели последним болгарским городом.

В успехах турок-османов следует винить не только раздробленность и разобщённость балканских государств. Османские завоеватели стояли на более высоком уровне развития, чем ранее уже вторгавшиеся в эти районы тюркские завоеватели. Они переживали бурный процесс феодализации. Турки принесли с собой в Анатолию и на Балканы ряд институтов, которые были уже привычны жителям этих областей. Не без знакомства с византийским институтом пронии сложилась типично османская система тимаров как наследственного условного владения. Усиленная условность пожалования при наследственном владении сохраняла право контроля государства за земельным фондом и обеспечивала как военные силы, так и централизованность государственного управления. Она обеспечивала и сохранение балканским феодалам их владений на близких к пронии условиях. С другой стороны, совмещение такой формы владения с функциями управления в какой-то мере представляло собой расширенный вариант иммунитетных прав — к чему стремились византийские феодалы. Таким образом, близость существующих систем землевладения и землепользования облегчала османам завоевание и подчинение завоёванных территорий.

В отношении Поздней Византии нередко ставится вопрос о зарождении и возможностях развития раннекапиталистических отношений. В настоящее время большинство исследователей сходится на том, что в Византии XIV—XV вв. для них не создавалось благоприятных условий. С обеднением массы населения в условиях конкуренции более дешёвых привозных товаров и растущей «безработицей» мелких ремесленников даже дешевизна рабочих рук не создавала благоприятных условий для организации мануфактурного производства. В Византии не было потребности в его расширении. У ремесленников не было для этого средств, а военная обстановка и нестабильность не стимулировали вложение капиталов в ремесло. Не занятые в торговле, они всё более уходили в сферу ростовщичества. Однако в XIV—XV вв. наблюдается всё более интенсивное включение в ростовщичество, ссудно-кредитную деятельность крупных феодалов. Таким образом, и здесь сфера деятельности представителей торгово-купеческих кругов также сужалась. Сокращение и нестабильность спроса, упадок средних слоёв приводили к тому, что ремесленники, производящие предметы роскоши, всё более тесно связывались с домами знати, монастырями, а ремесленники массовых профессий всё более сочетали свой труд с земледелием.

В этих условиях исчезала необходимость в корпорациях, возможность их трансформации в цехи, сложение которых было возможно только в условиях подъёма производства. Не случайно в поздневизантийский период упоминаются преимущественно корпорации непроизводственных профессий — моряков, рыбаков. В Византии, таким образом, не укреплялся цеховой строй,

не развивалось мануфактурное производство. Существующие объединения ремесленников скорее можно рассматривать как продукт разложения старых форм, чем как зародыш и росток новых. В любом случае эти формы объединений сугубо частного, индивидуального характера уже не предполагали участия этих объединений в общественной жизни города. Практически в городе утрачивают реальную силу и значение те круги, которые могли поддерживать элементы городского самоуправления, не говоря уже о борьбе за автономию. Даже двойственный по своему характеру институт демархов, который отчасти выступал раньше как «рупор» населения, в последние десятилетия существования Византии превращается в прямой инструмент административного управления. Переживавшая в конце XIV — начале XV в. известный подъём Мистра — столица Морейского деспотата — представляла собой лишь центр феодального владычества, в котором не прослеживаются не только элементы самоуправления, но даже и существование каких-либо объединений торгово-ремесленного населения, данные о существовании последнего как сколько-нибудь самостоятельного социального слоя в жизни города. Византийское общество шло назад от тех достаточно развитых форм городской жизни, которые существовали ещё в начале поздневизантийской эпохи. Город превращался в феодальную резиденцию, в жизни которой все вопросы решались крупным феодалом. Сходит на нет в эту эпоху и общественно-политическое значение народных собраний — сходок городского населения. Грань между городом и деревней, городом и округой стиралась, а не укреплялась, как это имело место в соответствующую эпоху на Западе. Как опора центральной власти, элементов централизации город всё более уходил из-под её власти. Союз между последней и городами в Византии не складывался, а разрушался.

Тема 9. Падение Константинополя и его исторические последствия.

1. Турецкие завоевания на Балканах во второй половине XIV — первой половине XV в.
2. Попытки заключения унии между западной и восточной церквями и крестовые походы западноевропейских феодалов против турок.
3. Религиозно-политические споры в Византии в середине XV в.
4. Падение Константинополя.
5. Исторические последствия гибели Византийской империи.

Литература:

Кроули Р. Константинополь: Последняя осада. 1453. М., 2008.

Медведев И.П. Падение Константинополя в греко-итальянской гуманистической публицистике XV // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики / Под ред. *Г.Г. Литаврина*. СПб., 1999. С.293-332.

Николь Д. Падение Константинополя: Последние дни Византии. Полумесяц над Босфором. М., 2008.

Норвич Д. История Венецианской республики. М., 2010.

Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV — XVII вв. М., 1984.

Пашкин Н.Г. Падение Константинополя в восприятии западных гуманистов XV в. // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2008. Вып. 38. С. 258-266.

Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. М., 1983.

Дука²⁴⁰ о завоевании Константинополя турками²⁴¹

Глава 37. Итак, когда прошёл месяц январь и начался февраль, приказал Мехмед²⁴² перевезти бомбарду²⁴³ к Константинополю; и запрягли 30 упряжек, и тащили её позади себя 60 быков, я сказал бы, быки быков. А с боков бомбарды — по 200 мужчин с каждой стороны, чтобы тянули и уравнивали её, чтоб не упала в пути. А впереди упряжек — 50 плотников, чтобы готовили деревянные мосты для уравнивания дороги, и с ними 200 рабочих. И так прошли февраль и март до того, как оказалась она на месте, расположенном от города в 5 милях. Ибо незадолго до этого времени в укрепления Понта, т.е. Месемврию, Ахелоон, Визон и остальные, был послан с войском Караджа-бек и присоединил их. Подобным же образом, взяв штурмом и расположенные у Селимврии башни св. Стефана, всех, кто был внутри их, перебил. Остальные же учинили поклонение (т.е. сдались), как и крепость Эпиваты. Итак, которые сдались, оказались нетронутыми; те же,

²⁴⁰ Дука — византийский историк и политический деятель, живший примерно между 1400 и 1470 гг.

²⁴¹ Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. *С.Д. Сказкина*. М., 1963. Т. 2. С. 652-655.

²⁴² Мехмед II Завоеватель (1451 — 1481).

²⁴³ Бомбарда — пушка огромной величины, отлитая в Адрианопле специально для осады Константинополя.

которые оборонялись, были обезглавлены. Селимврия же мужественно оборонялась до взятия столицы. Итак, когда бомбарда была привезена на место, куда было приказано, а Караджа-беку было дано приказание охранять её, он поспешил с войсками, с одной стороны, опустошить окрестности города, а с другой — не дать ромеям возможности выйти из ворот города. А были там и в течение всей зимы расположены на зимних квартирах три отряда из Мизии²⁴⁴ и Пафлагонии²⁴⁵ для несения стражи, чтобы не вышли ромеи и не сделали набега на турок. Итак, вторжение было великое и ромеи не могли выйти. Но в то же время с моря на биремах и триремах²⁴⁶ они опустошали расположенные по морскому берегу до Кизика турецкие местности и многих взяли в плен: одних убили, других же, приведя в Константинополь, продали...

Глава 38. Итак, царь Константин²⁴⁷ вместе с живущими в Галате генуэзцами, насколько была возможность, в высшей степени заботился о защите города, ибо и генуэзцы полагали, что если бы город был взят, то и их укрепление сделается пустынным. Поэтому ещё раньше послали они в Геную письма, прося помощи; и ответили им оттуда, что на помощь Галате уже идёт один корабль с 500 тяжеловооружёнными. Да и венецианские торговые триремы прибыли из Мэотийского залива²⁴⁸ и реки Танаис²⁴⁹, и из Трапезунда; царь и живущие в городе венецианцы не позволили им уйти в Венецию, и они остались на случай помощи городу. Подобным же образом прибыл из Генуи некто, по имени Иоанн Лонг, из рода Джустиниани, с двумя преогромными кораблями, имея на них вместе с вооружёнными генуэзскими воинами и военные машины — многие и прекрасные, дышащие яростным духом. И был этот Иоанн мужем искусным, а в схватках и в военных сражениях сомкнутым строем весьма опытным. Царь принял его с честью и наделил его воинов жалованьем, и осыпал милостями, и почтил его саном протостратора²⁵⁰. И он взял на себя охрану лежащих у дворца стен, ибо видел, что тиран водружает там для метания каменных ядер пушки и всякие другие приспособления для разрушения стен. Подарил он также ему через хрисовульную грамоту и остров Лемнос, если Мехмед будет отбит и возвратится назад, ничего не достигнув из того, что он с дерзостью надеется получить от города. Итак, с этого времени латиняне вместе с Иоанном сражались героически, выходя из ворот города и стоя во внешнем укреплении и по рву. Часто, выскакивая за ров, вступали ромеи в рукопашный бой с турками, иногда отступая, иногда же захватывая пленных. Но это не приносило ромеям пользы, ибо, по правде сказать, один ромей был против двадцати турок... Итак, когда половина апреля была проведена в незначительных схватках, то, так как тиран собирался на большее, были стянуты воины, отборные и наилучшие... Те, кто

²⁴⁴ Мизия — древнее название территории Болгарии между Балканами и Дунаем.

²⁴⁵ Пафлагония — прибрежная область на севере полуострова Малая Азия.

²⁴⁶ Моноремы, биремы и триремы — типы византийских военных кораблей.

²⁴⁷ Константин XI Палеолог Драгас.

²⁴⁸ Мэотийский залив — Азовское море.

²⁴⁹ Танаис — Дон.

²⁵⁰ Протостратор — командующий конницей.

рассматривал их, говорили, что свыше 400 000. А галатские генуэзцы ещё до прихода тирана, находившегося ещё в Адрианополе²⁵¹, отправили послов, возвещая искреннюю к нему дружбу и возобновляя написанные раньше договоры. И он отвечал, что он — друг их и не забыл свою любовь к ним, только чтоб не оказались они помогающими городу. И они обещали. Однако, как показал конец, один из них смеялся над другим. Ибо жители Галаты думали, что теперь всё будет, как прежде, когда город был осаждён предками тирана, которые ничего не добились и ушли с пустыми руками²⁵², а жители Галаты и им свою дружбу выказали, и горожанам по мере своих сил помогали. Так и теперь обманно они выказывали свою дружбу, на самом же деле тайно помогали в войне городу. А тиран в свою очередь думал: «Дозволю я, чтобы змея спала, до тех пор, пока поражу дракона, и тогда один лёгкий удар по голове, и у неё потемнеет в глазах». Так и случилось...

... Лонг Джустиниани задумал приблизиться ночью к неприятельским баремам и сжечь их. И вот, приготовив одну из трирем и поместив на ней испытаннейших из итальянцев и всевозможные машинные приспособления, они стояли, ожидая часа. Генуэзцы же Галаты, узнав, что делается, сообщили об этом туркам. А те, всю ту ночь проведя без сна и приготовив пушки, стали ожидать латинян. Латиняне же, ничего не зная о сношениях жителей Галаты с нечестивцами, около полуночи подняли якоря, и трирема без шума приблизилась к турецким судам. Турки же, так как в течение всей ночи они бодрствовали, бросают в порох бомбарды огонь; и вот выпущен был камень в трирему: с величайшим шумом ударив в неё, он низверг её вместе с моряками вниз под воду, потопив в глубине...

Глава 39. ... Военное счастье [в ходе генерального штурма 29 мая] уже склонялось на сторону турок... И можно было видеть полное содрогания зрелище, ибо ромеи и латиняне, препятствующие придвигающим к стенам лестницы, одни были ими рассечены, другие же, закрыв глаза, падали со стены, сокрушив тела и ужасным образом лишаясь жизни. Лестницы же стали турки приставлять теперь беспрепятственно и поднимались на стену, как орлы летящие.

Ромеи же, бывшие с царём, не знали о происшедшем, потому что ворвались турки в город далеко, а кроме того, и потому, что всё их внимание было направлено на сражающихся против них. Ибо сражающихся с ними турок, мужей воинственных, было двадцать против одного ромея, да к тому же ромеи не были столь великими воинами, как сражавшиеся против них турки. Итак, и цель их, и забота были направлены против тех. Вдруг в это время видят они стрелы, устремляющиеся на них сверху и поражающие их. Посмотрев вверх, видят они турок, увидав же, обратились в бегство... Когда же они (турки) вошли и рассеялись от ворот Харисийских до дворца, каждого вышедшего им навстречу убивали, равно как и бегущего. Итак, они убили мужей-воинов до 2000. Ибо турки боялись, потому что всегда они считали, что

²⁵¹ До захвата Константинополя, примерно с 1365 г., Адрианополь был столицей турок.

²⁵² Имеется в виду, очевидно, осада 1422 г.

внутри города самое меньшее будет воинов примерно 50 000. Поэтому они и убили 2000. Ибо, если бы они знали, что войско не превосходит 8000, не стали бы они убивать кого-либо, ибо жаден до денег род этот: даже если убийца отца попадёт им в руки, и того за золото они отпускают... И тогда все женщины и мужчины, монахи, монахини побежали в церковь, неся на руках детей своих, оставив дома свои желающему войти. И можно было видеть, что улица забита ими, полна людей. Но разве могли все вбежать в Великую церковь?.. Преогромный храм тот в один час сделался полным как мужчин, так и женщин: и внизу, и вверху, и в боковых пристройках, и во всяком месте толпа бесчисленная...

Турки, разбегаясь во все стороны, убивая и беря в плен, пришли наконец к храму, когда ещё не миновал первый час утра, и, увидев, что ворота заперты, не мешкая, разломали их топорами. Когда они, вооружённые мечами, ворвались внутрь и увидели бесчисленную толпу, каждый стал вязать своего пленника...

Георгий Сфрандзи²⁵³ о числе войск, участвовавших в сражении за Константинополь²⁵⁴

Глава 3. ... Ещё 10 апреля, сосчитав свой флот и сухопутное — конное и пешее — войско, эмир [султан Мехмед II] нашёл, что трирем, бирем, монорем, быстроходных кораблей и небольших судов было у него до 420 вымпелов, а войска, которое сражалось на суше, — 258 000 человек. Для сопротивления им мужчин внутри города такой огромной величины было 4973, кроме иностранцев, которых едва насчитывалось 2000. А что это было так, узнал я следующим образом. Согласно приказу императора, каждый из димархов и стратигов²⁵⁵ составил по своему участку точный список всех лиц, как светских, так и монахов, способных к военной службе, указав также, какое каждый из них имел оружие для обороны. И вот каждый из димархов передал список своего участка царю. А царь приказал мне: «Дело это имеет к тебе отношение, ибо все эти сведения должны сохраняться в тайне. Итак, возьми все эти списки и сядь у себя дома, сосчитай точно, сколько в них значится людей и какое у них оружие, а также щиты, луки и метательный инструмент». И вот, выполнив приказанное мне царём, я представил результат подсчёта повелителю моему, царю, с грустью и великим унынием: и число это осталось тайным для всех, кроме меня и императора.

²⁵³ Георгий Сфрандзи (1401 — 1478) — византийский писатель и политический деятель. С 1451 г. занимал высший гражданский пост великого логофета.

²⁵⁴ Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1963. Т. 2. С. 655-656.

²⁵⁵ Димархи и стратиги — гражданские и военные начальники.

Прежде чем султан начал осаду, император послал ему предложение взять себе все города и их окрестности вне Стамбула, но оставить ему, императору, город, за что император будет платить султану ежегодную дань. Но султан, не внимая этим предложениям, ответил, что сабля и его религия неразлучны, и потребовал, чтобы император сдал ему город. Получив отказ, император установил на башнях и стенах артиллерию, воинов, вооружённых мушкетами и большими запасами смолы.

К концу первого дня до наступления ночи султан приказал установить в нужных местах батареи и начал подступ к городу при помощи янычар, а как только пушки были установлены, он приказал подвергнуть стены сильному обстрелу, не говоря уже о непрерывном граде стрел и камней, бросаемых метательными машинами, которые подобно дождю засыпали город. Осаждённые в свою очередь производили непрерывные залпы из мушкетов и пушек, заряженных каменными ядрами, которыми они причиняли большие страдания многим мусульманам, оросившим своей кровью землю. В это время прибыли два больших корабля, посланные на помощь императору франками, и высадили значительное подкрепление, которое быстро проникло в город. Затем, так как мусульмане принуждены были удалиться от стен вследствие сильных вылазок неприятеля, осаждённые стали громко кричать со стен и насмехаться над ними самым оскорбительным образом... И вот султан, собрав начальников, сказал, что для того, чтобы воспрепятствовать неприятелю делать вылазки, нужно вырыть в качестве прикрытия глубокий ров: это позволит укрыться от нападения неприятеля и, во-вторых, не даст возможности неприятелю прорваться и уйти. Так как город окружён стенами с трёх сторон, то осаждать его с суши — пропащее время. Приходилось изыскивать средства для атаки его с моря. Это было трудное предприятие, потому что гавань между Галатой и Стамбулом была так прочно защищена цепью, что через неё нельзя было пройти ни одному судну.

Как ни умны были начальники, они не могли придумать средства для преодоления этого препятствия. Тогда султану пришла в голову мысль перетаскать галеры по земле от нового замка, что позади Галаты, к крайней части гавани и таким путём напасть на город со стороны моря, подвергнув его пушечному обстрелу. Византийцы были уверены, что это единственное место, через которое мусульмане не смогут напасть на них. Однако предприятие, задуманное султаном, удалось благодаря ловкости опытных инженеров, которые при помощи невероятных усилий сумели перетаскать галеры через горы. Когда галеры были переправлены, ими воспользовались для того, чтобы устроить мост, и этот мост стал путём для нападения со стороны гавани и для крепкого охвата осаждённых и с этой стороны. Император оказался в большом затруднении, будучи принуждён разделять свои силы, для того чтобы противодействовать натиску с новой стороны. Он поставил франков защи-

²⁵⁶ Придворный историк турецких султанов (XVI в.)

²⁵⁷ Степанова В.Е., Шевеленко А.Я. История средних веков: Хрестоматия. Ч. II. М., 1981. С. 37-39.

щать ворота Едирех, а со стороны гавани поставил заслон из своих войск, очень недовольных, что им предпочли франков. Это внесло ссору между защитниками, а в султана вселило надежду на счастливый исход великих усилий.

После того как султан убедился в наличии всех этих разногласий, он приказал начать штурм со стороны Едирехских ворот...

Город был взят, и войска, войдя в него, предали его крови и разграблению...

Грабёж продолжался три дня, и не было ни одного воина, который не стал бы богатым благодаря захваченной добыче и рабам. По прошествии же трёх дней султан Мехмед запретил под страхом тяжких наказаний продолжать грабёж и резню, которая всё ещё не утихала. Все повиновались его приказу. Когда наступило полное спокойствие, вместо нелепого колокольного звона раздался приятный голос муэдзина, возвещающий пять раз в день час молитвы. Из церквей выбросили идолов, очистили их от запахов, которыми они были оскверняемы, и устроили в них ниши, дабы обозначить место, куда следует устремлять взор, когда творишь молитву. К церквям приделали минареты; одним словом, не забыли ничего, чтобы превратить их в места благочестия для мусульман.

Падение Константинополя²⁵⁸

...Ещё в конце XIV в. византийский император Иоанн VII предлагал французскому королю Карлу VI права на трон империи в обмен на крепкий замок и 25 тысяч флоринов ежегодного дохода. Но король не купил Константинополя, у ворот которого стояли турки: казалось, что дни его сочтены. И только разгром османов Тимуром в 1402 г. отсрочил падение Константинополя ещё на 50 лет...

Подготовка к осаде Константинополя. В 1448 г. умер Иоанн VIII. Спор между братьями Константином и Дмитрием за право владеть Константинополем был решён Мурадом II в пользу Константина, коронация которого состоялась в 1449 г. Через два года умер и Мурад II. Султаном стал его сын Мехмед II (1451—1481), прозванный Завоевателем. Борьба за Константинополь вступила в решающую фазу.

По согласным отзывам современников, последний византийский император Константин XI Палеолог-Драгас был выдающейся личностью. Он обладал незаурядными полководческими способностями, личным обаянием и храбростью. Но все его качества не могли оказать какого-либо заметного влияния на ход событий, исход которых был ясен. Все отчаянные усилия нового императора могли отдалить теперь даже не год и месяц, а лишь день падения столицы.

Мехмед II был молод, талантлив, решителен и жесток. Он был сыном наложницы и не мог рассчитывать на престол, если бы его старшие братья не умерли раньше его. Придя к власти, Мехмед II убил своего восьмимесячного

²⁵⁸ Каждан А.П., Литаврин Г.Г. Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958. С. 306-323.

брата. О жестокости Мехмеда II ходили слухи, заставлявшие трепетать даже его друзей. Рассказывали, что он отрубил голову своему рабу только для того, чтобы показать судороги шейных мускулов итальянскому художнику, который писал портрет султана. По другой легенде, Мехмед II приказал вспороть животы четырнадцати своим слугам, чтобы узнать, кто из них осмелился съесть дыню из его сада. Не раз султан лично творил расправу над своими подданными. Любя бродить переодетым по улицам Адрианополя, он сам убивал неосторожного, который не мог скрыть, что узнал султана.

Мехмед II был вместе с тем способным полководцем, умевшим обдуманно и с большой настойчивостью добиваться своих целей. Овладение Константинополем стало его заветной мечтой, едва он вступил на престол.

Вернувшись ранней весной 1452 г. из похода в Малую Азию, Мехмед II решил блокировать Константинополь и с моря, как он уже был блокирован с суши. В северной части Босфора, на азиатском берегу, ещё при Мехмеде I турки выстроили крепость Анатоли-Хиссар. Теперь против неё на европейском берегу Босфора Мехмед II приступил к строительству крепости Румели-Хиссар. Послы императора пытались заявить протест Мехмеду II, но получили в ответ: «От твоего города, — велел передать султан Константину, — я не отнимаю ничего... Если же ещё кто явится ко мне по этому делу, с него будет содрана кожа». Открытая война была объявлена. Многие представители византийской знати бежали на Запад, отсылали туда свои семьи и ценности. Петля захлестнулась вокруг города: горло Босфора было перехвачено, и уже в августе пушки крепости стали топить корабли, отказывающиеся от их осмотра турецкими чиновниками. В Константинополе снова думали о том, как получить помощь с Запада. К 1450 г. положение униатов в столице было таково, что униатский патриарх предпочёл бежать в Рим. Массы населения слепо шли за новым главой антилатинской партии — монахом Геннадием Схоларием. Папа был раздражён упорством «схизматиков» и осенью 1452 г. в ответ на просьбу о помощи прислал кардинала Исидора, прогнанного из Москвы после того, как он принял унию на Флорентийском соборе. С Исидором прибыли несколько десятков наёмников с острова Хиос, Генуя прислала два военных генуэзских корабля с 700 воинов, возглавляемых опытным военачальником Джованни Джустиниани Лонгом, из Венеции вскоре прибыли также два корабля под командованием Морозини.

Полагая, что Запад готов оказать ему значительную помощь, Константин объявил о возобновлении унии; в декабре в храме св. Софии была торжественно совершена униатская церковная служба. Весть об этом была с возмущением встречена населением; огромная толпа, предводительствуемая монахами, отправилась в монастырь Пантократора, к Геннадию Схоларию. Глава православных не вышел к возбуждённому народу, он вывесил на дверях своей кельи ответ на вопрос пришедших, как быть: «О жалкие ромеи! — писал он. — Зачем вы сбились с праведного пути: удалились от надежды на Бога и стали надеяться на силу франков; вместе с городом, в котором скоро всё будет разрушено, отступили вы и от благочестия вашего?.. Милостив буди мне, Господи! Свидетельствую пред лицом твоим, что неповинен я в

этом». Так этот фанатичный предводитель антилатинской партии, предрекая гибель городу, умывал руки, усилив своим заявлением лишь смуты и раскол среди населения столицы. Народ вслед за монахами объявил осквернёнными церкви города, в которых совершалось богослужение по униатскому обряду, в том числе и св. Софию.

Выражая настроения крайних приверженцев православия, начальник византийского флота Лука Нотарá бросил крылатую фразу, быстро облетевшую весь Константинополь. Узнав о восстановлении унии, он сказал: «Лучше увидеть в городе царствующей турецкую чалму, чем латинскую тиару». Мало того, что в городе не прекращалось соперничество между жившими в нём и в Галате, а также прибывшими защищать его генуэзцами и венецианцами — продолжалась борьба и между греками и иноземцами; согласия не было и среди самих греков. Константин XI лихорадочно готовился к осаде города: запасал продовольствие и оружие, укреплял полуразрушенные местами стены, лил пушки, торопил деспотов Пелопоннеса с присылкой помощи. Но братья-деспоты не прекращали раздоров друг с другом; посланный султаном со значительным войском Турхан-паша постоянно вмешивался в эти раздоры и сковывал силы морейских греков, так и не оказавших существенной помощи Константинополю.

Видя приближение развязки, генуэзцы Галаты стали частыми гостями в Адрианополе при султанском дворе. Они торопились заручиться благосклонностью султана на случай падения Константинополя: подносили Мехмеду II богатые дары, предлагали дружбу и мир, давали советы и обещания.

Приготовления Мехмеда II были между тем грандиозны. Султан считался довольно образованным человеком, некоторые познания в истории он получил и от окружавших его ренегатов-греков. Он знал, что взятие такой твердыни, как Константинополь, было нелёгкой задачей даже теперь, когда исчезла былая мощь Византии. «И проводя все те ночи без сна, — писал о нём византийский писатель Дука, — и беспокоясь, не оставлял он дум о городе, часто беря в руки бумагу и чернила и чертя план города, показывая сведущим в укреплениях, где и как поставить боевые машины и укрепления, где провести подкопы и вход в ров и лестницы к какой стене поставить, — а попросту сказать: всякое приготовление обдумывал он ночью, а рано утром по его приказу всё делалось, потому что руководил он находчиво и очень хитро». Основное внимание Мехмед II уделил созданию осадной артиллерии. В Адрианополе появился бежавший из Константинополя литейный мастер венгр Урбан, недовольный нищенской оплатой своих трудов византийским императором. Обласканный султаном, Урбан стал лить пушки для турок. По особому заданию Мехмеда II он отлил пушку чудовищной величины, стрелявшую каменными ядрами в 600 килограммов весом каждое. Для перевозки её к стенам Константинополя потребовалось 60 отборных волов и множество народу, занятого выравниванием дороги, строительством и укреплением мостов и удержанием пушки в равновесии на специально сооружённых для это-

го катках. Перевозка пушки из Адрианополя до Константинополя заняла, как сообщают современники, около двух месяцев.

Начало осады. Весной 1453 г. султан закончил последние приготовления к походу. Вперёд была выслана часть войска, которая овладела последними городами Византии — Месемврией, Анхиалом, Визой и Селимврией. Турки опустошили окрестности столицы: проастии, загородные имения, укрепления, башни и даже деревни — всё было разрушено и сожжено; не успевшее бежать под защиту стен города население было взято в плен, перебито или переселено в другие места. Вокруг обречённого города вместо некогда цветущих садов и виноградников, загородных вилл с фонтанами и прудами лежала безжизненная пустыня. Вскоре двинулись к Константинополю и основные силы османов. Вместе с войском к столице ромеев переправлялись бесчисленные стенобитные и метательные машины, пушки и ядра, лестницы и заступы, порох и продовольствие — всё, что было необходимо для осады громадного города. Кроме многотысячной армии, пешей и конной, двигались десятки тысяч вспомогательных отрядов и толпы разного люда, жаждущего добычи и случайной поживы. Масса вьючных животных и повозок с различным оружием и провиантом дополняла картину. Одновременно к Константинополю подошёл многочисленный турецкий флот, закрывший морские подступы к городу с севера и юга.

Константинополь имел форму огромного треугольника, вершина и две стороны которого омываются морем. Длина окружающих его стен равнялась приблизительно 20 километрам. Стены, омываемые Мраморным морем и волнами Босфора, были прочными и подступали вплотную к морю. Было ясно, что не отсюда осаждённому угрожает опасность. В продолжение всей осады южная стена не отнимала сил у защитников города. Наиболее слабо укреплённой была стена, идущая вдоль Золотого Рога, имевшая и наибольшее количество ворот, так как залив был главной гаванью города. Залив был перегорожен тяжёлой цепью, протянутой от стен города к крепостной башне Галаты и препятствующей входу в него неприятельских судов, и северная стена была под охраной стоявшего в заливе византийского флота. Численность его была крайне невелика. В разных источниках она определяется по-разному, но ни один из авторов-современников не насчитывал в нём более двух с половиной десятков кораблей. Здесь были три генуэзских корабля, на двух из которых прибыл на помощь городу Джустиниани, три корабля с острова Крита, три больших венецианских торговых судна, два-три корабля из Испании и Франции и несколько византийских крупных и мелких, военных и торговых судов. Несмотря на свою малочисленность, этот флот представлял в войне с турками серьёзную силу, так как его корабли значительно превосходили по качеству и вооружению суда турок. Они имели высокие борта, позволяющие стрелкам и пушкарям укрываться от стрел и ядер врага, и, кроме пушек, имели на вооружении знаменитый «греческий огонь». Моряки Константинополя, а также генуэзцы и венецианцы были гораздо более опытными в искусстве морского боя и судовождения, чем экипажи турецких кораблей. Казалось, что цепь, перегораживающая залив, и стоящие за ней суда

надёжно защищают северную стену Константинополя. Поэтому защитники города сосредоточили главные силы на обороне третьей, западной стены, против которой расположились несметные полчища конных и пеших войск султана и на которую должен был, несомненно, обрушиться их основной удар.

Количество защитников города было ничтожно. Население Константинополя ко времени осады значительно сократилось, но и теперь он насчитывал не менее 50 тысяч жителей. По словам Георгия Сфрандзи, бывшего личным другом и секретарём Константина XI, незадолго перед осадой император распорядился, чтобы стратиги и димархи (гражданские чиновники) составили в каждом районе списки лиц, «как светских, так и монахов, способных к военной службе, указав также, какое каждый из них имел оружие для обороны». Когда эти списки были представлены во дворец, Константин XI приказал Сфрандзи лично произвести подсчёт общего числа защитников города и сохранять эти результаты в глубокой тайне. Итоги подсчёта поразили секретаря и императора, исполнив обоих, как говорит Сфрандзи, «грустью и великим унынием». Согласно спискам, готовых к защите граждан было 4973 человека, «кроме иностранцев, которых едва ли насчитывалось 2 тысячи». Боеспособных мужчин город имел, разумеется, намного больше, но они почему-то не могли или не хотели принять участие в его обороне.

Длина стены, обращённой к суше, была равна примерно 7 километрам, следовательно, даже если бы две трети защитников города встали на её оборону, на каждого из них пришёлся бы участок стены, равный приблизительно полутора метра. Но ведь немало воинов находилось на судах, и сторожевые посты имелись и вдоль других стен города. Цифра, сообщаемая Сфрандзи, фантастически ничтожна. Может быть, в списках, которыми он занимался, действительно число воинов не превышала 5 000. Однако в ходе осады какая-то часть городского населения, как мы увидим, пришла на помощь своим защитникам и принимала активное участие в боях. Но так или иначе, количество обороняющих город было совершенно недостаточным. Без помощи извне город был заранее обречён на гибель.

Западная стена была двойной и наиболее укреплённой; перед ней тянулся глубокий ров, наполненный водой. В северо-западном углу к стене примыкала крепость — дворец Влахерны, на юго-западе — крепость Кикловион (Семибашенный замок). Стена имела более ста бастионов, особенно мощных вблизи ворот, которых город имел на этой стороне 7. Главными из них были ворота св. Романа, а к северу от них — Харисийские (или Адрианопольские) и деревянные (Ксилопорта), к югу же от ворот св. Романа — ворота Царские или Золотые, ведущие в крепость Кикловион. Против Харисийских ворот не было второй, наружной стены и рва, который был вырыт по приказу Константина XI только перед самой осадой. Несмотря на свою высоту и толщину, стены потеряли былую прочность. Местами они настолько обветшали, что защитники города, боясь разрушить их, не осмеливались ставить на них пушки крупного калибра.

Гибель Константинополя была одним из крупнейших событий позднего средневековья, и многие авторы на самых разных языках описали последние дни византийской столицы. Известия и описания эти нередко весьма противоречивы — и не только в деталях: самая оценка событий в них различна. Среди всех авторов выделяются два: Сфрандзи и Нестор Искандер. Сфрандзи пережил всю осаду и был участником и свидетелем событий в городе от начала осады и до своего пленения. Нестор Искандер — русский по происхождению, попавший мальчиком в плен, вероятнее всего, к татарам и перепроданный или отправленный ими к турецкому султану в его гвардию янычаров. Принуждённый переменить религию, он был воспитан в султанской военной школе и стал янычаром. Воспитание янычаров осуществлялось в духе смертельной ненависти к «неверным», т.е. христианам, и беспредельной рабской преданности своему повелителю. Войска янычаров составляли ядро турецкого войска, султанскую гвардию, наиболее боеспособную часть всех турецких военных сил. Но Нестор Искандер вопреки всему этому мечтал о возвращении на родину, глубоко затаив ненависть к поработителям. Участвуя в осаде в янычарских войсках султана, он был душой с осаждёнными, радуясь всем их успехам и втайне оплакивая их неудачи. Будучи очевидцем всего, что происходило вне города, в стане его врагов, Нестор написал вскоре после падения Константинополя повесть о его гибели. Произведение Нестора Искандера было написано на древнерусском языке и в конце XV — начале XVI в. занесено на Русь. Количество осаждающих Нестор определял в 258 тысяч человек, что, по всей вероятности, является значительным преувеличением. Впрочем, такую же цифру называет и Сфрандзи. Другие авторы определяют число турецких воинов в 150 — 200 тысяч человек. Близкие к этому данные приводит византийский писатель Дука, который сообщает, что на одного защитника стен приходилась до 20 осаждающих.

Первый штурм. 2 апреля султан поставил свою палатку на невысоком холме против ворот св. Романа; турки расположили свои войска и 14 батарей пушек вдоль всей западной стены, сосредоточив основные силы в центре, близ ставки султана, где была установлена огромная пушка Урбана. Одновременно отряды турок окружили с севера Галату, чтобы заставить генуэзцев соблюдать обещанный ими султану нейтралитет. Турецкий флот прервал всякое сообщение Константинополя с внешним миром по морю. Правое крыло турецкого войска составляли отряды, переправленные из Азии, левое крыло состояло из отрядов европейских вассалов султана, хорошо вооружённых и закованных в латы недавних врагов султана из Сербии, Болгарии и Греции. Позади ставки султана, окружённой 15-тысячным войском янычаров, располагалась конница, прикрывающая тыл осуждающих на случай, если с Запада Константинополю будет послана помощь, слухи о которой не переставали ходить до последних дней осады города.

Константин XI ещё раз отправил на Запад и на острова воззвания о помощи и посольство к султану — просить мира любой ценой. Но султан не хотел никаких переговоров — он решил сделать Константинополь своей сто-

лицей. На рассвете 7 апреля в стане турок раздался первый пушечный выстрел — битва за город началась.

Главные силы защитников города были стянуты к воротам св. Романа, на штурм которых турки бросили свои основные силы и на которые обрушили огонь большинства своих батарей. Командовал здесь Джустиниани, которому император доверил и общее руководство обороной города. Начальство над флотом и обороной северной стены были поручены Луке Нотаре; между ним и Джустиниани сразу же возникло соперничество, и Лука Нотара отказался в один из критических моментов на западной стене помочь Джустиниани и передать ему часть своей артиллерии. Сам Константин почти не покидал бастионов у ворот св. Романа.

В течение первых дней осады турки ограничивались обстрелом городских стен из пушек. Их артиллерия значительно превосходила и по количеству и по качеству артиллерию греков и сыграла в падении города одну из главных ролей. Правда, первые результаты обстрела разочаровали султана. Бессистемно посылаемые в стены каменные ядра раскалывались, они лишь крошили наружный слой стены, не причиняя ей существенного вреда. Огромная пушка, которой не давали остыть, вскоре разорвалась, причём пострадал и сам её творец Урбан, которому пришлось срочно отлить новую, стрелявшую без помех до конца осады. Но скоро положение изменилось. Турецкие бомбардиры стали смазывать жерла пушек маслом после каждого выстрела, а венгерский посол, прибывший от Яноша Гуниади в лагерь турок, научил их искусному приёму обстрела и разрушения крепостных стен.

В первые дни обстрела осаждённые не раз открывали ворота, совершая нередко удачные вылазки и нанося серьёзный урон туркам. Под стенами города завязывались ожесточённые рукопашные схватки, но скоро, несмотря на успешный исход этих сражений, император запретил вылазки. Они вели к потерям, которые никак не оправдывались результатами. Отныне осаждённые стали выходить за пределы своих стен только ночью, тайно от турок.

8 апреля турецкие войска начали штурм города. «Откликнувшие свою безбожную молитву», — пишет Нестор, — после сильного обстрела города из пушек, пищалей, метательных машин и луков, так что «граждане от безчисленного стреляния не можаху стоати на стенах», турки «нападоша на град вкупе со всех стран, кликуше и вопиюще, овьи со огны различными, овые с лествицами, овые с стенобитными хитростями и иными многы козни на взятие града». На головы осаждающих лили кипяток, кипящую смолу, сыпали камни; в них стреляли из луков, пищалей и пушек. Причём греки заряжали свои небольшие пушки пулями в лесной орех величиной, в заряде их было от 5 до 7 — этим достигалось одновременное поражение одним выстрелом нескольких врагов. Колокола бесчисленных церквей города звонили непрерывно, дым от пушечных выстрелов и дым слепили глаза, в городе раздавались плач и рыдания, дико вскрикивали раненые и умирающие, неумолчными боевыми криками сражающиеся подбадривали друг друга, звенели мечи и сабли, всё слилось в сплошной грохот и «не бе слышати, — говорит Нестор, — друг друга, что глаголет». Трупы падали с обеих сторон, убитыми и ранены-

ми турками скоро наполнились рвы. Груды тел лежали у стен, по которым стекала кровь. Новые отряды турок бросались на бастионы. Поднимаясь по мёртвым телам, как по ступеням. Но скоро отступили, оставив у стен города, по словам Нестора, до «8 тысяч всех убиенных». Не предпринимая нового штурма, султан возобновил обстрел города.

Морская победа византийцев. 20 апреля произошло первое морское сражение. Ещё задолго до осады Константин XI отправил на острова Эгейского моря своих архонтов и стратиггов закупить продовольствие. В апреле 4 гинуэзских корабля, нанятые императором, и один корабль Константина, везший хлеб из Пелопоннеса (по другим данным — из Сицилии), вынуждены были задержаться у острова Хиоса из-за противного северного ветра. Ветер переменялся через несколько дней, но когда корабли подходили к городу, он был подвергнут уже полной блокаде. 5 судов были встречены несколькими сотнями кораблей и лодок турецкого флота, начальник которого болгарский феодал — ренегат Балта-оглу решил захватить идущие в Константинополь суда. Корабли греков и гинуэзцев, не сбавляя хода, двигались к городу, несмотря на тучи стрел, обрушившихся на них. По словам Дуки, стрел было так много, что они мешали гребцам погружать вёсла в воду. Большие и прекрасно вооружённые корабли императора топили суда турок вместе с людьми, громили скучившийся флот турок из пушек и метательных машин, жгли его греческим огнём.

Сражение разыгралось в виду города. С затаённым дыханием жители Константинополя следили за ходом боя. На берегу в пышном окружении своей свиты следил за ходом битвы и сам султан Мехмед II, удивление и досада которого возрастали с минуты на минуту. Рассказывали, что в один из самых критических моментов. Видя бессилие и гибель своих моряков, в отчаянных условиях стремившихся на глазах своего повелителя взять на абордаж греков, Мехмед II в крайнем возбуждении въехал на коне в море, как будто хотел сам помочь своим кораблям. Несмотря на страшный урон, который терпели турки, султан заставил повторить атаку, но она закончилась ещё более плачевно: турецкие суда тонули и горели вместе со своими экипажами, а все пять кораблей греков и гинуэзцев уже входили в гавань города. По сообщению Сфрандзи, турецкий флот потерял в этом сражении десятки судов и свыше 12 тысяч убитыми.

Борьба на стенах. Одновременно с обстрелом города и первыми попытками штурма, отбитого защитниками стен, султан приказал рыть подкоп под Харисейские ворота, намереваясь взорвать их и открыть проход в город для осаждающих. Но греки узнали о подкопе турок и под руководством «германца Иоанна, весьма искусного в военных подкопах и в изготовлении пороха», стали рыть встречный подкоп, куда заложили много пороха. Когда между подкопами турок и греков осталось ничтожное расстояние, греки взорвали порох вместе с находившимися под землёй турками. Ещё несколько попыток разрушить стены с помощью подкопов не дали результатов; скалистый грунт делал работу страшно трудной, и турки скоро отказались от этого способа разрушения стен города.

В воротах св. Романа и на других участках стены уже появились между тем широкие бреши. Чтобы проложить к ним дорогу через ров, султан бросил толпы людей на работы по его засыпке. Под обстрелом греков, неся огромные потери, тысячи людей устремились ко рву, бросая в него камни, связки хвороста, брёвна, пустые бочки, мешки с песком и землёй. В тесноте, под градом стрел, ядер и камней, летящих со стен, обезумевшие от ужаса и ярости люди сталкивали в ров друг друга, «а идущие позади, — по словам Сфрандзи, — безжалостно бросали на них сучья и землю, засыпая их всем этим и живыми отправляли в ад». Ров засыпали, но едва наступала ночь, как осаждённые под покровом темноты очищали его, и на утро ров приобретал свой обычный вид.

Султан приказал изготовить огромную осадную башню имевшую несколько ярусов. На одних её этажах были установлены пушки, на других было помещено множество различных материалов для засыпки рва, на третьих находились всевозможные осадные орудия, лестницы и крючья для осады стен. Снаружи башня была покрыта тремя рядами сырых воловьих шкур, которые должны были предохранять её от огня. Если бы осаждённые попытались её сжечь. Башня была поставлена на колёса, и её пушки дали одновременный залп по воротам св. Романа. Залп снёс до основания бастионы вблизи ворот. Башня тотчас была придвинута ко рву, и пока одни стреляли из пушек, другие засыпали вор находящимися в ней материалами. Ров был засыпан, башня придвинута, но утомлённые турки были отбиты и глубокой ночью прекратили свои атаки, надеясь, «что рано утром они без большого труда войдут в город».

И вот ночью, рассказывает Сфрандзи, под руководством Джустиниани, ободряющего своих воинов, и в присутствии императора со многими горожанами, «пришедшими на помощь, совершив великий труд, рвы очистили, упавшую башню (ворот св. Романа) с невероятными усилиями восстановили, а неприятельскую осадную машину ... сожгли. Когда же около третьего пения петухов появились с радостью неприятели, надеясь ... легко войти в город, и когда они увидели, что их надежды тщетны, они были поражены. Дивился искусству наших и султан, весьма опечаленный и посрамлённый, и, дивясь, говорил: «Если бы и 37 тысяч пророков сказали мне, что эти нечестивцы, — т.е. мы, — в одну ночь могут сделать, что они сделали, — я бы не поверил».

Потерпев неудачу со вторым штурмом западной стены, султан решил усилить натиск на северную, наиболее слабую стену. Но для этого нужно было, чтобы суда турок вошли в Золотой Рог. Попытки прорвать цепь были безуспешными. Охранявший её императорский флот и суда генуэзцев и венецианцев наносили большой урон турецким кораблям, осмеливавшимся приближаться к цепи. Тогда султан решил перетащить в залив свои суда волоком по суше. Позади Галаты была выравнена и устлана досками дорога длиной в 8 км, соединявшая берега Босфора с Золотым Рогом. Генуэзцы Галаты ничем не помешали этим приготовлениям турок. Поведение торговцев Лигурийской республики в течение всей осады Константинополя вообще бы-

ло вероломным. С одной стороны, они боялись падения столицы империи, опасаясь, что останутся после этого один на один с могущественным врагом и могут быть в любую минуту раздавлены по малейшему капризу султана, несмотря на все их с ним договоры. Но ещё более они боялись открытого разрыва с султаном. Поэтому ночью они нередко помогали своим соотечественникам в Константинополе, а днём — туркам.

Когда помост был готов, он был обильно смазан салом и жиром, и в ночь на 22 апреля в Золотой Рог было перетащено 80 турецких судов. Затем от северного берега Галаты в глубь залива был построен плавучий деревянный настил, на котором были установлены пушки для обстрела кораблей греков и городских стен. Эти меры султана вызвали уныние среди осаждённых. Приходилось снимать часть и без того слабых сил с западной стены, чтобы усилить оборону северной. На военном совете в Константинополе было решено сжечь корабли турок «греческим огнём». Вызвалось 40 добровольцев — смелых и сильных юношей из греков и итальянцев. Они должны были ночью на трёх лёгких быстроходных судах подкрасться к флоту турок, поджечь его и деревянный помост. Но узнавшие об этом генуэзцы Галаты, стараясь снискать расположение султана, предупредили турок. Смельчаки попали в засаду и были схвачены, успев поджечь лишь один корабль. Все взятые в плен были казнены; в ответ император приказал казнить 260 пленных турок, головы которых были выставлены на стенах в виду осаждавших. Неудача сильно опечалила греков. Раздоры между генуэзцами и венецианцами усилились.

Попытки султана добиться успеха со стороны залива не принесли большого успеха. Турецкий флот, ведя перестрелку с кораблями осаждённых, так и не осмелился, несмотря на превосходство в численности, завязать с ними сражение. Пушки, установленные на помосте, почти не беспокоили защитников стен: ядра на излёте лишь царапали стены, а греческие суда легко уходили из-под обстрела. Скоро пушки с деревянного настила были сняты и снова установлены против западной стены города.

Падение Константинополя. В городе между тем росла нужда. Истощались запасы продовольствия. Константин XI всё ещё продолжал надеяться на помощь Запада. Но, говорит Нестор, «не бысть ниоткуда помощи», в Пелопоннесе «понеже распря велия», другие же, «не восхотеша помощи, но глаголаху в себе: не дейте, но да возмут и турки, а у них мы возмём Царьград». Богачи города не захотели пойти на жертвы. Они зарывали деньги и ценности в землю. Когда император, как пишет Сфрандзи, распорядился, чтобы не принимавшие участия в обороне города «выделяли из своих запасов, соразмерно с достатком каждого, хлеб и всё съестное сражающимся и воинам, охраняющим башни», среди богачей поднялся ропот. Многие из них припрятали продовольствие, надеясь нажить на нужде изнемогавшего в неравной борьбе города. Император решил на частичную реквизицию драгоценной церковной утвари, чтобы перелить её в монету для выплаты жалованья наёмникам. Духовенство ответило на эту меру бешеной агитацией против императора и латинян. Оно побуждало тёмные элементы к бунтам и мя-

тежам, сеяло в народе семена неверия в благоприятный исход осады, распространяя басни о том, что турки всё равно войдут в город, но будут остановлены у колонны Константина близ храма св. Софии посланцем Бога — ангелом с мечом и будут изгнаны и из Европы и Азии. Росла паника, бродили слухи о всяких видениях и знамениях. Всё это ослабляло энергию сражавшихся, в то время как наступали решительные дни осады. Силы защитников таяли: воины, не имеющие возможности хорошо отдохнуть ни днём, ни ночью, сражаясь бессменно на своих постах, были вконец измучены. Огромны были потери турок, но и число защищавших стены быстро убывало.

Согласно Нестору 24 апреля турки «начаша бить град беспрестанно» в одно место и «сбиша стены сверху яко саженой пять...» Ночью греки заделали пролом, но утром обстрел возобновился и ко вновь образовавшейся брешии устремились турки. Они штурмовали город «всеми силами, по земле же и по морю». «Градские же люди, — пишет Нестор, — вшед на стенах от мала до велика, но и жены мнози и противляхуся им и бяхуся крепце». С наступлением ночи турки отступили, «и не бе тою ноци слышати ничто же, разве стонанье и вопль сеченых людей, но же и еще живы бяху».

Иногда греки оставляли проломы незаделанными. Утром турки, видя это, думали, что у отчаявшихся защитников города уже не хватает сил на то, чтобы днём вести битву, а ночью восстанавливать разрушенное, и плотной толпой бросались к брешам. Но установленные в них пушки разом давали залп по вплотную подошедшим отрядам, производя в них страшные опустошения. Иногда защитники города, как рассказывает Нестор, зарывали на подступах к стенам сосуды с порохом, «и яко приступиша множество людей рвы засыпати, абие граждане зажгоша сосуды... и взгреме земля... и падаху с высоты людии и древесаб ины в град, а ины в враги».

В середине мая Мехмед II собрал большой совет, на котором было решено изменить тактику боя. Но совете постановили придвинуть к стенам башни и лестницы одновременно во многих местах, чтобы разделить «граждан по всем местам на сопротивление, абие приступили крепко к разрушенному месту». Разрушенных мест было уже много вдоль стены. Рвы были полусасыпаны, опытных воинов на стенах осталось немного. Мехмед решился на генеральный штурм и произвёл перегруппировку сил осаждающих. 26 мая начался усиленный обстрел города из всех турецких пушек. В городе знали о предстоящем штурме и также готовились к нему. Император объезжал город, в церквах служились молебны, стены обходили священники, женщины и дети с иконами, воины исправляли то, что возможно было исправить, горожане помогали им, к стенам тащили камни, брёвна, песок, порох, оружие. Из лагеря осаждающих также доносился непрерывный гул — там полным ходом готовились к решительному штурму. Муллы и дервиши обещали туркам мусульманский рай за смерть во славу пророка, призывали поститься и творить омовения перед боем. Султан велел объявить о великой награде тому, кто первый взойдёт на стены, о том, что он отдаст имущество и самих жителей во власть победителей, разрешая три дня свободно грабить город, сохраняя для султана лишь его строения. В течение всей ночи на 29 мая лагерь турок и

их флот в заливе сверкали морем огней — это турки жгли костры и факелы, заканчивая свои приготовления и распевая молитвы.

На рассвете 29 мая турецкие батареи дали одновременный залп по городу и полчища турок на всём протяжении западной стены двинулись на город, турецкий флот и плоты одновременно направились к северной стене. Начался генеральный штурм. В передних рядах турецкого войска шли легко вооружённые части, задачей которых было утомить осаждённых. Бой барабанов, звуки боевых труб и крики осаждающих, шум оружия оглушили защитников стен. Бой запылал, по выражению Сфрандзи, «как печь». Дважды турки откатывались назад, оставляя груды убитых в проломах и у основания стен. Кричали умирающие, обожжённые кипятком и смолой, поражённые камнями и стрелами, звонили колокола, город наполнился криком и плачем женщин и детей, дым и пыль застилала солнце. На стороне залива бой носил менее ожесточённый характер, турецкие суда были легко отражены от стен с помощью кораблей греков и латинян. Но несмотря на потери и усталость своих воинов, султан бросал к проломам новые и новые полчища, его янычары, чауши и равдухи бичами, палками и ятаганами гнали воинов в битву, предавая смерти всех, кто в ужасе поворачивал назад.

Сам император Константин и Джустиниани принимали участие в ожесточённых рукопашных схватках, подавая пример своим воинам. Но вот в один из наиболее критических моментов битвы генуэзец был ранен и, видя собственную кровь, весь вдруг переменялся, как говорит Сфрандзи, «и если раньше проявлял мужество, то теперь от страха разинул рот и вообще после этого стал ни к чему не годен». Несмотря на то, что рана была лёгкой, несмотря на мольбы императора, он покинул пост, уйдя на свой корабль в заливе и переправившись в Галату. Уход командующего дезорганизовал обороняющихся, генуэзцы, а затем и другие латиняне стали покидать стены. Султан же бросил в это время на штурм резервы, свою гвардию — отборное войско янычаров. На стенах стали появляться воины в чалмах, их сбрасывали, рубили, но они снова мелькали среди осаждённых всё в большем количестве. Говорили, что часть их прорвалась через оставленную по небрежности незапертой калитку близ Харисийских ворот. Ряды защитников дрогнули, ещё мгновение — и они в ужасе обратились в бегство, турки ринулись в город.

Император с небольшой группой окружавших его воинов не ушёл от стен, яростно отбиваясь от наседавших со всех сторон врагов. Последние защитники стен и сам император полегли в неравном бою под турецкими ятаганами.

Турки спешили, соперничая друг с другом, ограбить павший город. Толпы их рассыпались по городу. На северной стене ещё продолжался бой, но обороняющие город со стороны залива увидели врагов позади себя, они стали в страхе, давя друг друга, прыгать со стены, спеша к своим судам, куда уже устремились латиняне и толпы жителей города. Переполненные корабли быстро отчалили от берега, оставляя на берегу в ужасе мятущуюся толпу, простирившую руки к уплывающим в Галату. Толпы людей в один час наполнили храм св. Софии. Женщины и дети, богатые и бедные — все, кто

успел, сбежались сюда в поисках последнего убежища. Но чуда не случилось. Дверь рухнула под ударами топоров — турки ворвались, перерезав кучку пытавшихся оказать им вооружённое сопротивление. «Кто расскажет о плаче и криках детей, — пишет Дука, — о вопле и слезах матерей, о рыданиях отцов, — кто расскажет? Тогда рабыню вязали с госпожой, господина с невольником, архимандрита с привратником, нежных юношей с девами... а если они силой отталкивали от себя, то их избивали». В несколько часов св. София была разграблена, а наполнившие её жители города превращены в рабов. Врываясь в дома, турки убивали старых и больных, младенцев бросали на улицы под ноги бегущих, вязали молодых и сильных и забирали имущество. Три дня и три ночи продолжался грабёж. Десятки тысяч пленных были выведены из Константинополя и обращены в рабство. Местами население оказывало сопротивление. «Народ же, — пишет Нестор, — по улицам и по дворам не покорялся туркам, но бьюхуся с ними... вне града сущими и внутри града, и в день одолеваемы бежаху и скрывахуся в пропастьех, а к ночи вылазяху и побиваху турков, а инии людии, и жены и дети метаху сверху полат керамиды и плиты и паки зажигаху кровли палатные деревянные и метаху на них с огни, и пакость деяху (туркам — Г.Л.) велию...»

Через три дня султан объявил «великую милость» — прекращение убийств, грабежа и пленения, и торжественно въехал в город, посетив тотчас храм св. Софии и приказав превратить его в мечеть. Он распорядился найти труп императора, и тот был найден под грудой мёртвых тел, опознанный по багряным сапожкам с золотыми орлами. Его отрубленная голова была выставлена на колонне на обозрение «райе» — порабощённому населению города. Константинополь пал. Византия прекратила своё существование.

Вскоре, едва через 8 лет, была ликвидирована независимость последних осколков империи: в 1456 г. пали Афины, в 1460 г. — Морея, в 1461 г. почти без боя сдался могущественный город-крепость Трапезунд.

Поражённая Европа, «попущением» которой пал последний оплот борьбы против турок на Балканах, узнала, что столицей могущественной Османской империи стал Стамбул — крупнейший в Европе город, некогда бывший Константинополем.

ТЕМАТИКА РЕФЕРАТОВ (примерная)

1. Основание Константинополя.
2. Религиозно-политические споры в Византии в V веке.
3. «Свод гражданского права» и внутренняя политика Юстиниана I.
4. Внешняя политика Юстиниана I.
5. Собор святой Софии и ранневизантийское искусство.
6. Правление императора Ираклия и его место в истории Византии.
7. Арабы и Византия.
8. Иконоборчество и его исторические последствия.
9. Славянская колонизация Балканского полуострова: причины, этапы, исторические последствия.
10. Южные славяне и Византия: основные этапы взаимодействия.
11. Миссия святых Кирилла и Мефодия в Великую Моравию и её историческое значение.
12. Оформление византийского самодержавия в период правления императоров Македонской династии.
13. Внешняя политика императоров Македонской династии.
14. Киевская Русь, Болгария и Византия в X веке.
15. «Македонское Возрождение».
16. Византия и Первый крестовый поход.
17. Внутренняя и внешняя политика императоров династии Комнинов.
18. Андроник Комнин и его роль в истории Византии.
19. «Комниновское Возрождение».
20. Четвёртый крестовый поход и образование Латинской империи.
21. Никейская империя и восстановление Византии.
22. Особенности социально-экономического и политического развития Поздней Византии.
23. Гражданская война в Византии в 40-е годы XIV века и её последствия.
24. Византийский гуманизм и культура Поздней Византии.
25. Падение Константинополя и исторические последствия гибели Византийской империи.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМЫХ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Публикации источников

Хрестоматия по истории средних веков / под ред. *Н.П. Грацианского* и *С.Д. Сказкина*. М., 1950—1953. Т. 1—3.

Хрестоматия по истории средних веков / под ред. *С.Д. Сказкина*. М., 1961—1963. Т. 1—2.

Хрестоматия по истории южных и западных славян. Минск, 1987. Т. 1.

* * *

Агафий. О царствовании Юстиниана / Пер., статья и примеч. *М.В. Левченко*. М.; Л., 1953.

Анна Комнина. Алексиада / Ввод. статья, пер. и коммент. *Я.Н. Любарского*. М., 1965.

Византийская Книга Эпарха / Вступит. статья, пер. и коммент. *М.Я. Сюзюмова*. М., 1962.

Византийская любовная проза / Подг., пер. *С.В. Поляковой*. Л., 1965.

Византийские легенды / Изд. подгот. *С.В. Полякова*. Л., 1972.

Византийский Земледельческий закон / Под ред. *И.П. Медведева*. Л., 1984.

Византийский сатирический диалог / Изд. подгот. *С.В. Полякова* и *И.В. Феленковская*. Л., 1986.

Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X в. / Введ., пер. и коммент. *Е.Э. Литвиц*. М., 1960.

Георгий Акрополит. Великий Логофет. Летопись. СПб., 1863.

Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах. СПб., 1862.

Георгий Сфрандзи. Хроника / Предисл., пер. и примеч. *Е.Д. Джогоцпанян* // Кавказ и Византия. Ереван, 1985. Т. 5. С. 187-240.

Григорий Палама св. Триады в защиту священнобезмолвствующих. М., 1995. Две византийские хроники X в. М., 1959.

Дигенис Акрит / Пер., статья и коммент. *А.Я. Сыркина*. М., 1994.

Дигесты Юстиниана. М., 1984.

Жоффруа де Виллардуэн. Завоевание Константинополя / Пер., комм. *М.А. Заборова*. М., 1993

Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. СПб., 1859.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов / пер. *Е.Ч. Скржинской*. М., 1960.

Константин Багрянородный. Об управлении империей / под ред. *Г.Г. Литаврина* и *А.П. Новосельцева*. М., 1989.

Лев Диакон. История / Отв. ред. *Г.Г. Литаврин*. М., 1988.

Михаил Пселл. Хронография / Пер., статья и примеч. *Я.Н. Любарского*. М., 1978.

Многоценная жемчужина. Литературное творчество сирийцев, коптов и ромеев в I тысячелетии н.э. М., 1994.

- Никита Евгенион.* Повесть о Дросиде и Харикле / Изд. подгот. *Ф.А. Петровский.* М., 1969.
- Никита Хониат.* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. СПб., 1860 — 1862. Т. 1-2.
- Никифор Григора.* История ромеев. СПб., 2013 — 2016. Т. 1-3.
- Памятники византийской литературы IV — IX веков. М., 1968.
- Памятники византийской литературы IX — XIV веков. М., 1969.
- Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей / Изд. *Я.Н. Любарский.* СПб., 1992.
- Прокопий из Кесарии.* Война с готами / Пер. *С.П. Кондратьева.* Вступит. статья *З.В. Удальцовой.* М., 1950.
- Прокопий из Кесарии.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. *А.А. Чекаловой.* М., 1993.
- Прокопий Кесарийский.* О постройках / Пер. *С.П. Кондратьева* // Вестник древней истории. 1939. № 4 (9).
- Робер де Клари.* Завоевание Константинополя / Пер., комм. *М.А. Заборова.* М., 1986.
- Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951.
- Свод древнейших письменных известий о славянах / сост. *Л.А. Гиндин. С.А. Иванов. Г.Г. Литаврин.* М., 1995. Т. 1-2.
- Сказания о начале славянской письменности / отв. ред. *В.Д. Королук,* вступит. ст., пер. и коммент. *Б.Н. Флори.* М., 1981.
- Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в. / Подгот. текста, введ., пер. и коммент. *Г.Г. Литаврина.* М., 1972.
- Стратегикон Маврикия / Издание подготовил *В.В. Кучма.* СПб., 2004.
- Феофан.* Летопись византийца Феофана / Пер. *В.И. Оболенского* и *Ф.А. Терновского.* М., 1884.
- Феофилакт Симокатта.* История. М., 1957.
- Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора / Тексты, пер., коммент. М., 1980.
- Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / Вступит. статья, пер., коммент. *Е.Э. Липшиц.* М., 1965.

Учебники и учебные пособия

- Каждан А.П., Литаврин Г.Г.* Очерки истории Византии и южных славян. СПб., 1998.
- Курбатов Г.Л.* История Византии (Историография). Л., 1975.
- Курбатов Г.Л.* История Византии (От античности к феодализму). М., 1984.

Обобщающие работы

- История Византии. М., 1967. Т. 1-3.

История Европы с древнейших времён до наших дней. В 8 т. М., 1992. Т. 2: Средневековая Европа.

История крестьянства в Европе. М., 1985—1987. Т. 1-3.

Культура Византии. IV — первая половина VII в. М., 1984.

Культура Византии. Вторая половина VII—XII в. М., 1989.

Культура Византии. XIII — первая половина XV в. М., 1991.

Левченко М.В. История Византии. Краткий очерк. М.; Л., 1940.

Исследования российских учёных

Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.

Алексидзе А.Д. Мир греческого рыцарского романа (XIII—XIV вв.). Тбилиси, 1979.

Алексидзе А.Д. Византийская литература XI—XII вв. Тбилиси, 1989.

Безобразов П.В., Любарский Я.Н. Две книги о Михаиле Пселле. СПб., 2001.

Бибииков М.В. Византийская историческая проза. М., 1996.

Бородин О.Р. Византийская Италия в VI—VIII вв. Барнаул, 1991.

Бородин О.Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. СПб., 2001.

Бычков В.В. Византийская эстетика. Теоретические проблемы. М., 1977.

Бычков В.В. Смысл искусства в византийской культуре. М., 1991.

Величко А.М. Политико-правовые очерки по истории Византийской империи. 2-е изд., расшир. и испр. М., 2008.

Величко А.М. История византийских императоров. М., 2015. Т. I-VI.

Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб., 2001.

Горянов Б.Т. Поздневизантийский феодализм. М., 1962.

Дашков С.Б. Императоры Византии. М., 1996.

Залесская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства IV—VII вв. Каталог коллекции. СПб., 2006.

Каждан А.П. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952.

Каждан А.П. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960.

Каждан А.П. Византийская культура (X—XII вв.). М., 1968.

Каждан А.П. Книга и писатель в Византии. М., 1973.

Каждан А.П. Социальный состав господствующего класса Византии XI — XII вв. М., 1974.

Каждан А.П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI—XII вв. Ереван, 1976.

Каждан А.П. Два дня из жизни Константинополя. СПб., 2002.

Каждан А.П. Никита Хониат и его время / Подгот. изд. Я.Н. Любарского, Н.А. Белозеровой, Е.Н. Гордеевой; предисл. Я.Н. Любарского. СПб., 2005.

Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. М., 1981.

Карпов С.П. Латинская Романия. СПб., 2000.

Карпов С.П. История Трапезундской империи. СПб., 2007.

- Курбатов Г.Л.* Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. Л., 1971.
- Курбатов Г.Л.* Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.). Л., 1962.
- Курбатов Г.Л.* Ранневизантийские портреты (к истории общественно-политической мысли). Л., 1991.
- Лебедева Г.Е.* Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л., 1980.
- Кучма В.В.* Военная организация Византийской империи. СПб, 2017.
- Куц Т.В.* На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии. Екатеринбург, 2013.
- Лазарев В.Н.* История византийской живописи. 2-е изд. М., 1986.
- Лебедева Г.Е.* Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л., 1980.
- Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.
- Липшиц Е.Э.* Законодательство и юриспруденция в Византии в IX—XI вв. Л., 1981.
- Липшиц Е.Э.* Очерки истории византийского общества и культуры. VIII — первая половина IX в. М.; Л., 1961.
- Липшиц Е.Э.* Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976.
- Литаврин Г.Г.* Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960.
- Литаврин Г.Г.* Как жили византийцы. М., 1974.
- Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977.
- Лихачёва В.Д.* Искусство Византии IV—XV веков. Л., 1986.
- Любарский Я.Н.* Михаил Пселл. Личность и творчество. М., 1978.
- Медведев И.П.* Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973.
- Медведев И.П.* Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л., 1976.
- Мохов А.С.* Византийская армия в середине VIII—IX в.: развитие военно-административных структур. Екатеринбург, 2013.
- Пашкин Н.Г.* Византия в европейской политике первой половины XV в. (1402—1438). Екатеринбург, 2007.
- Перетерский И.С.* Дигесты Юстиниана. М., 1956.
- Пигулевская Н.В.* Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.; Л., 1946.
- Писарская Л.В.* Памятники византийского искусства V—XV вв. в Государственной Оружейной палате. М.; Л., 1964.
- Поляковская М.А.* Портреты византийских интеллектуалов. Екатеринбург, 1992.
- Поляковская М.А.* Византия, византийцы, византинисты. Екатеринбург, 2003.
- Поляковская М.А.* Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр власти». Екатеринбург, 2011.
- Поляковская М.А., Чекалова А.А.* Византия: быт и нравы. Свердловск, 1989.
- Попова Т.В.* Византийская народная литература. М., 1985.
- Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988.

Раннефеодальные государства на Балканах. VI–XII вв. / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1985.

Романчук А.И. Исследования Херсонеса-Херсона: Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Византийский город. Екатеринбург, 2007.

Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. М., 1991.

Седов В.В. Славяне в раннее средневековье. М., 1995.

Сметанин В.А. Византийское общество XIII–XV вв. по данным эпистографии. Свердловск, 1987.

Степаненко В.П. Византия в международных отношениях на Ближнем Востоке, 1071–1176. Свердловск, 1988.

Толстой И.И. Византийские монеты. Барнаул, 1991.

Удальцова З.В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV–VII вв.). М., 1974.

Удальцова З.В. Италия и Византия в VI веке. М., 1959.

Удальцова З.В. Византийская культура. М., 1986.

Хвостова К.В. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV–XV вв.). М., 1968.

Хвостова К.В. Социально-экономические процессы в Византии и их понимание византийцами-современниками (XIV–XV вв.). М., 1992.

Хвостова К.В. Византийская цивилизация как историческая парадигма. СПб., 2009.

Чекалова А.А. Константинополь в VI веке. Восстание Ника. М., 1986.

Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья: Византия и Русь. М., 1990.

Труды зарубежных историков

Бейкер Д. Константин Великий. Первый христианский император / Пер. с англ. А.Н. Анваера. М., 2004.

Бейкер Д. Юстиниан. Великий законодатель / Пер. с англ. Л.А. Калашиковой. М., 2004.

Дворник Ф. Славяне в европейской истории и цивилизации. М., 2001.

Дворник Ф. Идея апостольства в Византии и легенда об апостоле Андрее. СПб., 2007.

Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке. СПб., 1908.

Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. М., 1947.

Диль Ш. История Византийской империи. М., 1948.

Гийу А. Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005.

Каплан М. Золото Византии / Пер. с фр. Ю. Розенберг. М., 2002.

Острогорский Г.А. История византийского государства / Перев. с нем. М.В. Грацианского; ред. П.В. Кузенков. М., 2011.

Ренсимен С. Падение Константинополя в 1453 г. М., 1983.

Шейнэ Ж. История Византии. М., 2006.

Сборники статей

- Античность и Византия: Сб. статей / Отв. ред. *Л.А. Фрейберг*. М., 1975.
- Античный мир. Византия. К 70-летию профессора В.И. Кадеева. Харьков, 1997.
- Византийская литература: Сборник статей / Под ред. *С.С. Аверинцева*. М., 1974.
- Византийское искусство и литургия. Новые открытия. Л., 1991.
- Византия, общество и церковь. Армавир, 2005.
- Византия, южные славяне, Древняя Русь, Западная Европа. Сборник статей в честь В.Н. Лазарева. М., 1973.
- Власть, общество и церковь в Византии: Сборник научных статей / отв. ред. *С. Н. Малахов*. Армавир, 2007.
- Древние славяне и их соседи. М., 1970.
- Литаврин Г.Г.* Византия и славяне: Сборник статей. СПб., 2001.
- Море и берега. К 60-летию С. П. Карпова от коллег и учеников: Сборник научных статей / Отв. ред. *Р.М. Шукуров*. М., 2009.
- Образ Византии: Сборник статей в честь О.С. Поповой. М., 2008.
- Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.
- SOFIA. Сборник статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А.И. Комеча. СПб., 2006.

Классика русского византиноведения

- Васильев А.А.* Лекции по истории Византии. Пг., 1917. Т. 1.
- Васильев А.А.* История Византии. Латинское владычество на Востоке. Эпоха Никейской и Латинской империй (1204—1261). Пг., 1923.
- Васильев А.А.* История Византии. Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261—1453). Л., 1925.
- Васильевский В.Г.* Труды. СПб.; Л., 1908—1930. Т. 1-4.
- Кулаковский Ю.А.* История Византии. Киев, 1912—1915. Т. 1-3.
- Рудаков А.П.* Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917.
- Успенский Ф.И.* Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1891.
- Успенский Ф.И.* История Византийской империи. СПб., 1913. Т. I; Л., 1927. Т. II; М.; Л., 1948. Т. III.

Периодические и продолжающиеся издания

- Античная древность и средние века. Екатеринбург (Свердловск), 1960—2015. Вып. 1-43.
- Византийские очерки. М., 1961; М., 1971; М., 1982; М., 1991; М., 1996.
- Причерноморье в средние века / Отв. ред. *С.П. Карпов*. М.; СПб., 1991—2008. Вып. 1-7.

Интернет-ресурсы

Тексты источников on-line: <http://www.vostlit.info>

Электронные версии публикаций источников, учебных пособий и исследований:

<http://www.gumer.info>

<http://www.hist.msu.ru>

<http://historic.ru/books>

<http://www.inslav.ru>

<http://www.iskunstvo.info>

<http://www.twirpx.com>

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО